

Илья Тамигин
*Жемчужина, выпавшая
из короны*

Любовный исторический роман

Илья Тамигин

**Жемчужина, выпавшая из короны.
Любовный исторический роман**

«Издательские решения»

Тамигин И.

Жемчужина, выпавшая из короны. Любовный исторический роман
/ И. Тамигин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900789-6

1815 год. Роковая страсть, приведшая поручика Орлова к разорению и отставке, провозглашение его богом, попытка вовлечения маленького королевства Атувай в состав Российской Империи (реальное событие!), странные сны о будущем, в которых Орлов то становится значкистом ГТО, то получает реальную сабельную рану на Русско-японской войне 1905 года. Всё это, а также любовь таинственной островитянки, преображенной из ангела, и мистическое вмешательство Высших Сил Читатель найдет на страницах романа!

ISBN 978-5-44-900789-6

© Тамигин И.
© Издательские решения

Содержание

Эпиграфы:	6
Посвящается моей жене Наташе	7
От Автора	7
Пролог: Первая встреча. 1778 год	8
Часть первая: Стечение обстоятельств, приведшее к...	9
Глава первая	9
Глава вторая	19
Глава третья	29
Глава четвертая	38
Глава пятая	47
Глава шестая	53
Глава седьмая	62
Глава восьмая	73
Глава девятая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Жемчужина, выпавшая из короны Любовный исторический роман

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2019

ISBN 978-5-4490-0789-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Илья Тамигин

Эпиграфы:

*Империя (от лат. imperium – власть) – большое
многонациональное образование, управляемое из одного центра принятия
решений в интересах всего политического пространства.*

Википедия

*Три четверти планеты —
Моря и океаны!
А остальное – острова,
Остальное – острова!*

*«Остальное – острова», песня.
Музыка О. Фельцмана. Стихи Е. Долматовского*

Посвящается моей жене Наташе

От Автора

Роман написан к двухсотлетию попытки Русско-Американской Компании установить контроль над частью Гавайских островов и вовлечь королевство Атувай в состав Российской Империи. Королю была обещана защита, помощь в развитии экономики и образования, а также в капитальном строительстве. На острове Кауаи было даже построено три крепости, одна из которых, Елизаветинская, сохранилась до сих пор.

Король подписал договор, и 2-го июня 1816 года в бухте Ваимеа был поднят российский флаг, но...

На фоне происходящего происходит трансформация нравственных принципов главного персонажа, георгиевского кавалера поручика Орлова, героя Отечественной Войны 1812 года и последовавшего за ней Заграничного похода. Во время своего пребывания на островах он укрепляется в вере в Бога, проникается идеями мира и борется против войны, выполняя своё Главное Предназначение в жизни (Автор убежден, что у каждого человека есть неизвестное ему Главное Предназначение!). В нём, недавнем офицере и вертопрахе, беззаботном и легкомысленном, зреет серьёзное решение: стать священником и миссионером, проповедовать Слово Божье язычникам-островитянам. Высшее доступное человеку дело!

Исторические события, описанные в сем романе, в угоду сюжету, изложены весьма вольно. Ну, так получилось!

Все действующие лица, названия населенных пунктов, адреса и явки, секретные карты и снадобья, шифры и чертежи изобретений, а также синий цвет – есть вымысел Автора. И ещё: Автор не разделяет верований, а также взглядов и теорий, излагаемых его персонажами!

Пролог: Первая встреча. 1778 год

Щедрое, роскошное, сияющее раскаленным золотом Солнце величаво садилось в океан, покидая наливающееся густой синевой безоблачное небо и окрашивая волны в цвет вина – древний грек Гомер так и выражался: винноцветное море, а уж он-то, по отзывам современников, в вине знал толк! Наступил «Час Вечернего Уиски» – именно так, с большой буквы «Ч», очень уважаемый момент среди всех британских джентльменов. Натянувшийся якорный канат корабля «Resolution» слегка вибрировал. Казалось, что паруснику не терпится снова отправиться в путь, резать волны форштевнем, упруго претворяя энергию ветра в движение. С только что открытого тропического острова, лежащего в двух кабельтовых по левому борту и сверкающего золотистым пляжем, окаймленным пышной зеленью пальм, доносилось вечерним бризом тонкое благоухание цветов сандалового дерева, гибискуса и, пардон, плюмерии, а также других, ещё не известных европейским ботаникам. Матросы, за время долгого плаванья сильно утомленные целомудрием, волновались на палубе, гадая, обитаем ли остров. Ведь, если там живут люди, то половина из них – женщины!!! Все были бы рады новым знакомствам!

В капитанскую каюту вошел стюард с подносом закусок и бутылкой. Штопор ввинтился в пробку и она негромко чмокнула, покинув горлышко. Янтарная струйка мелодично зажурчала в серебряные стаканчики, и по каюте распространился (нежный, соблазнительный, манящий, искушающий, желанный – нужное подчеркнуть!) аромат выдержанного шотландского уиски.

С вождением пошевеливая густо заросшей волосами ноздрей, капитан Джеймс Кук принял из рук стюарда дозу сего животворного эликсира. Другую ёмкость взял вахтенный офицер – второй помощник Диксон. Поставив поднос с закусками на стол, стюард вышел из каюты. Джентльмены чокнулись и выпили. За короля Джорджа III. Занюхав ароматами острова, выпили, не задерживаясь, по второй – за Англию. Закусили. И только потом выпили за красивые острова, волею Провидения открытые сегодня.

– Как Вы изволите назвать этот архипелаг, сэр? – спросил второй помощник, выжидательно склонившись над боржурналом, – Сии острова воистину полны очарования, поэзии и романтики!

Держа в руке сэндвич с солониной, капитан Джеймс Кук задумался лишь на секунду. Затем, сдвинув на затылок треуголку, решительно сказал:

– Пишите, Диксон: Сэндвичевы острова!

– Вы серьёзно, сэр? Так и писать? – второй помощник был разочарован такой прозой.

Судно качнуло.

– Мой высокий покровитель, Сэр Джон Монтегю, Первый Лорд Адмиралтейства, четвертый граф Сэндвичский, разве не заслуживает чести быть увековеченным на географической карте?

– О, в его честь, значит! Тогда, конечно, сэр... Я просто подумал, глядя на Ваш сэндвич...

– Да! Это он его изобрел! Однажды, за игрой в криббедж, чтобы не отходить от ломберного стола, ибо пришла хорошая карта, сей достойный джентльмен приказал положить на ломоть хлеба салат, майонез, ветчину и сыр. А чтобы не пачкать пальцы, велел накрыть это сооружение другим ломтем хлеба. Гениально, не правда ли?

– Оу, йес, ит из, сэр!

С палубы вдруг раздался многоголосый радостный вопль, и через секунду в каюту влетел боцман.

– Сэр! Прошу прощения, сэр, но там... Там люди, сэр! Множество лодок плывут сюда!

Капитан Кук прожевал сэндвич, поправил треуголку и произнес историческую фразу:

– Bay!

Часть первая: Стечение обстоятельств, приведшее к...

Глава первая

Началом нашей истории можно считать конец Заграничного Похода Русской Армии. Ну, это когда союзники – русские, пруссаки и австрийцы (и отчасти – англичане) захватили французский город Париж и Александр Благословенный вынудил Наполеона Буонапарта отречься от престола, хотя тот и не хотел. Свергнутого императора англичане тут же определили на жительство в последнем его владении – острове Эльба. Но речь пойдет не об этом, а вот о чём: в походе сем принял посильное героическое участие и подпоручик от артиллерии Леонард Федорович Орлов. Со своей батареей онный офицер прошел через всю Европу, паля в воров с похвальной скорострельностью и меткостью, за что был неоднократно отмечен благодарностями командования, выражавшихся обычно в дополнительной выдаче водки пушкарям. Но однажды главнокомандующий, впечатленный мастерством нашего героя, проявленным в бою под Малоярославцем, презентовал ему золотой брегет с дарственной гравировкой:

«Артиллеристу Божией Милостию подпоручику Л. Ф. Орлову от фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова. 1812».

И, знаете – не зазнался подпоручик! Так, почванился немного – и пошел дальше воевать. Значит, мерз Орлов в палатке, мок под дождем на марше – и сибаритствовал на перинах в захваченных городах, ел кашу из солдатского котла или бараньи котлетки а ля Дижон со сложным гарниром, буде случалась такая возможность, пил бургундское и коньяк, а ежели не случалась – то не гнушался и обычной русской водкой. Ну, на войне, как на войне!

А при осаде Парижа на его батарею налетела тяжелая конница Мюрата, предварительно смяв правое крыло русского авангарда. О, то был опасный момент! Захвати они батарею и разверни пушки, вся история Европы могла бы соскользнуть на другие рельсы! Но, как было сказано выше, подпоручик палил метко, а главное – добился от своих пушкарей отменной скорострельности! Французы, порубив в фарш пехоту, устремились к пушкам... и нарвались на сюрприз: вместо двух ожидаемых залпов они получили целых три! Выкосив три четверти храбрых кирасир картечью, пушкари отбивались от остальных холодным оружием: банниками, тесаками, оглоблями и чем попало, а сам Орлов – саблею и пистолетами. А тут и сикурс подоспел, наши славные гусары – два эскадрона! Французы, поняв, что супротив объединенных сил артиллерии и кавалерии не выстоять, предприняли ретираду. Сей подвиг был замечен командиром полка, и на подпоручика ушло на высочайшее имя представление к награде. Сам государь-император вручал Орлову в свежезахваченном Париже Георгиевский Крест!

Но долго в Париже погулять нашему герою не пришлось. В апреле 1814 года Высокое Начальство, мудро посчитав, что после взятия города Парижа нужда в артиллеристах уменьшилась, а в инженерах, наоборот, возросла (а Орлов был инженер-артиллерист!), перевело Леонарда Федоровича в Белокаменную, в Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича Тверской Инженерный Полк, повысив, впрочем, в чине. Был подпоручиком – стал поручиком!

Прибыв в Москву, которая тогда бурно отстраивалась после пожара, двадцатитрёхлетний неискушенный светскою жизнью Лёня слегка растерялся. Размах, однако! Шампанское здесь пили не иначе, как дюжинами. Офицеры по улицам ходили из чувства патриотизма только в парадных мундирах. Ставки на бильярде исчислялись сотнями рублей! Соответствовать этому образу жизни офицерского жалованья и присылаемых дядей доходов с имения, вообще-то, хватало. Но было непривычно и нескромно тратить чуть ли не впятеро больше, чем обычно. И жизнь поручика текла легко и беззаботно, пока через две недели в Москву не при-

ехала некая Ванда, затмившая всех местных дам, как восходящее солнце затмевает звёзды на небосводе.

Ванда Леопольдовна, жена полковника барона фон Брауде, была красавица. Нет, не так! Она была красива красотой не человеческой, но ангельской! Тонкое и нежное, как на полотнах средневековых итальянцев, лицо, огромные бархатные глаза редчайшего фиалкового цвета, ресницы, на которых мог бы отдохнуть воробей, улыбочивые губы сердечком, лебединая шея, умопомрачительные матовые плечи, дивная грудь, поспорив о форме коей, кавалергард Иваницкий стрелялся на дуэли с камер-юнкером Стрепетовым и ранил того в... Впрочем, неважно, во что. Талию баронессы, ежели в корсете, возможно было обхватить пальцами, а то, что располагалось ниже, ласкало даже самые взыскательные мужские взгляды идеально-сферическим совершенством формы. А голос! Когда она пела, у слушателей просто сердца временно оставались! Но главное – особый взгляд, которым сия дама могла покорять, поощрять и уничтожать мужчин. Имелось в том взгляде что-то эдакое, мистическое и необъяснимое. Было ей двадцать пять лет, а мужу-полковнику – шестьдесят один год. С половиною. Говорит само за себя, г-м. Сие зело часто приводило к несоответствию желаний и возможностей на брачном ложе. Кроме того, он злоупотреблял водочкою и на этой почве страдал ипохондрией вперемешку с меланхолией.

Полк, которым командовал барон, был инженерный – тот самый, в который перевели Орлова! Сам понимаешь, Читатель, что полк на месте не стоял: фортификационные сооружения нуждаются в ремонте постоянно, не говоря уже о постройке новых, на предмет обороны от супостата. Но, куда бы не забрасывала судьба и служба государева, Ванда Леопольдовна не скучала. Всегда находились поклонники, готовые на все, на любое безумство, чтобы привлечь сию даму. Многочисленные обожатели придавали ей ещё больше сияния и обожания. Клеопатра и Цирцея в одном лице. И все сходило с рук! Муж, конечно же, ни о чем не догадывался.

Уже на следующий день после прибытия дамы в Москву мужское население города и окрестностей забулькало, забурило и запузрырилось вулканическою лавою восхищения. В честь очаровательницы слагались оды, панегирики и дифирамбы. Дважды в неделю, сопровождаемая небольшой группой (человек десять – двенадцать, не больше!) самых ярких поклонников, она выезжала на прогулку верхом на вороном арабском жеребце с белыми носочками, и все воздыхатели выстраивались по сторонам улицы, бросая под копыта коня цветы. Некоторые, зачем-то, пытались бросаться сами. Каждый вечер легконогая баронесса порхала в танце на балах, частенько устраиваемых специально ради неё. Русские столбовые дворяне, венгерские, немецкие и австрийские аристократы, ну, и польские шляхтичи чуть ли не каждый день нещадно кромсали друг друга саблями и шпагами, а также дырявили пулями на дуэлях, вспыхивающих, как порох, из-за борьбы за улыбку красавицы, право пригласить на тур мазурки или просто поцеловать ручку. Прямо, эпидемия какая-то!

Когда наш скромный поручик увидел Ванду Леопольдовну впервые на балу в дворянском собрании, он сначала решил, что ослеп, ибо свет померк в очах его. Затем три дня лежал в нервной горячке, насилу денщик Данила отпоил водкою на черносмородиновых почках. Стрела Амура поразила Леонарда в самую середину сердца, застряв там в митральном клапане болючей занозой, и ни о чем другом, кроме предмета своей страсти, он думать уже не мог. Придя в себя, послал Данилу за цветами, велел купить самый расшикарный букет на все деньги, отложенные на хозяйство, что нашлись в кошельке. Денщик вернулся с букетом розовых роз размером в добрый сноп, горько посетовав барину, что цветы сильно вздорожали, денег не хватило, и ему пришлось добавить собственную пятерку. Он давно служил у Орлова, и на этой почве иногда забывался и был излишне фамильярен с хозяином.

Взявши розы, Леонард надел парадный мундир и пошел на Тверскую, чтобы увидеть своё божество. До выезда Ванды было ещё три часа, но он был готов ждать и дольше. Занял

удобное место напротив её ворот, где уже топталось с полдюжины поклонников – от гимназистов до генералов. Все были знакомы между собой, курили, вступали в разговоры. Леонард же абстрагировался от окружающего мира: весь был нацелен исключительно на появление предмета своих чувств. Пошел дождь, все опытные поклонники раскрыли зонтики или завернулись в плащи, но Орлов стоял, не замечая, что струйки текут по лицу и за шиворот. За три часа толпа выросла многократно. Дождь кончился. Мужчины выстраивались с букетами, букетищами и букетиками по обеим сторонам улицы. И вот!

Распахнулись высокие кованые ворота и на мостовую выехали два гайдука. Протрубили трижды в фанфары, возвещая появление мадам фон Брауде. За ними потянулась кавалькада конных воздыхателей. Ванда Леопольдовна была в тот день в сиреновой амазонке, из под которой выглядывал кончик ботинка, украшенного жемчужными пуговками. Шляпка, похожая на корону, увенчивала гордую головку. Каштановые кудри посверкивали в солнечных лучах искорками, как полированная медь. Толпа закричала «Виват!», и баронесса улыбнулась. Взгляд её упал на на молодого высокого кудрявого блондина в насквозь мокрым мундире поручика с Георгиевским крестом на груди. В его пламенном взоре (фи, ну и штамп!), пардон, в пылающих очах (ой, тоже штамп, ещё и более затертый! Надо что-нибудь посвежее придумать!), в общем, в выражении лица читалось не восторг, не обожание, не восхищение, но страсть. Это было редкостью! Именно таких, страждущих, сходящих с ума, а не просто так влюбленных, Ванда и выбирала себе в аманты.

Она остановила жеребца, вынула батистовый платочек с вышитой монограммой, и нежно вытерла лоб и щеки своего нового избранника, после чего уронила платочек ему на эполет, поощрительно улыбнулась и проследовала далее по маршруту, осыпаясь цветами.

Ноги у Леонарда подкосились, он замер в неловкой позе, не зная, что теперь делать и как жить дальше. Свободной рукой он схватил платок и прижал его к губам. Тонкий запах незнакомых духов проник в ноздри... Спихнул: букет! Букет не вручил, болван! И даже на мостовую не бросил, растяпа! Но было уже поздно: не бежать же вслед...

Кто-то дернул его за рукав. Оглянулся: рядом стоял пожилой генерал в австрийском уланском мундире. По подбородку генерала текли слюни вождения.

– Господин поручик, – обратился он к Орлову, скверно выговаривая французские слова, – Не продадите ли платок мадам фон Брауде? Я дам Вам за него тысячу червонцев!

Даже не обидевшись на фетишиста, Леонард покачал головой, повернулся, и, как во сне, двинулся домой. Данила, увидев, что барин вернулся с цветами неадекватный, осторожно забрал розы и вернул их торговцу за треть цены – чего ж зря добру пропадать! Орлов этого даже не заметил.

Два дня он мучился, вспоминая каждый миг мимолетной встречи с богиней его сердца. Затем – была не была! – написал ей письмо на восемнадцати страницах, в котором выражал желание увидеть её вновь, чтобы припасть к ногам... ну, и тому подобное. Сумбурное это письмо немало позабавило очаровательницу, получавшую до трёх сотен таких писем ежедневно. Сама она их не читала, конечно, никакого времени не хватило бы. Читала камеристка, выбирая самые интересные или смешные. Письмо поручика попало ей на глаза из-за того, что он догадался вложить в конверт драгоценный платок.

На следующий день с городской почтой пришел ответ! Ответ! Поручика Орлова приглашали на файв-о-клок барон и баронесса фон Брауде.

Леонард был храбрецом. Воином. Прошел всю кампанию 1812 года, участвовал в Заграничном Походе 1813—1814 годов, дошел со своей батареей до самого Парижа, где её едва не захватили кирасиры Мюрата, получил Георгиевский крест в награду за этот бой. И были в его жизни бабы, женщины и девки, даже и две дамы. Но тут он оробел. Предстояло идти на чай к командиру полка, которого он видел всего один раз, представляясь по прибытии на службу. И там будет Ванда! Вандочка! Что прикажете делать? В смысле, как сдержаться

в присутствии мужа? Прямо, хоть очки с синими стеклами надевай, чтобы скрыть горящие высоким чувством взоры!

Кинув взгляд на каминные часы, Леонард заторопился, отбросив сомнения. Времени на подготовку оставалось в обрез. В баню! Срочно!! Ибо не мыт уже три дня!!!

– Данила! Бельё! Чистые чулки! Живо! В баню иду! – страстно озаботил он денщика.

– Ваше благородие, чистые чулки кончились! – виновато отозвался тот.

– Убью! – прорычал Орлов жутким голосом, – Достань, где хочешь! Даю минуту! Время пошло!

Чулки явились как по волшебству, ибо Данила хотел жить.

Сходивши в баню, где его подстригли, побрили, отдраили мочалкой до скрипа и сбрызнули Кёльнской Водой, влюбленный поручик с помощью Данилы облачился в парадный мундир и самые лучшие свои сапоги, сиявшие, как два черных жирных солнца. Взял извозчика, проехал мимо цветочной лавки, купил на сей раз скромный, но ужасно дорогой букет изысканных голландских тюльпанов, и, без одной минуты пять, слегка дрожащей рукой постучал в дверь жилища фон Брауде.

Горничная провела его в столовую, где он несколько неуклюже вручил Ванде букет и был допущен к ручке. Поцеловать осмелился лишь самые кончики пальцев. От восторга и запаха кожи любимой женщины поясницу свело судорогой, едва распрямился. Баронесса томно улыбнулась и поблагодарила за цветы. По русски она говорила с чарующим акцентом – в нашей эпохе с таким говорит Эдита Пьеха. Полковник был индифферентен, но, впрочем, умеренно доброжелателен.

– Вообразите, Пьер! Я уронила на улице платочек, а Леонард Федорович его нашел и любезно прислал мне! Мне захотелось познакомиться поближе с таким благородным человеком, тем более, что он офицер нашего полка! – ворковала Ванда Леопольдовна.

– Это Вы правильно, поручик! – пожал руку Орлову фон Брауде, – Платок – он тоже денег стоит. Чай, не меньше пяти рублей за дюжину. А вышивка! Ещё по полтине на платок кладите.

Отец-командир был по немецки скуповат.

Сели вдвоем пить чай. Орлова заставили рассказывать о своей службе, учебе, семье. Сначала он запинаясь, затем разговорился.

– ... Сирота я. Папенька отдал Богу душу в турецком плену когда мне было три года, маменька ещё раньше преставилась от холеры. Дядя Всеволод Никитич меня вырастил и воспитал. Я его единственный наследник.

– Много ли душ у дяди? – спросила Ванда вкрадчиво.

– Тысяч пятнадцать. Да в моем имении десять, – беззаботно поведал поручик, – Им тоже дядюшка занимается.

Лёгкая тень алчности пробежала по прекрасному лицу баронессы, но тут же исчезла.

– Это вы из каких Орловых? Легендарный светлейший князь Григорий Орлов вам не родственник? – поинтересовался барон.

– Дальний. Как мужики говорят, нашему плетню троюродный забор, – тонко пошутил Леонард, – А, вообще-то, мы калужские. И имение у дяди в Калужской губернии.

Ванда негромко рассмеялась. Смех её был подобен аккордам небесной арфы! От сего чарующего звука сердце и без того потерявшего голову поручика не выдержало напряжения и оборвалось, с шумом рухнув в сапоги, а мозг заволокло туманом счастья. Забыв, где он находится, Орлов не глядя нашарил подвернувшуюся бутылку со стола и налил себе полную чашку. Выпил залпом. Оказалось – ром. Глаза хозяйки удивленно расширились.

– Знай наших! – восхищенно крикнул полковник, – Ну-ка, я тоже!

– Пьер! – запротестовала супруга, – У Вас же диета!

– Ер-рунда! – парировал бравый вояка, и выпил.

Затем, без перерыва и закуски – ещё одну. И ещё.

Орлову сделалось неловко. Он понял, что, сам того не желая, спровоцировал милейшего Петра Иоганновича на запой. И сделать уже ничего было нельзя, процесс соскочил с зарубки: командир вошел в раж, и перешел с рома на коньяк. Леонард даже не пытался за ним угнаться. Через час таких упражнений пришли два гайдука и унесли бесчувственную тушку барона в спальню.

– Увы! Вечер испорчен... – грустно посетовала Ванда, – Вы извините его, Леонард Федорович. Он так устает на службе! Ответственность... и вообще... А мне теперь до самой ночи скучать одной!

– Я... Позвольте мне... Я... Это... С Вами посижу... или постою... то-есть, побуду, – бессвязно забормотал Леонард, сжигаемый тайной надеждой, что удастся задержаться ещё хоть немного.

– Любите ли вы стихи, Леонард Федорович? – вдруг спросила Ванда деловито.

– О, да! Люблю... – несколько удивился тот.

– Прекрасно! Приходите в четверг, в семь. У меня будет несколько любителей поэзии, этаким литературный салон. Почитаем друг для друга... Викторина будет, конкурсы разные... Придёте? – Ванда лукаво наклонила головку.

Не в силах вымолвить единое слово от радости, что увидит её вновь, Орлов часто-часто закивал.

– Ну, вот и отлично! А сейчас Вам пора... – богиня протянула руку для поцелуя.

Поцеловав оную уже чуть более смело, наш герой с поклонами удалился, и до самой ночи бродил по улицам: переживал. Стихи он читал редко, наизусть знал только из гимназического курса. Но дело поправимое! До четверга ещё два дня! Он успеет выучить наизусть что-нибудь... эдакое.

Все утро следующего дня он рыскал по книжным лавкам, доводя приказчиков до белого каления своею придиричивостью и неспособностью точно выразить, что ему нужно. Наконец, в четвертой по счету лавке, нашелся тоненький сборник стихов Роберта Бёрнса, в переложении на французский. Оригинальный текст был слева, перевод – справа. Представлялся удобный случай прослыть интеллектуалом: мало кто знал английский. А Леонард языком островитян владел! Прочитать стих, затем – французский перевод!

Придя домой, засел за зубрёжку. Дело было непростое, но справился: к ночи выучил четыре стихотворения! Выпил бутылку охлажденного рейнского, чтобы остудить раскалённый от непривычных усилий мозг, и, довольный, уснул.

В среду пришло письмо от дяди. Врач посоветовал старику отправиться на воды в Карлсбад, поэтому деньги он племяннику высылал сразу за полгода вперед. Ну, не замечательно ли?

Весь четверг бормотал английские и французские стихи, боясь забыть и оконфузиться. В семь, снова отмытый, выбритый, с напояженными закрученными усами и в чистых чулках (а как же!), Леонард прибыл на литературный кружок.

Члены кружка Ванды Леопольдовны оказались людьми солидными. Все в чинах не ниже полковника. Всего, считая Орлова, их насчитывалось восемь человек. Председательствовал Варшавский предводитель дворянства князь Яблонский, толстяк лет пятидесяти с носом картошкой. После представления Леонарда присутствующим, Ванда, одетая в наимоднейшее, черное с серебром, платье с глубоким декольте, объявила:

– Итак, господа! Сегодня каждый читает одно стихотворение. Затем производится тайное голосование, и победитель получает от меня приз! Все просто, как видите!

И вечер поэзии начался. Полковник Родионов прочитал собственного сочинения оду Диане-охотнице, в которой без труда угадывалась хозяйка. Рифма у полковника хромала, размер – тоже. Но, тем не менее, он сорвал аплодисменты, сравнив румяную щечку богини с розой. Очень, знаете ли, нетривиальный литературный ход!

Затем читались стихи на французском, польском, русском и немецком языках, как свои, так и чужие. Дошла очередь и до поручика. Он встал на табуретку и прочитал «В моей душе покоя нет...» с большим чувством и выражением (Читатель! Ты знаешь это произведение! Песня из кинофильма «Служебный Роман»!). Все присутствующие впечатлились и аплодировали особенно громко.

Когда все закончилось, Ванда Леопольдовна предложила приступить к голосованию. Леонард с изумлением увидел, как любители поэзии достают толстые конверты с деньгами и вкладывают в них маленький листочек с именем того, за кого голосуют.

– Георгий Михалыч, – шепотом спросил он Родионова, – Это... деньги-то... зачем?

– А! Сии средства суть пожертвования на благотворительные цели. Мы соберем, а Ванда Леопольдовна передаст: на сиропитательный дом, или там... на призрение инвалидов. Да мало ли! – также, шепотом ответил тот.

– А сколько, пардон, жертвовать? – растерялся поручик.

– Это уж на Ваше усмотрение. На размер души, – пожал плечами Родионов.

Прикинув на глаз толщину конвертов конкурентов, достал все, что было в бумажнике – более трёх тысяч сотенными и пятисотенными, оставив только несколько имперIALов и серебро. Написал из благодарности фамилию Родионова на четвертушке бумаги, вложил всё это в услужливо поданный горничной конверт и положил, как и другие, на поднос.

Подали шампанское. Хозяйка, она же секретарь избиркома, стала вынимать из конвертов и зачитывать фамилии кандидатов. С изумлением и восторгом Леонард услышал, что набрал наибольшее количество голосов! Целых три!

– Леонард Федорович! Поздравляю! – проворковала Ванда, – Извольте получить приз!

В руке у неё была маленькая бархатная коробочка.

– И разрешаю Вам поцеловать меня, куда захотите... – здесь она сделала лукавую паузу, – хоть в запястье! – рука с коробочкой оказалась на уровне его губ.

Припав к запястью долгим поцелуем, распираемый гордостью и любовью, Леонард взял приз. Что бы это ни было, отныне он будет хранить сей подарок богини, как самую драгоценную реликвию! Все зааплодировали. В коробочке оказался янтарный мундштук ценою рубля в три...

Через полчаса все разошлись. Леонард получил приглашение на очередное заседание кружка через месяц, многообещающий взгляд из-под ресниц, и – отдельно! – приглашение на чай в понедельник. Душа его пела! О, этот взгляд! Это легкое рукопожатие! Безусловно, он ей симпатичен...

Через два дня в газете «Московские Ведомости» появилась заметка. Благотворительница, баронесса фон Б., пожелавшая остаться неизвестной, пожертвовала весьма значительную сумму на больницу для неимущих. Ванда действительно послала пятьсот рублей. А остальные... Читатель! При наличии скупого мужа и многочисленных нуждах (не ходить же в рубище и босиком!) надобно как-то экономить! Кому из очарованных жертвователей придет в голову проверить, сколько на самом деле внесено в кассу больницы?

Придя домой, Леонард застал у себя старинного знакомого капитана Петровского. Тот непринужденно сидел на диване в гостиной и освежался хозяйским коньяком.

– Лёня! Душа моя! – возопил он, как будто они не виделись, по крайней мере, год, – А я вот, соскучился, дай, думаю, зайду!

Орлов слегка удивился, ибо виделись они всего три дня назад, но виду не подал.

– Молодец, что зашел! – широкая улыбка озарила гостиную, ибо настроение было прекрасное.

Присев к столу, плеснул коньячку и себе – так, за компанию.

– Вообрази, Лёня! – воодушевленно вещал Петровский, – Намедни сели в покер играть. Игра такая новая, североамериканская. Я, Оболенский, Назаров – ну, ты их знаешь, – и какой-то прыщ, паж, по фамилии Малевич. Он из Петербурга приехал недавно, служит сейчас у генерал-губернатора. Натурально, играем. Мне прёт карта! Через час уже во-от такая куча денежков передо мною (капитан показал руками, какая)! Очередная сдача (кстати, сам сдавал!), смотрю свою руку – батюшки-светы! Четыре короля! Назаров спасовал, Оболенский покраснел весь, двигает пятьсот, Малевич поднимает на тысячу, а у самого пенснэ запотело. Понятно, что у них тоже карта пришла! Я отвечаю и поднимаю на две! Оболенский карты бросил. Малевич отвечает две и поднимает на пять! Я – отвечаю, но поднять уже не могу, нечем. Малевич – дальше пять. Я говорю: открываюсь! А он: а пять тыщ? Я: а в долг! Паж согласился. Я свои четыре короля на сукно. Он свои карты положил – и у меня аж в глазах потемнело: четыре туза! И это я, своею собственной рукой, так сдал!

Петровский выпил ещё коньяку, рыгнул.

– Выручай, брат! Одолжи денежков! А я, как из имения пришлют, месяца через два, сразу отдам!

Обычная, в общем история.

– Рад бы, да не могу. Не при деньгах я нынче, Вася! – развел руками Леонард, – Через неделю перевод должен прийти, тогда – милости просим!

– Куда ж ты их дел? – искренне удивился капитан, – Актрисок не содержишь, рысаков не покупаешь, не играешь, балы не задаешь...

– Да вот, так получилось... – проямлил поручик. Ему было очень стыдно, что нет возможности помочь старому товарищу.

Петровский вздохнул.

– Ну, через неделю, так через неделю. А пока придется опять родовое гнездо заложить. Особнячок его, один из немногих, уцелевших на Москве после пожара, стоял у Покровских Ворот. Закладывал его капитан уже четырежды.

Посидели, поболтали о пустяках. Данила принес из ресторации ужин, ибо от коньяку разыгрался аппетит.

– Слышал я, что ты мадам фон Брауде очаровался, – вытирая усы салфеткой, констатировал капитан, – Видели тебя на Тверской с букетом, под дождем, да!

Леонард не ответил, но нахмурился.

– Смотри, Лёня, будь осторожен! – вдруг тихо и серьёзно посоветовал Петровский, – На минное поле вступаешь.

Леонард сжал кулаки так, что согнул вилку и не заметил этого.

– Вай! Сейчас зарежёт! – заслонился крышкой супницы капитан в притворном испуге.

– Не надо о Ванде Леопольдовне, ладно? – проговорил влюбленный, остывая.

– Как скажешь, Лёня, – пожал плечами старший товарищ.

Вскоре он ушел, а Леонард улегся спать. Сон не шел. Слишком много случилось в этот вечер. Вздуродило душу. Вынул мундштук, полюбовался, поцеловал: его касались её руки! Вспомнил, как пахла кожа на запястье – цветами. Это духи... духи такие... Уснул.

Шестикрылый Серафим Перун из-под модных кустистых бровей обвел взглядом подчиненных и провозгласил:

– Совещание закончено. Все свободны.

Херувимы и Архангелы дружно встали из-за покрытого красной скатертью стола заседаний и потянулись к выходу, сопровождаемые референтами-ангелами.

– А Вас, Архангел Гавриил, я попрошу остаться.

Упомянутый Архангел, начальник над духами, оказывающими помощь людям, остановился и вопросительно посмотрел на начальство. Перун жестом показал на стул. Архангел сел, изящно полураскрыв крылья, чтобы не помялись.

Зал опустел. Перун плеснул себе Боржому, отпил, и сказал негромко, но значительно:

– Наверху есть мнение, что на Атувае назрела необходимость в проповеднике. Язычество пора сворачивать. Подбери подходящего человека.

– Может быть, волевым решением? – почтительно осведомился Гавриил.

– Нет. Не будем нарушать принцип свободы воли. Но заинтересовать кандидата необходимо. Пусть стремится туда попасть, пусть захочет работать с населением. Я думаю, интерактивные сны – это то, что нужно... для начала. Распорядись насчет спецдопуска в мир Атувая с произвольными временными координатами. Операции присваивается кодовое название «Островитянин».

– Будет исполнено, Ваше Шестикрылое Серафимство! – отсалютовал Архангел Гавриил.

Сон Леонарду приснился странный: смуглые крепенькие девушки с цветами в волосах и шуршащих длинных травяных юбках плавно изгибаются в танце и поют на певучем незнакомом языке, а на заднике сцены – по кумачу белыми буквами написано: «Привет участникам смотра художественной самодеятельности ананасоводов!». Среди зрителей преобладали такие же смуглые, крепкотелые черноглазые люди.

Танец закончился, на сцену вышла пожилая женщина в неприлично коротком платье до колен и громовым голосом проревела:

– Антр-ра-акт!

Зрители зашумели и потянулись вон из зала в фойе, где был накрыт буфет. Толстые бабы в нечистых белых халатах быстро разливали напитки, выдавали тарелки с закусками. Очередь двигалась быстро, и вскоре поручик оказался около прилавка.

– Пиво? Шампанское? Лимонад? – отрывисто спросила рыхлая толстуха с веками, выкрашенными в сине-зеленый цвет, и ярко-карминовыми губами, – Бутерброды?

– Шампанское, пожалуйста... – неуверенно промямлил сбитый с толку Орлов.

– Двести? – деловито кивнула буфетчица.

Леонард не понял, но сказал:

– Бутылку!

Баба сунула ему в руки серебрящееся фольгой горлышко и граненый стакан.

– Семь пятьдесят! Следующий!

Сыпанув на поднос горсть монет, нашедшихся в кармане панталон, поручик отошел в сторонку и принялся рассматривать бутылку. Надпись на этикетке гласила: «Советское Шампанское. Сладкое. Горьковский завод шампанских вин». Присутствовало и изображение нескольких золотых и серебряных медалей. Поперек этикетки был синий штамп: «Атувайский республиканский трест кафе и ресторанов». Марка была незнакомая. Хлопнув пробкой, открыл сосуд. Налил полстакана, осторожно принюхался: пахло виноградом. Отпил. Фи! Сладкое, как сироп! И тёплое!

– Пардон, сударыня! Нет ли сухого, и похолоднее? – робко протиснулся он обратно к прилавку.

– Что с базы УРСа завезли, тем и торгую! – неожиданно грубо рявкнула буфетчица, – Сухого погрызть захотел, *хаоле*! Холодильник третий день чинят, а этот: похолоднее!

– Хлебай, что дают, бледнолицый! – кто-то фамильярно хлопнул Леонарда по плечу, и он проснулся.

Проснулся в недоумении, долго думал, что это может значить. Не придумал. Списал сие сновидение на коньяк и нервное возбуждение. Поворочавшись, снова уснул, уже без снов. До утра.

В пятницу и субботу рыскал по всей Москве в поисках подарка для мадам фон Брауде. Дело было непростое: во-первых, предмет должен был быть достоин красавицы, во-вторых – должен был отражать тонкий вкус дарителя, в третьих – не вызвать подозрений и дурных мыслей у мужа. В конце концов в антикварной лавке в Охотном Ряду нашел комплект шахмат: белые фигуры из матово-искристого, как иней, серебра, черные – тоже серебряные, но искусно чернёные. И доска: слоновая кость и эбеновое дерево. Антиквар божился, что сей шедевр – работа самого Бенвенуто Челлини. Но доказательств авторства не было, поэтому уступил недорого: всего за две тысячи с половиною, и согласился подождать с деньгами недельку. Подарок, по всем меркам, был царский. Смущала только мысль: а играет ли прекрасная Ванда в сию игру? Подумав, Орлов решил, что, ежели и не играет, то он её научит! А пока будет учить, мало ли, что удастся выиграть!

Чай в понедельник пили вдвоем: барон все ещё изволил пребывать в запое. Подарок был принят благосклонно. После чая сыграли партию. Выяснилось, что Ванда Леопольдовна играет довольно-таки неплохо: к эндшпилю Леонард пришел с преимуществом всего в одну пешку и благородно согласился на предложенную дамой ничью. Много разговаривали об искусстве, об отречении Наполеона и ссылке его на остров Эльба. При расставании пылкий влюблённый отважился поцеловать ручку на полвершка выше запястья.

Потекла череда дней. Все мысли поручика были заполнены только одним: как увидеть любимую женщину вновь? Купил гнедого ахалтекинца и присоединился к группе конных поклонников. Встало в копеечку! Чай по понедельникам каждый раз сопровождался теперь подарками, стремительно истощавшими кошелек: то картина (Рембрандт!), то старинная книга в украшенном драгоценными камнями переплете, то стальная шкатулка, украшенная граниением под бриллианты. (Увы! Подарки эти – почти все – Ванда отсылала в Варшаву, где доверенный маклер продавал их...). Заседание литературного кружка потребовало нового могучего благотворительного взноса. Ну, и всякие мелочи: цветы, духи, торты... Деньги таяли, как сугроб в апреле. Но все окупалось возможностью видеть свою ненаглядную и целовать восхитительную руку все выше. Через месяц исхудавший от любви Леонард был уже в полувершке от локтя!

Читатель! Это тебе не современные нравы, которые показывают по телевизору в сериалах! Герой, дескать, пригласил героиню в кафе, а в следующем кадре они уже в койке кувываются! В описываемое время ухаживали за дамами вдумчиво, не торопясь. Кстати, о локте: по неписанному кодексу волокитства, следующий после локтя поцелуй мог быть (подчеркиваю: мог быть, а мог и не быть!) уже в губы! А это, знаете ли...

Не только поручик осознавал важность локтя, как некоего рубежа. Ванда, дитя своей эпохи, тоже знала неписанные правила развития любовной интриги, нарушать которые считалось неэтично. Порядочная женщина (в смысле, не застуканная мужем с любовником и не подвергнутая осуждению обществом, как Анна Каренина из одноименного романа графа Л. Н. Толстого) всегда ведет себя порядочно: и по отношению к мужу, который даже догадываться ни о чем не должен, и по отношению к очередному аманту, которого сама же поощряла. Леонард нравился ей. Красивый блондин, сильный, высокий, синеглазый, щедрый – что ещё надо? Опять же, не просто влюблён, а обуреваем страстью! Времени на подготовку ушло достаточно, чтобы не выглядеть легкодоступной вертихвосткой. Значит, пора сделать вид, что покорена, не может долее сопротивляться нахлынувшему урагану чувств... и рухнуть в его объятия, а то поручик может дольше не выдержать и наделает глупостей: стреляться задумает, или, того хуже, другую бабу найдет! План завтрашнего решающего свидания был составлен уже давно, каждая мелочь учтена. В нужное время дома никого не будет: муж, недавно принявший православие, и прислуга отправятся в церковь: Троица, будет крестный ход. Ванда, как католичка, имеет полное право остаться дома. Леонард, конечно же, предпочтет провести время

с нею, нежели в храме. Письмо с просьбой скрасить одиночество всеми покинутой, томящейся в пустом доме, изнывающей по ласковому слову дамы было заготовлено ещё утром. Вечером его доставят пылкому кавалеру...

Глава вторая

– Ваше благородие, письмо!

Голос денщика отвлек поручика от увлекательнейшего занятия: он, высунув от усердия язык, рисовал по памяти портрет Ванды. В стиле Нью. Роскошные формы получились вполне правдоподобно, но лицо никак не давалось, каррамба!

– Надобно говорить: Вам письмо, Ваше благородие! – досадливо поправил он Данилу, беря маленький, надушенный уже знакомыми духами конвертик.

– Знамо, Вам! Нам оно нахрен не нужно... – пробурчал под нос солдат, поворачиваясь, чтобы поскорее уйти: у него стыл чай.

Ножичком из слоновой кости Леонард вскрыл письмо.

«Милый Леонард Федорович!

Завтра Троица, и все уйдут в церковь: и Петр Иоганнович, и прислуга. Я, конечно, опять останусь дома совсем одна. Зная Ваше доброе ко мне расположение, я прошу Вас помолиться за меня, когда пойдете в храм. Но если, паче чаяния, Вы решите пропустить богослужение, то, может быть, зайдете на минутку разделить со мною завтрак и одиночество? Это будет одиночество вдвоем! Ваша В.»

Ваша! Слово прошуршало от глаз внутрь черепа и там взорвалось немыслимою радостью.

Ваша! В смысле – НАША! Моя! Поручик закружился по комнате, выбрыкивая ногами в шлепанцах. Моментально пришло решение: в церковь завтра не идти, хоть и собирался! Потом отмолит грех. Страдающая от одиночества Ванда сейчас важнее!

Всю ночь ворочался, уснул только под утро. От перевозбуждения опять приснился странный сон: смуглые мужики лезут на купол церкви, стоящей посреди пальмовой рощи, пилят крест, который падает на паперть, вздымая тучу песка. Другие сбрасывают с колокольни жалобно звякнувший колокол. Толпа, состоящая из таких же смуглых мужиков, в большинстве по пояс раздетых из-за жары, и баб с яркими цветами в волосах, дружно ахает и крестится. Молодой бледный парень в кожаной тужурке и картузе с красной пятиконечной звездой вместо кокарды, вспрыгивает на ящик. Триумфально скидывает руки, и, с криком: «Бога нет!», смачно харкает в небо. Толпа гудит, из неё вылетает кокосовый орех. За ним другой, третий – множество. Один кокос ударяет парня в кожанке в плечо, он падает с ящика, но пятеро военных в странных мундирах песочного цвета и картузах с красными звёздами, палят из ружей с примкнутыми багинетами поверх голов и оттесняют толпу...

Проснувшись весь в поту, Леонард встал и жадно напился.

«Надобно к доктору сходить... Пусть пропишет какой-нибудь микстуру от нервов! Или капли...» – подумал он, – «Приснится же этакая пакость!»

Больше уснуть не удалось. Так и ходил из угла в угол до самого восхода.

Утром, под доносящийся со всех сторон первопрестольной колокольный перезвон, наш герой пешком отправился на свидание. Народ в праздничном платье заполнил улицы, город, украшенный березками, благоухал свежестью. Леонард шел переулками – для конспирации. Вот и дом полковника! К нему Орлов подобрался из-за угла. Постучал. Через несколько невыносимо долгих минут дверь открылась. Ванда, свежая, как родниковая водица, в утреннем платье и с искусно распущенными волосами, стояла и улыбалась ему. Под легкой тканью не было корсета! Эге!

– Я рада, что Вы смогли выкроить время, и навестить меня, несмотря на праздник, Леонард Федорович! – протянула она руку для поцелуя.

Вот он, миг, к которому он шел целый месяц! Рубикон, перейдя который, он увидит новые горизонты и небо в алмазах! Медленно, благоговейно, поручик припал горящими губами к ямочке на локте.

– Ай! – рука отдернулась, – У Вас что, жар? Вы обожгли меня!

– Нет... Я здоров... – удивленно и растерянно, севшим голосом ответил Леонард.

– Тогда – милости просим!

В столовой стол был накрыт на двоих. Английский завтрак: тосты, масло, мармелад, овсянка. Кофий со сливками. Ничего особенного. Перед тем, как сесть, вручил очередной подарок – гравюру Дюрера «Адам и Ева» в раме под стеклом и с подписью автора. Дорогая вещь, восемьсот целковых заплачено! И с намеком!

– Вот, позвольте Вам презентовать сию безделицу, Ванда Леопольдовна! В честь месячного юбилея нашего знакомства...

– Но, Леонард Федорович! Вы меня балуете! – Ванда взяла подарок, полюбовалась: скромненько, но со вкусом!

«Пьер нипочем не догадается, что ценная вещь!» – подумала она, практично прикинув, что сия гравюра потянет в Варшаве на тысячу рубликов. Очень хорошо!

Осторожно поставив предмет искусства на каминную полку, повернулась и быстро поцеловала дарителя в щеку. Тот мгновенно обалдел до полного одеревенения! Слегка покраснев (все-таки, баронесса была порядочной женщиной, несмотря на семь предыдущих любовников!), Ванда села за стол.

– Ухаживайте же за мной, Леонард Федорович! Положите овсянки! Теперь полейте сливками!

Лёня вышел из ступора и завтрак начался. Он намазывал тосты мармеладом и глотал их не жуя и не чувствуя вкуса. В кофий забыл положить сахар, выпил залпом, чуть не обжегся. На вопросы хозяйки отвечал невпопад, из-за чего сильно смущался. Ванда, наоборот, была сама уверенность.

После завтрака воцарились несколько неуклюжая пауза. Как пловцы, знающие, что пора прыгать в незнакомую реку, оба медлили. Разговор увядал. Ванда встала первая, Леонард поспешно вскочил следом.

– Пойдемте в будуар, Леонард Федорович! Я Вам спою. А потом Вы споёте для меня! Только, чур, то, что я захочу!

И они пошли в будуар. Петь песни, конечно.

Будуар был в отделан вишневых тонах: и обои, и бархатная кушетка, и кресла. В углу – клавесин красного дерева. При виде кушетки наш герой напрягся. Ну, не весь. Частично. В смысле, некая часть его организма сильно напряглась.

Усадив слегка одеревеневшего от предвкушения (угадайте, чего!) Орлова в кресло, Ванда, аккомпанируя себе на клавесине, спела парочку модных романсов, чем повергла своего поклонника в бурный восторг, выразившийся в громовых аплодисментах и неуклюжей попытке поцеловать исполнительницу в... (угадайте, куда!). Она жеманно отстранялась, дразня кавалера.

– Теперь Ваша очередь, господин поручик!

Леонард сел за инструмент.

– Что прикажете спеть? – спросил он, перебирая в уме свой не очень богатый репертуар.

– Да уж не «Марсельезу»! Спойте мне строевую: «Бережок» – лукаво сощурилась исполнительница.

Певец поперхнулся и покраснел до самых ключиц от неожиданности.

– Но, Ванда Леопольдовна... это же... там неприличности! – залепетал он.

– Ничего-ничего! Мне про эту песню рассказывали. Пойте! – настаивала дама, – Так хочется неприличного! Да не стесняйтесь, здесь ведь, кроме нас, никого нету!

И поручик (куда же деваться!), аккомпанируя себе мажорными аккордами, запел срывающимся голосом песню, слышанную им от донских казаков в Париже. Мелодия сильно напоминала «Yellow Submarine», которую Пол Маккартни напишет полтора века спустя. Странное, необъяснимое совпадение!

На Хопре, Хопре реке,
На зеленом берегу
Спал в тени казак молодой,
Белотелый и нагой.

Три сестрицы мимо шли,
Казака они нашли.
Уд евонный увидав,
Бечь собралися сремглав.

Но решили подождать,
И принялись обсуждать
То, что есть у казака,
А у девок нет пока!

Припев:

Меньшая коснулася – говорит: червяк!
Средняя помяла – и сказала: жила!
Старшая схватилося – и сказала: кость!
Что ж сие на самом деле было?

А казак проснулся вдруг,
Увидал девиц вокруг,
Потянулся и сказал:
Я приятный сон видал!

Девки тут же убежали,
Только пятки засверкали!
Для них тайной осталось:
Червяк, жила или кость!

Припев:

Меньшая коснулася – говорит: червяк!
Средняя помяла – и сказала: жила!
Старшая схватилося – и сказала: кость!
Что ж сие на самом деле было?

Ванда хохотала, упав на кушетку. Леонард не мог поднять глаз от стыда.

– Ой, не могу! – донесся до него томный голос, – Прямо, дышать нечем! Леонард Федорович, помогите же мне, ослабьте застежку!

Леонард устремился на помощь страждущей. Встав на колени, расстегнул одну пуговицу на лифе, затем другую, третью... Две очаровательные полусферы, увенчанные розовыми коронами сосков, вдруг упруго высвободились из корсажа. Ой!

Белые, сдобные руки Ванды обвили шею Орлова. Последовал поцелуй, долгий, как вечность, крепкий и сладкий, как ликёр «Доппель-Кюммель». Затем ещё один, и ещё. Много поцелуев! Через некоторое время, сочтя артиллерийскую подготовку достаточной, Леонард принял штурм Ворот Счастья. Взметнулись кружева нижних юбок, обнажились стройные ноги в шелковых чулках...

Неожиданно красавица вывернулась из-под него и села, тяжело дыша и раскрасневшись.

– Подождите! – прошептала она, – Наденьте вот это!

Леонард непонимающе воззрился на маленький бумажный конвертик в её руке.

– Кесь ке се? – пробормотал он смущенно.

– Сие есть презерватиф (preservatif, – презерватив, иначе – кондом. Авторский перевод с французского)! – пояснила баронесса совершенно естественным тоном.

– А... пуркуа?

– Вы были во Франции, а там – французская болезнь! Спали же Вы там с женщинами? Спали-спали, не отпирайтесь! Я не хочу рисковать! Да и от зачатия нежелательных детей предохраняет.

Наш герой слышал об этом изобретении краем уха. Презерватифы изготавливались из специальным образом обработанных аппендиксов слепой кишки ягнят. Стоили они очень дорого, и широкого распространения в народе не имели. Пользовались ими, в основном, супружеские пары, когда, по мнению врача, женщине было опасно для жизни иметь детей: порок сердца, почечная недостаточность, узкий таз, сахарная болезнь и т. п. В словах Ванды был резон: французская болезнь – штука темная, мало ли: сегодня здоров кавалер, а завтра – уже нет! Да и беременность, конечно, явление нежелательное...

Однако лично сим изобретением пытливейшей человеческой мысли наш бравый поручик ранее не пользовался, а потому слегка растерялся.

– Но... Дорогая... Я... Я не умею! – выпалил он, покраснев.

– Ничего! Я помогу! – дама поощрительно поцеловала его в губы и принялась за дело.

От прикосновения нежных пальчиков то, что увяло во время сего диалога, снова расцвело и зазвенело. Процесс облачения Красноголового Воина в броню возбудил и Ванду: ланиты порозовели, глаза заблестели, придавая ей ещё больше очарования. Завязав кокетливым бантиком крепёжные тесемочки презерватифа, и убедившись, что он не сползет, задыхалась глубоко и учащенно. Носом. Последовал ещё один поцелуй и шепот:

– Только никогда не трогайте меня за мой нижний бюст, хорошо, милый? Я этого не выношу!

– Хорошо... – последовал хриплый ответ, и Ворота Счастья впустили героя.

После четырех нелегких раундов восхитительной борьбы Победитель и Победительница оторвались друг от друга и привели в порядок одежду.

– Вы умеете ставить самовар, Леонард Федорович? – улыбнулась Ванда, ещё более обольстительная, чем прежде, – А то более некому!.

– О, конечно! – улыбнулся в ответ Леонард, подкручивая растрепавшиеся усы.

– Тогда давайте пить чай! Страшная, знаете ли, жажда!

За чаем хозяйка щебетала, как ни в чем ни бывало, гость же несколько смущался. Следующее свидание было назначено на понедельник, то-есть – на завтра. Но муж... Как быть с ним? Ванда обещала придумать что-нибудь, дабы полковник не мешал общаться.

Когда, после шестого стакана (тоже в кишках пересохло!), Леонард собрался уходить, Ванда прильнула к нему всем телом, крепко поцеловала в губы и прошептала доверчиво:

– Теперь я Ваша женщина... Вы будете заботиться обо мне, Леонард Федорович?

Поручик пылко пообещал заботиться, не очень хорошо представляя, впрочем, как он это будет делать.

На улице подумал и зашел все-таки в церковь, помолился, хотя и недолго. Раздал на милостыню всю мелочь нищим на паперти. Скрюченная в дугу полуслепая бабка, получившая полтину, перекрестила Леонарда и прошамкала беззубым ртом:

– Спаси ты Христос, барин, за щедрость твою! Помолюся за тебя. Дела тебе грядут большие: Веру Православную людям нести. Бог в помощь!

– Я, бабка, вообще-то, военный... – растерянно ответил наш поручик, относившийся к религии, скажем так, не очень ревностно.

– Нынче-то военный, а станешь – *кахуна*! – веско, но непонятно произнесла бабка, – За морем-окияном, где хлебушко на деревьях растёт.

«Спятила старая!», – понял Леонард, – «Как это: хлеб на деревьях растет? И, какая-токая *кахуна*?»

Хотел переспросить, но бабки уже не было. Исчезла, как дым растаяла.

Пожав плечами, двинулся своей дорогой, и, вроде бы забыл даже про странную бабку, но предсказание зацепилось в голове остреньким крючком.

Время было далеко за полдень, и есть хотелось, как из ружья. Ещё бы, после стольких физических... нет, скорее, физиологических усилий! Решил зайти в ресторацию, ибо денщик Данила был отпущен на весь день по случаю праздника и дома кушать было абсолютно нечего, кроме холодных закусок: всяких колбас, ветчин, сыров, паштетов, солений-варений-маринадов и сырых яиц. Не стряпать же самому!

Подходящее заведение отыскалось неподалёку. Затеяливая жестяная вывеска, явно стоявшая хозяину немалых денег, возвещала: «Ресторация «Европейская». Ниже, более мелкими буквами: «Французская, немецкая, русская кухня». Недавно открылись, допреж их тут не было. Ну-ка, ну-ка...

Швейцар с поклоном отворил дверь и голодный путник мгновенно погрузился в ядреную душноватую атмосферу дразнящих кухонных запахов. Подлетел метрдотель:

– Милости просим, Ваше благородие! Прикажете отдельный кабинет-с? Или в зале стол-лик?

Из-за столика под пальмой в кадке уже махал только что вышедший из мужской комнаты капитан Петровский. К нему Орлов и направил свои стопы. В компании обедать не в пример веселее!

Расцеловавшись троекратно по случаю праздника, друзья сели. Приблизился лакей во фраке и белых нитяных перчатках:

– Чего изволите-с?

Посоветовавшись, офицеры патриотически заказали все русское: икорку, грибы в сметане, селедку с отварным молодым картофелем, солянку московскую с растягаями, поросенка с гречневой кашей, мороженое. Ну, и напитки, а как же!

Услужавший налил водочки из запотевшего графинчика – не трактир, чай, где брякнут заказанное на стол, а далее – сам справляйся. Молодцы, борются за культуру обслуживания! Выпили за государя, затем – за праздник. Закусь была замечательная!

– Жизнь прекрасна, не так ли? – принялся к принесенным растягаям Петровский, – Во всяком случае здесь и сейчас! Я, пожалуй, приду сюда и вечером. Покутить немножко с Шарлоттой.

Шарлотта Листневская был псевдоним его содержанки, в прошлом инженеру-кокетт заезжего Львовского театрала. По паспорту она была Ганна Скоропад. Вот уже три месяца они жили душа в душу, и капитан не мог нарадоваться: нежная, страстная, отлично умеющая экономить, сия черноглазая мадемуазель, тем не менее, одевалась с умопомрачительным шиком, прекрасно соответствуя своему блестящему Васе.

– Аксиома есть утверждение очевидное, не требующее доказательств, – кивнул Леонард, чьё простое физиологическое счастье многократно усилилось крепкою водочкою и вкусною пищею.

– Во-во! – оживился Петровский, – Без доказательств! Играли мы намени в Аглицком Клобе. В Блэк Джэк, ну, ты знаешь. Я, Назаров, Мещерский, какой-то штатский шпак из казначейства... забыл фамилию. Назаров с Мещерским к полуночи упились, унесли их. Игра, в общем, по нулям: ну, может, тыщу проиграл, не более. Штатский заскучал, ушел в нужник и не вернулся. Тут подходят двое англичан – флотские, в синих мундирах. Что уж они в перестольной делают – ума не приложу! Ведь отсюда до морей хоть на юг, хоть на север – далеконочко скакать. Спрашивают, значит: сыграем? А, давай! На кон по сотенке поставили. Они, значит, вдвоем, на одну руку. Я банкую. Моряки просят вторую карточку, третью, четвертую. Остановились. Я открываю свою: туз! Вторую – шестерка! Семнадцать! Довольно с меня, говорю. Британцы: у нас – двадцать! И денежки сгребают. Я обалдел: показать бы надо, да? А они, эдак надменно: сэр! Джентльмэнам верят на слово, сэр! И тут, – капитан драматически выдержал паузу и понизил голос, – Тут... кэ-эк поперла мне карта! Веришь ли, за два часа все свои недоимки отыграл!

С видом триумфатора он достал бумажник толщиной с оглоблю и отсчитал шесть пяти-сотенных.

– Вот, прими с благодарностью!

Три тысячи, одолженные почти месяц назад, вернулись к Орлову. Тот вытаращил глаза, ибо так скоро их не ожидал.

– Так что, ежели в денежках нужда случится, завсегда к нам обращайтесь, Ваше благо-родие! – довольный произведенным эффектом, Петровский захохотал.

– Благодарю, Базиль, пока не нужно, – улыбнулся Леонард.

Выпили за удачу. С энтузиазмом. Лакей принес поросенка.

– Слушай! – прищутив нетрезвые глаза, воззрился на блюдо Василий, – Вроде похож на кого-то! Не пойму только, на кого!

– Брось, Базиль! – хрустя соленым огурцом возразил Леонард, – Это же свинья! К тому же – жареная.

– Показалось, значит... Нет! Все-таки похож! На покойного полковника Юсупова. Такие же глаза: маленькие и раскосые... Покинул сей грешный мир два года назад, – Петровский махнул рюмку и перекрестился.

– Пал в бою? – без особого интереса поднял бровь Леонард, – Или?

Упомянутого полковника он не знал.

– О, брат! Такая история! – капитан проглотил поросятину, запил розовым анжуйским, – Был у него роман. С кем – не скажу. Замужняя дама, г-м. За год разорила нашего татарина дотла!

– Правда, что ль, татарин? – искренне удивился Леонард такому обороту.

– Да нет... Нормальный русак. Предки у него были из Золотой Орды, отсюда и фамилия. Э, о чём бишь я? Ага.. В долги влез огромные. Имение, дом в Петербурге – все пошло с молотка. И дама, значит, говорит: адьё, мон шер, мерси за всё! И бросила воздыхателя. Как жить человеку? Без денежков ещё кое-как можно. А без любви? И из семьи он ушел. Гол, как сокол, и голову приклонить негде. Ну, и застрелился наш Юсупов. Вот! А на похоронах шепоток прошел, что полковник – четвертый, кто с сей роковой дамой разорился. Три предыдущих случая – в Риге, в Варшаве и в Гельсингфорсе.

– Неужто тоже застрелились? – поразился поручик, широко распахнув глаза.

– Да нет... говорят, сдержались. Только живут на одно жалованье, представляешь? – Петровский передернулся, – Жалкое существование!

В молчании доели поросенка. Затем Леонард решил посетить туалетную комнату – шесть стаканов чая, выпитые в гостях, настырно просились на свободу.

«Надо же, какие женщины бывают... прямо паучихи! Высосут все до капли – и бросают жертву! Какая уж тут любовь, одна корысть! Притворщицы!» – думал он по пути.

В туалете обнаружил, что забыл снять презерватиф. Мысли сразу же заискрились, радужно заблестели. Ванда... Что же ей, чаровнице эдакой, подарить завтра? Осторожно стянул полупрозрачный чехольчик, прополоскал под рукомойником. Завернул в носовой платок. Пригодится ещё!

Вернулся к столу и с аппетитом принялся за мороженое. Петровский же больше ковырялся ложечкой, вылавливая цукаты и орешки.

– Завел бы ты себе подругу, Лёня, – не поднимая взгляда, вдруг сказал он серьёзно, – Знаешь, как мне с Шарлоттой здорово! Заботится обо мне... и вообще... Уют создает! У неё подруга есть, Ниночка, тоже актриска. Хорошенькая, спасу нет! Давай, познакомлю, а?

– Мерси, не надо, Базиль. У меня все в порядке по этой части.

– Замужняя? – капитан по прежнему смотрел в стол.

Леонард не ответил.

– Смотри, Лёня. С замужней всякое может быть, особенно с... красавицей. Вон, Юсупов...

Поручик побагровел:

– Я Вас попросил бы, господин Петровский...

– Всё, всё! Молчу! – вскинул руки тот, – Проехали и забыли! Эй, человек, подавай кофий!

Обед закончился нормально, но намек старшего товарища, едва не приведший к ссоре, оставил в душе Леонарда неприятный осадок. Впрочем, кратковременно.

При расставании капитан предложил собраться вечером здесь же, гульнуть от души.

– Я с Шарлоттой прибуду, она Ниночку приведет тебе для компании! Мне на ушко шепнул служающий, что вечером цыгане приедут! Шампанского заморозим пару дюжин, а? И на полную катушку: Ой, ручеек мой, ручеек! Ходи шибчей, черноголовый! Ромалэ! Эй, чавэла! И сделаемся пьяные и веселые!

– Цыган люблю... Но сегодня в офицерское собрание хотел пойти, там холостяцкий ужин полк устраивает. Неудобно пропустить, я же новенький, – отговорился поручик, вспомнив о воинском долге.

Петровский только вздохнул.

Придя домой и отдохнув пару часиков, Леонард вновь озаботился темой подарка. К антиквару не пойдешь, закрыто всё по случаю праздника... Стал рыться в ящиках письменного стола. О, вот это подойдет, пожалуй! Открыл шкатулку с маменькиными драгоценностями: среди серег, брошек и прочих колье и перстней там лежали золотые дамские часики с золотой же витой цепочкой – музыкальный брегет в форме сердечка с бриллиантовой буквой «Веди» на крышке (матушку крестили Варварой). Венецианская тонкая работа, не Китай какой-нибудь! И цены немалой: дядя рассказывал, что двадцать шесть душ крепостных папенька за них отдал вместе с хутором. Осторожно завел часы ключиком, приложил к уху: идут! Тикают! На секунду засомневался: все же, маменькина память... Но представил, как улыбнется Ванда при виде подарка, её поцелует и объятия – и сомнения отпали. Нашел подходящую бархатную коробочку, завернул в цветную бумагу и перевязал розовой ленточкой. Полюбовался: вышло замечательно.

Хлопнула дверь, и на пороге кабинета появился Данила. Был он изрядно выпивши, но на ногах держался, и даже умудрился доложить заплетающимся языком, что рядовой Прухин из увольнения прибыл. Откозырял кривовато левой рукой. Что поделаешь, праздник есть праздник!

– Иди, проспись, пьяница! – добродушно приказал хозяин, – Чтобы утром был трезвехонек, у меня завтра дел много.

– Так точно, Ваше бл... блгродие! Данила – кремень мужик, не подведет! – с чувством ответил денщик, и сев, почему-то, за письменный стол, уснул.

Бывает, Читатель, что нет сил дойти до постели, г-м.

Выругавшись, Леонард задумался. Не тащить же на себе в койку! Не барское это дело. Да и не поднять такого борова в одиночку. (Вот ты, Читатель, пробовал ли когда-нибудь поднять пьяного? Согласись, очень тяжело: все равно, что бочку воды поднимать. Только без бочки!) Но и за столом оставлять – не дело.

У дверей зазвонил колокольчик. Открыв, Леонард увидел сослуживца по батальону – поручика Михайлова. Тот был уже навеселе.

– Лёня! Готов ли ты? Проезжал мимо, дай, думаю, зайду, вместе поедем! – загрохотал он, – И носовой платок одолжи, силъ ву пле, я свой потерял.

Его большой нос, формой напоминавший картошку, шевельнулся над усами.

Рассеянно вынув из кармана платок, Леонард протянул его товарищу.

– Я сейчас, только денщика разбуду. Уснул, скотина, за моим письменным столом.

– Ну, так дай ему в ухо!

– Не поможет, его сейчас хоть ножами режь – не проснется. Попробую водичкой!

Но и вода не помогла. Данила только мычал и ворочался, уронил со стола чернильницу.

– Ещё поливай! – азартно посоветовал Михайлов, – Уши потри, помогает!

– Да куда ещё лить-то? И так уже целое болото... – загрустил Леонард.

– А, слушай, так до завтра провозимся, а там офицерики все вкусное съедят! Нукася... – могучий Михайлов присел, и, протяжно пукнув от натуги, взвалил на себя Данилу, – Показывай, куда его!

Пьяного кулем свалили на койку в его каморке.

– Ну, все! Поехали! Но, Лёня, в ухо ты ему завтра все-таки дай!

– Всенепременно! – отозвался Леонард, поправляя на товарище съехавший эполет.

И они, сев в коляску терпеливо ждавшего извозчика, покатили веселиться.

Вечер прошел задорно. Офицеры пили и закусывали. И опять пили. Шампанское лилось рекой. Окрупоривали бутылки дюжинами и получался залп! Многие получали пробками в лоб, но не обижались. Капитан Ольшанский из второго батальона, известный своею меткостью, на пари пробкою погасил свечу на десяти шагах! Правда, забрызгал пеной всех зрителей вокруг, ибо для пущей мощности выстрела бутылку надлежало взболтать. Выиграв ящик рому, он сразу же угостил всех желающих. Тут общественность удивил лихостью комполка, заявив, что изобрел необыкновенно вкусную смесь, которая пьется, как олимпийский нектар! И продемонстрировал незамедлительно, смешав ром пополам с портвейном в пивной кружке. После чего сразу же выпил. Залпом! Повторить никто не рискнул.

Устроили также и конкурс неформальной песни, где призом был ящик коньяку. Выступив с песней «Бережок», Леонард сорвал бурные аплодисменты, но приза не получил. Приз был вручен Михайлову, исполнившему песню, текст которой Автор не решился здесь привести из опасения скверно повлиять на нравственность Читателя. Достаточно упомянуть, что название песни состояло из трёх слов, и приличным из них был только соединительный союз «И». Приз был, конечно же, тут же распит присутствующими.

Короче, все в конечном итоге сделались пьяные и веселые, чего, собственно, и добивались.

Домой Леонард вернулся в четвертом часу утра. Кое-как раздевшись, завалился в постель. В окно, моргая и щурясь от проплывающих облаков, тарачился любопытный молодой месяц. Несколько комаров, тоненько зудя, попытались употребить поручика в пищу,

но с отвращением отпрянули, с трудом сдерживая рвоту: кровь была зело разбавлена спиртом. Из-под печки вылез домовый Зиновий, поворчал в бороду, собрал раскиданную одежду, аккуратно сложил в углу, поставил сверху сапоги – так ему представлялось правильное.

Сон навалился на Леонарда и сразу ошеломил яркостью красок и нереальностью происходящего. Он стоял на длинной овальной доске совершенно голый и мчался вдоль гребня огромной волны со скоростью призового рыска. Волна неслась, заворачиваясь пенным гребнем, к золотому пляжу, окаймленному уже знакомыми пальмами. Балансируя и изменяя положение тела, наш герой с лёгкостью свернул в сторону, избежав перевернутия. Волна прошла под ним и, шипя, рассыпалась по пляжу длинным пенистым языком. Леонард лёг на живот и, высмотрев другую подходящую волну, сильными гребками двинулся навстречу. Когда упругий солёный гребень подхватил его, легко встал на ноги и заскользил, как на санках с горы. Солнце, стоявшее в зените, припекало голову и плечи, мигом высушив кожу, на которой выступила соль. Мельком глянув на свою грудь и руки, Леонард поразился: обычно белый, как сметана, он сейчас был золотисто-смуглым, почти коричневым! На миг он отвлекся, и коварной стихии этого оказалось достаточно. Доска ушла из-под ног, тело перевернуло вверх тормашками, солнце, пляж и пальмы – все исчезло. Перед глазами была только синева океанской воды, поток которой норовил закрутить тело в узел. Было не определить, где верх, где низ, но страшно не стало. Только бешеный восторг переполнял душу! Водяной вал рассыпался и аккуратно вынес Леонарда на плотный песок. Множество крабов, возмущенно жестикулируя пухлыми клешнями, выразили своё неодобрение сему бесцеремонному вторжению. Встав на ноги, поручик побрел на сухое место передохнуть, волоча за собой доску, привязанную к запястью тонкой веревочкой.

Потом снилась всякая ерунда: какие-то дельфины, дружно выпрыгивающие из моря и плюхающиеся обратно, странный лес с огромными яркими цветами и щебетом птиц, высокая гора с заснеженной вершиной, сверкающей яко сахарная головка под лучами солнца...

Вдруг из кустов высунулась огромная волосатая лапища и, схватив Леонарда за плечо, крепко встряхнула, аж зубы лязгнули:

– Барин! Ваше благородие! – раздался громовой рык – и поручик проснулся.

– Пора вставать, Ваше благородие! Солнышко уже на три дуба поднялось! – бубнил Данила, распространяя суровый перегар можжевелевой водки.

– А? Чего? Ты зачем? – забормотал Леонард пересохшим ртом.

Небритая физиономия денщика являла мощный контраст с ярким сном.

– Вставать, говорю, пора! – Данила протянул ему кружку с рассолом.

Живительный напиток с шипением всосался в измученную сушняком глотку, не достигнув желудка. Пришлось выпить ещё. Организму полегчало.

– Ну и начудили Вы, барин! – ворчал денщик, помогая одеваться, – Почто штанины и рукава у мундира узлами завязали, раздемшись? И подштанники тож... А сапоги грязные сверху поставили – натюрморт преестественный!

– Сам хорош! – вяло отругивался Леонард, – Уснул за письменным столом, чернильницу уронил... Хорошо, Александр Борисыч зашел, перетащил тебя в койку, ибо добудиться не могли!

– Какая-такая чернильница? – притворно удивился Данила, быстренько, ещё утром, отмывший пол в кабинете, – Приснилось Вам!

Выпив две чашки крепчайшего черного кофию, поручик почувствовал себя готовым к новым свершениям. Погода была прекрасная, день выходной, в крови бурлило предвкушение встречи с любимой женщиной. Припомнив вчерашний вечер, Леонард подумал, что Петр Иоганнович, скорее всего, впал в новый запой. А значит, мешать свиданию не будет!

– Данила! Сходи за цветами!

Глава третья

Настенные часы дребезжаще пробили четыре. Пора было собираться в гости, чай пить и вообще... Надевши мундир и выдавив прыщик на лбу, Леонард тщательно причесался перед зеркалом. Оставалось только взять подарок из кабинета – и в путь! Но перевязанной ленточкою коробочки на письменном столе не было. Не было её и в ящиках! И вообще в кабинете.

«Может, я её на камин положил?» – прикинул влюблённый, выходя в гостиную.

Но коробочки не было и в гостиной... И в спальне!

– Данила! – нетерпеливо воззвал Леонард, топая ногой.

В дверном проёме возник помятый лик денщика.

– Убирался утром, коробочки, ленточкою перевязанной, не видал ли?

– Никак нет... Не было никаких коробочков!

– Ищи! Коробочка вот такая, махонькая, и ленточка розовая!

С помощью денщика суетливо обыскал всю квартиру. Дважды. Ну, нету!

– Вы, барин, сами её задевали куда-то, всё уж облазили, даже в нужнике смотрели! – ворчал Данила.

– Ищи! Ищи, как хлеб ищешь! – раздраженно, на грани истерики, крикнул Леонард.

Денщик вздохнул:

– В таких случаях помогает сказать: «Черт, черт, поиграл-поиграл, да и отдай!»

Леонард зажмурился и произнес сие заклинание. Когда открыл глаза, перед ним стоял пунцовый от сдерживаемых эмоций Михайлов со свежей царапиной на носу.

– Ну, ты мне и удружил вчера! – загремел он вместо приветствия, – Прихожу домой, ложусь баиньки, а утром моя Ненила швыряет мне в похмельную рожу вот это! – он потряс в воздухе презерватифом с оторванными завязочками, – И вот это! – он протянул злосчастную коробочку, без оберточной бумаги и ленточки, – Сцена ревности, куда там сочинителю Шекспиру! Дездемона убивает Отеллу веником по голове! И по морде когтями схлопотал, а как же! Нипочем не желала верить, что сии предметы не мои!

Ненила была сожительница бравого поручика и его же крепостная. Румяная красавица богатырского телосложения, этакая «девушка с веслом», она обладала властным и ревнивым характером и держала хозяина-любовника в кулаке. Если тому и случалось гульнуть иногда на стороне, то приходилось делать это крайне осторожно, ибо у Ненилы расправа была короткая: в бубен – раз! И отлучение от тела на срок до месяца – два! Поручик все это вынужден был терпеть, ибо имел к сей Богатырке-Синеглазке сильное влечение, перетекавшее в любовь, в чем он себе не хотел признаться. Безусловно, презерватиф (использованный!) и часики, явно предназначенные для подарка, явились в глазах ревливой бабы доказательством очередной измены!

– Саня! Да, как же так? Я тебе этого не давал! – выдохнул с облегчением Леонард.

– Как не давал?! Платок я у тебя попросил, помнишь? Ненила говорит, презерватиф в нем завернут был!

– А коробочка?

– Не знаю, слушай, может, вместе с платком, случайно! Да, какая разница! Мне-то теперь как оправдываться? – досадливо схватился за голову Михайлов, – Даже ежели ты лично к ней припожалуешь и крест поцелуешь, что сии дела суть твои – не поверит! Мало того, что носяру расцарапала, так ещё месяц к себе не подпустит, а мне терпеть воздержание трудно...

– Ну, Саня, да мало ли баб! Неужто ты так строго верность блюдешь? – с некоторой подковыркою спросил Леонард.

– Понимаешь, – вздохнул Михайлов, – Не могу я с мелкими, с субтильными! Мне надо, чтоб сиськи – горой! И задница – во! – он довольно широко развел руки, показывая, какая именно, – Но и толстых тоже не люблю. А такая стать, как у Ненилы, редкость большая...

М-да, ситуация.

– Подарок надо ей дать! – заявил Леонард, снова торопливо заворачивая коробочку в цветную бумагу и перевязывая ленточкой, – Хор-роший такой подарок, чтоб сразу простила! Что она любит?

– Пряники она любит, – угрюмо поведал Александр, – Думал уже! Не меньше, чем пуд придется покупать, и то, не уверен, смягчится ли...

– Пряники! Фи! Ты вот что, Саня: купи ей шелковое бельё и чулки! Не удержится, помешает. А шелк на теле так приятен! Разнежится, а ты её и... Ага?

– Идея хорошая! – оживился Михайлов и почесал в затылке, – Только где я такой размер найду?

– Ой, да на заказ тебе сошьют! Дороже немного выйдет, наверное. Извини, я тороплюсь! – Леонард нетерпеливо подтолкнул товарища к двери.

– Как думаешь, ежели из алого шелку бельё заказать, лучше будет? – задумчиво спросил Александр, спускаясь с крыльца.

– Почему – алого? – удивился Лёня.

– Ну, как же: что сладко – то вкусно, что красно – то красиво! – бесхитростно объяснил богатырь.

– Точно! Алого шелку панталоны, лиф и рубашку! И чулки тоже! – хлопнул его по плечу Леонард и вскочил в коляску проезжавшего извозчика.

– На Тверскую! Гони, что есть мочи!

– Полтинничек, Ваше благородие! – стриженный в кружок мужик заломил шапку на затылок.

– Хорошо, хорошо! – нетерпеливо отозвался седок.

– Будьте в надежде, барин, мигом домчим! – приосанился извозчик, предвкушая чаевые, ибо седок явно опаздывал в гости – вон, и букет у него!

Он встал, гикнул, засвистал по разбойничьи, тряхнул вожжами. Лошадка, тяжело вздохнув, потрусила неспешной рысцой.

– А быстрее? – закипая самоваром, спросил поручик.

– Дык, быстрее никак невозможно! С рассвету катаемся, устал Савраска-то, – доходчиво объяснил погоняла, – Жалею я его!

Выругавшись, Леонард выхватил у него кнут и огрел животное по крупу. Конь всхрапнул, обиженно покосился лиловым глазом, и сменил аллюр на корявый галоп.

– Ну вот, а ты говорил! – проворчал жестокий седок, протягивая мужику рубль, – Сие – надбавка за скорость.

Возница не ответил, спиной выражая сильнейшее неодобрение. Рубль, впрочем, взял.

Когда Леонард скрылся за дверью жилища фон Брауде, извозчик слез с козел и протянул коню морковку.

– Все торопятся, понимаешь, всем быстрее надоть, – бормотал он, глядя конскую морду, – А того понять не хотят, что конь – он тоже живой, тварь господня. Нешто ему не больно, кнутищем-то? Нешто он не устал за день? Почто его надирать зазря? Не на пожар, чай, и так бы доехали! Ну, может, на минутку подольше... А ты кушай, кушай, Саврасушка милый! Ишо часок-другой покатаемся – и домой. Ужо тоды и отдохнем...

Конь хрупал морковкой и благодарно тыкался замшевыми губами в щеку хозяина.

Представ перед светлые очи баронессы, поручик вручил букет и был допущен к ручке, кою он, воровато оглянувшись на мужа, поцеловал чуть ли не в плечо. Барону было ни до чего, он

смотрел в другую сторону. Собственно говоря, в разные стороны, ибо, похмелившись с утра, крепко продолжил к полудню и фокусировать взор уже не мог. Разговаривал он исключительно междометиями, был ликом зелен, аки огурчик, и вскоре покинул гостя и жену, объяснив, что ему надо срочно обдумать план реконструкции некоего военного объекта. При этом, уходя, зачем-то прихватил бутылку рому и рюмку. Более они его в тот вечер не видели.

Через несколько минут Леонард вручил свой подарок, выразив надежду, что новая хозяйка брегета, взглядывая на сии часики, будет вспоминать иногда своего верного рыцаря.

«Вот, правильный мужчина!» – думала Ванда, разглядывая ювелирное изделие, – «Не мелочится, тыщ пять отвалил, если не больше! И даже с моим вензелем, надо же!»

Даритель был награжден поцелуем в губы. Незамедлительно сей знак любви был возвращен с гигантскими процентами! Затем поручик начал вольничать руками.

– Пойдемте в будуар! – сбивчиво бормотал он, распираемый любовным желанием (особенно в одном интимном месте!), – Я жажду обладать Вами, бесценная моя! Богиня!

Ванда тоже испытывала сладкое томление и стеснение в груди, которая из-за этого вздымалась с каждой секундой все более бурно.

– Хорошо, пойдемте! – снисходительно согласилась она, – Но ненадолго! И помните, что Вы мне обещали, Леонард Федорович: не трогать мой нижний бюст!

Попочка у Ванды была изумительно круглая и пикантная, руки так и чесались её осознать! Но, как говорится: давши слово – держись, а не давши – крепись!

В будуаре они упали на кушетку, снова зашелестели юбки, Ворота Счастья открылись, чтобы впустить героя. Но вдруг...

– А презерватиф, Леонард Федорович? – громом среди ясного неба прогремел строгий вопрос.

– Ой... Я... Я его потерял! – растерянно отозвался наш герой, у которого, фигурально выражаясь, авангард уже захватил плацдарм.

– Как потерял? Но, без него же нельзя! А другого у меня нет, они, между прочим, немалых денег стоят! – Ванда резко села на кушетке и одернула подол, – Извольте в следующий раз иметь сей предмет!

Наступление на Ворота Счастья было отбито!

Леонард был убит, раздавлен и размазан по пейзажу. Свидание было сорвано. Конечно, он обзаведется презерватифом, но когда это будет! Слияние с богиней откладывалось, и из-за этого молодой человек едва не зарыдал. Плечи его сторбились, Красноголовый Воин зачих. Попытка уговорить даму на соитие без презерватифа потерпела сокрушительный отпор. Ванда была тверда в своих убеждениях, как камень. Удовольствие – удовольствием, но не в ущерб же безопасности здоровья! Пришлось ограничиться платонической любовью, сиречь, петтингом...

– Завтра в полночь! – прошептала красавица, прощаясь с неудовлетворенным кавалером, – Ждите меня за углом, в переулке. Я выйду, и мы поедем к Вам. Будьте готовы!

– Всегда готов! – молодецки выпятил грудь Леонард.

Весь день Данила драил полы и окна, выбивал ковры, вытирал пыль, обметал паутину по углам. Даже под печку совал швабру, чем вызвал у домового немалое раздражение. Срочно были куплены шелковые простыни и изрядное количество роз, чтобы усыпать ложе любви душистыми лепестками. В кондитерской были закуплены пирожные восьми сортов. В лавке татарина Керима – рахат-лукум с халвой. На леднике стояло шампанское, в буфете – ликеры, которых Леонард не любил. Самовар был начищен мелом и страстно сверкал, норовя затмить блеском небесное светило.

Вечером, осмотрев диспозицию и оставшись доволен, Леонард приказал Даниле ночевать в казарме. В утешение и за труды ему был выдан целковый. Денщик задумался, куда потратить

капитал, не придумал, и решил его копить. Но копил недолго, потому как, выйдя за ворота, увидел невдалеке кабак...

В полночь поручик, в широкополой черной шляпе и черном же плаще, терзаемый мощным телесным вожделением, сидел в засаде. В смысле, в извозничьей пролетке, припаркованной в переулке напротив черного хода дома фон Брауде. Извозчик Емельян, которого Леонард подрядил ещё днем, нервничал. Сия таинственность ему не нравилась. Странный седок посулил огромные деньги: десять рублей! Но за это приказал вымыть пролетку с мылом, выкупать лошаадь (тоже с мылом! Виданное ли дело?) и расчесать гриву и хвост, а самому сходить в баню. Чтобы, значит, не воняло. И одеться в черное! Емельян сидел тихонько, но непрерывно бормотал молитвы и крестился: ему было боязно. Все черное, ночь... Вдруг энтот барин нечистой силе служит? Слух был на Москве о каких-то масонах, которые обедню задом наперед служат и распятие вниз головою вешают. А знак у них – звезда пятиконечная, да! И что тут, в переулке, делать ночью порою? Ой, а под плащом в штанах у пассажира непонятно что топорщится... Хвост? Ну, попал ты, Емелюшка! Чур меня, чур!

Скрипнула калитка. Легкая фигура, тоже в черном, цокая, как показалось извозчику, копытами, устремилась к пролетке. Емельян обмер и не донес до лба занесенную для крестного знамения руку – так вдруг ослабел. Чудом удержался, чтобы не замочить портки. Седок выскочил, схватил фигуру на руки. Ф-фу-у! Вот оно что! Баба! Все сразу встало на свои места, страх прошел. Экипаж потихоньку тронулся с места.

– Леонард Федорович! – прошептала Ванда после первых жарких поцелуев, – Вы презерватиф купили?

– О, да! – шепнул ей в нежное ушко поручик, скупивший весь наличный запас (восемьдесят три штуки!) в немецкой аптеке.

Высадив странную парочку и получив золотой империал, Емельян припустил домой, решив, что завтра работать не будет, а будет лечить нервы. Народным средством, сиречь – водкою.

Квартира Орлова Ванде понравилась. Особенно шелковые простыни, усыпанные лепестками роз. В столовой был сервирован стол: кофий, пирожные, ликеры, шампанское в серебряном ведерке. В люстре оплывали свечи. Все, как у людей!

После томительно долгого ужина (Ванда от жадности попробовала все пирожные, а те, которые не смогла съесть – понадкусывала!), любовники, наконец, переместились в спальню. Там Леонард вознамерился раздеть свою зазнобу догола, чтобы насладиться сполна красотой её тела. Но Ванда воспротивилась и осталась в рубашке, несмотря на настойчивые уговоры.

– Как Вы не понимаете, Леонард Федорович? Я стесняюсь!

Это была ночь, полная экстаза! Страсть, переполнявшая поручика, выплеснулась мощным фонтаном счастья. Неоднократно, да! Ванда тоже не скучала, получая наслаждение плоти. Слияние тел всегда приводило её в хорошее настроение, кровь бежала по жилам быстрее, голова сладко кружилась. Сегодня было особенно здорово – Леонард поднял её на такие высоты, что она едва удержалась от крика, а между бедер стало влажно. Совершенно новое ощущение! Ранее не испытанное, г-м.

Около четырех утра, потягивая холодненькое шампанское, чтобы освежиться, она пригласила Леонарда к себе:

– Мне так замечательно с Вами, Леонард Федорович! Но, прежде, чем мы расстанемся, хочу обсудить с Вами кое-что.

– Я слушаю Вас, Ванда Леопольдовна! Всецело к Вашим услугам!

– Я решила обновить гардероб... Не ходить же мне в новом сезоне в прошлогодних тряпках?

– Конечно, нет! – пылко воскликнул поручик, и поцеловал её в грудь.

– Ой, вот Вы один меня понимаете! А Пьер жадничает. Не дает достаточно денег. Хорошо, что Вы обещали заботиться обо мне!

– Ну? – Леонард не понимал, куда она гнёт.

– Подкову гну! Мне не хватает расплатиться за заказ. Девять тысяч шестьсот пятьдесят рублей и восемьдесят две копейки! – Ванда уткнулась носиком в его шею, чтобы скрыть алчный блеск фиалковых очей.

Леонард слегка растерялся. Нет, конечно, он готов на любые жертвы ради своей богини! Но... десять тысяч единовременно? Без малого, г-м. Деньги, присланные дядей и так уже изрядно подтаяли... На что жить прикажете ещё почти пять месяцев? На жалованье поручика? Смешно-с!

Ванда игриво куснула его в шею, потирая с ответом.

– Ай! Да, конечно, Ванда Леопольдовна... но у меня нет сейчас при себе столько. Надобно снять со счета! – он поцеловал её протянутые губы и сразу забыл о своих сомнениях.

Ерунда! Он что-нибудь придумает, ну, займет у друзей в крайнем случае, перебьется, одним словом!

– Ну, тогда в понедельник? – уточнила Ванда, ласково поглаживая уши кавалера, – Не позже, хорошо?

– В понедельник, ага! – подтвердил Леонард, осторожно укладывая её на спину, ибо от поглаживания ушей страсть вспыхнула в нем с новой силою.

Через много-много лет ученые исследуют сей феномен через микроскоп, сделают все анализы – и откроют эрогенные зоны. И не только на ушах!

В понедельник, придя на чай с букетом и новомодным тортом «Наполеон», Леонард вручил Ванде пачку ассигнаций толщиной в энциклопедический словарь. Полковника не было дома – задержался на объекте.

– О, звезда моя! Вот, десять тысяч! – гордо похвастался он.

Радость баронессы была бурной, как Черное море в марте! Страстные объятия и жаркие поцелуи красавицы быстро довели поручика до полного восторга! Схватив кокетливо брыкающуюся Ванду на руки, он уже знакомой дорогой понес её в будуар...

За благодарностью!

На десяти тысячах дело не кончилось. Аппетит у прекрасной баронессы только разыгрался! Теперь, помимо подарков, без коих влюбленный поручик считал невозможным предстать пред ясные очи Ванды свет Леопольдовны, приходилось в кавычках заботиться о её многочисленных нуждах. Через три недели Леонард купил ей выезд: двух шикарных рысаков и карету. Четырнадцать тысяч, как одна копеечка! Ещё через месяц помог обновить занавески на окнах, а заодно и всю мебель. Двенадцать тысяч, г-м! И тому подобное, не считая щедрых взносов на благотворительность во время заседаний литературного кружка. Но было плевать на деньги! Главное – Леонард имел бесперебойный доступ к своей богине и был регулярно осыпая её ласками. Он похудел, ибо любовная страсть сжигала его, аки огонь лучину. Разумеется, о его романе с полковничихой перешептывался весь город, ибо конспираторы они оба были неважные. Но барон чудесным образом оставался в неведении!

К октябрю деньги у поручика Орлова кончились. Дядя все ещё лечился водами, и помочь не мог. Пришлось отпроситься из полка и съездить в имение, благо всего сотня с хвостиком верст.

На требование хозяина срочно найти хотя бы тысяч двадцать, управляющий Ганс Фридрихович Мюллер впал в ступор. Выпив двойную дозу лавровишневых капель, отживел, и с гротеском в руках весь вечер доказывал невозможность одного волюнтаризма. Денег в хозяйстве было только восемь тысяч с половиною.

– Прикажите меня висеть батогами или, даже, расстрелять, Леонард Теодорович, но выше головы не прыгнуть! – брызгая слюной вопил Мюллер, – Ежели я Вам все эти деньги сейчас отдам, хозяйство без единого пфенига останется! Ведь, развалится всё!

– Может быть, продать что-нибудь ненужное? – уныло предложил Леонард, в сельском хозяйстве разбиравшийся слабо.

– О, йа! Дас ист фантастиш! – всплеснул руками управляющий, – Коровушек голландских, например? Наше млеко покупает сам боярин Шереметев для своей сыроварни! Сие приносит до одной осьмой валового дохода имения! Или гусиную ферму? Шесть московских и две калужских ресторации регулярно закупают наших гусей, лучших в губернии! Из них половину мы откармливаем... как сказать по русски... Фуа-гра... Чтобы отрастилась печенка! Ещё одна осьмая дохода! Или прикажете продать колбасный заводик? Или лес?

– Понимаю... Но деньги сильно нужны! И срочно! – упрямо заявил наш горе-помещик.

Мюллер сдвинул проволочные очки на кончик длинного носа:

– Ежели Вы настаиваете на сем безрассудстве, то я буду увольнять себя!

– Ну уж, так сразу и увольняться! Подумайте, Ганс Фридрихович, может, все-таки, придумаете что-нибудь!

– Ну, хорошо, хорошо! Мне надобно два дня. Прикину, где можно сэкономить... – грустно сдался немец.

Два дня Леонард с Данилой мрачно пьянствовали, ибо заняться более было нечем. Из напитков в доме нашлись только домашние настойки, от которых болела голова и расстроился кишечник. А Даниле – хоть бы что! Погода стояла ненастная, даже погулять было не выйти. Леонард бесцельно слонялся по комнатам, уставленным мебелью в чехлах, разглядывал портреты на стенах, завернутые в кисею люстры. В гостиной над камином висела коллекция старинного оружия, собранная ещё дедом и дополненная отцом.

«Ежели сии железяки продать, то потянут тыщи на четыре, а может, и поболее!» – прикинул поручик рассеянно, повертев в руках тронутый ржавчиною двуручный меч.

На третий день пришел Мюллер.

– Шесть тысяч двести пятьдесят рублей! – твёрдо отчеканил он, – И ни копейки более!

– Ладно, давайте! – вздохнул Леонард обреченно.

Сумма, конечно, недостаточная, но месячишко перебиться хватит. А там и дядя из Карслбада вернется, поможет. Коллекцию клинков решил прихватить с собой, равно, как и несколько картин, книги, а также кое-какие мелочи.

В полдень, стоя на крыльце родительского дома, Леонард скучливо оглядывал неказистый, мокрый от дождя пейзаж, пустую псарню и конюшню. Бывал он здесь в детстве редко, даже не каждый год, а с последнего посещения минуло целых шесть лет. Родителей не помнил, только по рассказам няни и дяди, поэтому ностальгических чувств к своему имению не испытывал. Для него сии палестины были только источником дохода.

Мужики паковали вещи, сноровисто постукивая молотками, побряхтывая, грузили ящики на телегу. Среди них прошел слух, что барин крепко проигрался в карты.

– ... Скока, скока?

– Стока! Двадцать тыщ! Прикатил к немцу-то, и давай требовать. Маланья самовар им несла, сама слыхала.

– С нами крестная сила! Двадцать тыщ! Да, поди, на всем воскресном базаре товару на стока не наберется!

– А двадцать тыщ – много, батя?

– Ну, вот, к примеру, Силантий: армяк – полтину стоит. Ежели всем в нашем селе по два армяка купить, как раз и выйдет двадцать тыщ заплатить!

– Это где ж ты, Мирон, за полтину армяк покупал? Из парчи, что ль, пошил? Я, однако, за двугривенный себе справил!

- М-да, баре... Высоко летают, как бы падать больнѣшенько не пришлось!
- Эй, потише! За такие слова кнута вваливают!
- А я думаю: отобрать бы все у бар, да и поделить!
- Во, ещё один Пугачев Емеля нашелся! К топору Русь зовет!

Управляющий Мюллер слышал сии речи и много лет спустя рассказал о них своему знакомому, некому Карлу Марксу. Проанализировав содержащиеся в разговорах мужиков идеи, тот написал: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма!»

Наконец, возок поручика да телега с предназначенными для продажи вещами тронулись в путь. Из-за осенней распутицы до Москвы добирались пять дней. Приехали грязные, усталые и мокрые по самые уши, ибо тяжело груженую телегу то и дело приходилось выталкивать. Несмотря на принятые меры профилактики простудных заболеваний, сиречь, водку, поручик маялся насморком. Чихал как из пушки. Поэтому первое, что он сделал, сняв пудовые от грязи сапоги, было написание письма Ванде Леопольдовне с извинениями за пропущенный чай в минувший понедельник, и объяснениями своего болезненного состояния, препятствующего их встрече в понедельник грядущий. Из восьми страниц письма шесть были заняты комплиментами и клятвами в любви. Ответ от баронессы пришел уже к вечеру. В своем письме она сетовала на долгую разлуку, намекала, что сильно соскучилась, и выражала надежду на скорейшее Леонардово выздоровление. С письмом была прислана баночка собственноручно сваренного малинового варенья!

Леонард аж задохнулся от умиления!

– Сама, своими нежными ручками, варила! – гнусаво бормотал он, разглядывая драгоценный дар богини.

Данила притащил самовар.

– Давайте, барин, лечиться! Подержите ноги в горячей водице с горчицей! – предложил он, наливая кипяток в тазик.

– О, да ты в рифму заговорил! – рассмеялся хозяин, – Сии вирши надо будет записать!

Даила озадаченно почесал затылок:

– И в мыслях у меня не было никакого вольнодумства! А Вы ножки-то, ставьте в тазик!

В теплом халате, с ногами в горячей, насколько можно терпеть, воде с горчицей, Леонард пил чай с малиновым вареньем и ромом. Пылал, постреливая березовыми дровишками, камин, наполняя комнату сухим приятным теплом. Уютно тикали часы на камине. Насморк дрогнул и начал отступать, не в силах противостоять превосходящим силам противника.

У дверей позвонили, и Данила впустил поручика Михайлова.

– Ага, вернулся! – загромыхал он радостно, – А с ногами что? Рюматизм?

– Да нет, Саня, насморк. Садись, выпей со мной чайку! – пригласил его Леонард.

– Насморк в носу, а ты ноги паришь? – гулко захохотал товарищ.

Отсмеявшись, Александр сел, принял чашку. Зачерпнул ложечкой варенья из вазочки, поморщился:

– Переварено! Вот, я тебе пришлю своего, Ненила варила – объедун и благорастворение воздуха!

– Гран мерси! – поблагодарил друга больной, незаметно отодвигая в сторонку драгоценное варенье, – А как, кстати, у тебя с Ненилой после того случая? Ты мне не рассказывал!

– О! Твоя идея насчет шелкового белья! Заказ только через десять дней исполнили, и все десять дней моя дулась, несмотря на пряники. Зато уж, когда бельѣ принесли – смягчилась сразу, аки воск от лица огня! Час целый перед зеркалом вертелась, а я, глядя на такую красоту, слюнями истек. Допустила до себя, ага! Шутила, что за такой подарок она мне авансом ещё половинку измены прощает! Теперь живем душа в душу.

Леонард хрипло захохотал, едва не расплескав чай.

Александр придвинулся ближе и спросил вполголоса:

– Слушай, Лёня! Тут такое дело... Ненила хочет еться с презерватифом, по благородному, значит. Запало ей, понимаешь? Ты их где покупал?

– Да в немецкой аптеке! – удивился Леонард, – На Кузнецком Мосту!

– Был я там! – огорченно ёрзнул на стуле Михайлов, – Нету у них! Говорят, кто-то весь запас скупил, целый город без презерватифов оставил, а новый завоз не раньше декабря. У тебя не найдется ли?

– Ну... могу дать... один, – неохотно протянул наш герой-любовник, которому сии предметы были дороги, ибо без них, как мы помним, Ванда Леопольдовна не давала.

– Выручи, а? А то не хочет Ненила быть в постели крестьянкой, хочет быть благородной мадамкой!

– Каламбур! – хихикнул Леонард и полез в шкафчик.

Получив просимое, Александр спросил застенчиво:

– А как им пользоваться-то? Я, знаешь, допреж никогда...

– Вот, надевается и раскатывается на всю длину, – со знанием дела объяснил Леонард, – А потом тесемочки завязываешь, чтобы не сваливался, только не слишком туго. Лучше, если Ненила надевать будет – так приятней! Потом снял, прополоскал, смазал, свернул – и до следующего раза.

– А смазывать чем?

– Да постным маслом или салом топленным, все равно.

Повертев с интересом конвертик, Михайлов спрятал его за обшлаг мундира. Налил себе чаю в блюдечко, по простому, хлюпнув, отпил. Осмотрелся:

– А ты зачем в деревню ездил, Лёня? Вон, гляжу, и ящики у тебя везде.

– Да вещи привез... Картины, книги. То, да сё... Коллекцию дедовскую, клинки всякие. Чего им зря пропадать?

– Ну-у?! – воодушевился гость, – Я ведь тоже собираю! Покажешь?

Позвали Данилу. Тот пришел с кислым лицом, ибо его оторвали от самовара, штофа вишневки и соседской кухарки, заглянувшей на огонек. Настроение денщика ещё больше ухудшилось, когда пришлось ворочать и вскрывать тяжелые ящики с железяками. Эх, жизнь подневольная!

– Нет, ты только посмотри! – вскричал Александр, хватая один меч, – Сарацинский «Огненный» клинок! Мавры в Гранаде такие ковали!

– А почему такая странная форма? – провел пальцем по волнистому лезвию Леонард.

– Сей меч совмещал достоинства прямого обоюдоострого колющего лезвия с изогнутой саблей кочевников, более приспособленной для рубки, – доходчиво объяснил знаток, – В бою с закованными в панцырь рыцарями очень себя оправдал!

Он почтительно взял другой:

– Типичное оружие крестоносцев, двуручный обоюдоострый меч. Полагаю, времен Карла Великого, г-м!

Но более всего его взволновал короткий прямой клинок с невзрачною бронзовою рукоятью.

– Да это же меч римского легионера! Впрочем, скорее центуриона, у рядовых попроще были, с деревянной рукоятью! Первый век от Рождества Христова... ну, может, второй. Однако!

– Дорого может стоить? – поинтересовался Леонард, относившийся к оружию равнодушно.

– Не знаю, слушай... Посоветоваться надо! – Михайлов смотрел на железяки, как дитя на леденец, – Лёня, душа моя! Я у тебя всю коллекцию куплю, только подожди пару дней!

– Да подожду, мне не к спеху... – кивнул хозяин сокровищ.

– Значит, договорились! Я все разузнаю, и цену тебе дам справедливую.

Уговор запили доброй порцией рома.

Посидев ещё полчасика и наговорившись досыта, Михайлов отправился домой. Ублажать Ненилу по-благородному, да!

После ножной ванны, чаю с ромом и доброй беседы самочувствие поручика улучшилось, настроение поднялось. На улице шел дождь, по осеннему нудный. Ветер шевелил ветки старого клёна, и они стучались в окно, будто приглашая жильцов на прогулку. А может, наоборот, прося впустить дерево погреться?

Данила приготовил постель, согрел медной угольной грелкой простыни. Затем, по традиции, поставил под печку плочечку с молоком, ломтем хлеба и кусочком сахара: для домового. Тот довольно улыбнулся в бороду.

Позевывая и крестя рот, денщик доложил, что постель готова. Леонард, наскоро прочитав молитву, улегся. Хотел почитать на ночь, и даже взял одну из привезенных с собою книг – что-то о путешествии в Африку, но день был тяжелый, и, задув свечу, он погрузился в сон...

Глава четвертая

А сон снова был странный! Поручик стоял на вершине горы, судя по всему – вулкану, ибо имелся внушительный кратер. Вокруг Леонарда расстился уже знакомый пейзаж с морем и пальмами. Вдали виднелся город, построенный из одинаковых серых пятиэтажных зданий, перемежаемых кое-где одинаковыми же девятиэтажными башнями. Улицы были прямые, и пересекались под прямым углом. В центре, на площади кичливо возвышалось монументальное здание с колоннами. Над ним развевался красный флаг. Перед зданием стояла какая-то скульптура с протянутой на восток рукой. Архитектура города была более, чем удивительная. Казалось, что это – результат упражнений ребенка с кубиками.

Поручик поднял лежащую у ног легкую треугольную конструкцию, обтянутую тканью, легко разбежался по склону и... Полетел! Конструкция оказалась крылом, уверенно державшим тело в воздухе! Меняя положение тела, Леонард управлял полетом, закладывал виражи, почти не снижаясь. Скорость была, как у доброго скакуна, несущегося во весь опор!

Город стремительно приближался. Стали видны странные экипажи, передвигающиеся по улицам без помощи лошадей. На плоских крышах домов там и сям виднелись гигантские буквы, складывающиеся в непонятные выражения: «Слава КПСС!», «Партия – наш рулевой!», «Экономика должна быть экономной!», «Мир, Труд, Май!», «Атом служит миру!», «Советский Краснознаменный Тихоокеанский Атомный Флот – гарант мира во всем мире! Л. И. Брежнев», а так же много других, таких же загадочных. Кое-где виднелись огромные, в пол стены, портреты бровастого немолодого человека в незнакомом мундире с огромным количеством наград. Плакаты с изображением... моряков? Да, конечно, это были моряки, судя по рубашкам с широкими синими воротниками и бескозыркам с ленточками. В гавани стояли корабли. Серо-стальные, явно не деревянные, огромные даже с высоты птичьего полета, они поражали воображение, и как корабли воспринимались только потому, что некоторые из них двигались. И ни одного парусника!

«Пароходы!» – понял поручик, закладывая вираж и снижаясь, чтобы приземлиться на пляже в паре верст от порта, – «Надо же, а я и не знал, что они такие здоровенные бывают! Но, откуда?»

Земля плавно приближалась. Вот и пляж, кромка прибоя. На воде – радужные разводы нефти. И ни души: ни гуляющих, ни купальщиков, ни рыбаков...

Приземлился, пропахав ногами песок на пару саженей. Тут же, откуда ни возьмись, подбежали трое военных с короткими ружьями без прикладов наперевес.

– Стой, руки вверх! – угрожающе заорал один из них.

Леонард покорно поднял руки. Его сноровисто обыскали.

– Так, гражданин, пройдемте. Расскажите, как Вы в запретную зону залетели и по чьему заданию. Онищенко! Подбери дельтаплан! – властно распорядился потный офицер.

Леонард замешкался и сразу же больно получил стволом ружья по спине.

– Но, позвольте, господин офицер! – возмутился он таким обращением.

– А-а! Вот кто к нам пожаловал! Из этих, значит, из белых! – радостно заулыбался офицер, – Господа-то все в Париже!

«Почему – господа в Париже?» – не понял Орлов, – «И, из каких-таких, белых?»

Вдруг все расплылось перед глазами и он проснулся.

Как и в прошлые разы, сон не размазлся, не улетучился бесследно. Все детали были отчетливо отпечатаны в памяти. Поворочавшись, поручик встал, запалил свечу, и, шаркая шлепанцами, пошел в кабинет. Там он подробно записал содержание своего сновидения, а заодно – и три предыдущих. Зачем он это делает, Леонард не знал.

«Точно, надо к доктору сходить... Пароходы, надо же! Да и вообще, чудно!» – неуверенно усмехнулся наш герой, укладываясь досыпать.

Два дня поручик сидел дома, лечился домашними средствами. В полк послал письмо, объяснив, что нездоров. На всякий случай вызвал околоточного доктора – Илью Игоревича. Эскулап осмотрел язык и горло, оттянул веки. Уютно сопя в бороду, выслушал деревянным стетоскопом грудь.

– Очень крепкий организм у Вас, Леонард Федорович! – улыбнулся он, вертя пальцами на кругленьком животике, – Насморк – ерунда, пройдет! Надобно прикладывать на ночь французский горчичник на воротниковую зону. Через день! Диету я Вам распишу...

– Да я, собственно... – Леонард помедлил, собираясь с духом, – В общем, сны я вижу. Престранные, осмелюсь доложить, сны! Яркие и запоминающиеся.

– Ну-те, ну-те! – заинтересовался доктор, придвигаясь поближе, – Расскажите, батенька!

Принеся из кабинета свои заметки, пациент подробно пересказал все четыре сна. Доктор слушал внимательно, не перебивал. Когда история закончилась, Илья Игоревич долго думал, затем задумчиво загнул мизинец:

– Первое: все Ваши сны происходят в одном и том же месте, в котором Вы наяву не бывали. Море, пальмы, горы... – загнул еще один палец, – Второе: во всех сновидениях присутствуют предметы и явления, отсутствующие в повседневной жизни: фантастический город, полеты, выкрутасы на волнах и тому подобное. Третье: непонятные слова и выражения: «Советский», «Атомный», «Холодильник»...

– Еще орфография странная, доктор! – вклинился оживленно Леонард, – Все надписи без еров и ятей!

– Да? Г-м, странно... как же без них? Дайте-ка, я рефлексы проверю! – доктор достал каучуковый молоточек на блестящей рукоятке и постучал поручика по коленкам, запястьям и локтям. Коленки дрыгнулись.

– Ага, рефлексы повышены... В общем, похоже все на настоящее, но на самом деле фантастическое. Полагаю, что сие есть расстройство воображения, так называемый эйдетизм, вызванный, скорее всего... э-э... излишествами плоти, сиречь, алкоголем и чрезмерно жирною пищею на ночь. Ну, и общим перевозбуждением. К тому же Вы недавно вернулись с войны. Нервы подрасшатались, да! Что такое сон, наука достоверно пока не знает, но мы догадываемся, что он есть продукт нервной деятельности. И чем возбудимее человек, тем причудливее могут быть сны, составляя бессмыслицы, вроде Ваших... Думаю, что микстура с бромом дважды в день по столовой ложке будет в самый раз. Вот, извольте, рецепт... – Илья Игоревич пересел к столу и заскрипел пером, – Водку исключите, кушайте только белое мясо, кислую капусту рекомендую. Ну, и красное французское вино в количестве достаточном!

– Большое спасибо, доктор! – с облегчением поблагодарил сновидец.

– Кстати, – обернулся собравшийся уже уходить врач, – Сны видят не только люди! Мне приходилось наблюдать, как собаки во сне взвизгивают, перебирают лапами. Явно им что-то снится!

– Точно, я тоже такое замечал! – улыбнулся Леонард.

После ухода врача посидел, собираясь с мыслями. Обедать было еще рано, одиннадцать часов, но есть, почему-то, хотелось. Организм выздоравливал и требовал топлива!

– Данила! Поддай поесть чего-нибудь! – позвал он.

– Чего изволите? – высунулся из кухни Данила, – Как раз оладышков напек! Со сметанкой и молочком?

– Давай!

Денщик втащил блюдо с горкой румяных оладьев и большую кружку молока.

– Молодец! – похвалил его поручик с набитым ртом, – Себе-то оставил? А то мне столько не съесть!

– Так точно! – ухмыльнулся Данила, – Оставил!

– Ну, тогда ешь. Потом в аптеку сходишь. Вон, на столе рецепт! Да, и красного мяса мне доктор не велел кушать, имей в виду!

– Курицу прикажете купить? Или индюшку? – осведомился солдат, сам любивший птицу.

– Э-э... рябчиков, пожалуй... Или бекасов.

Прикончив свою долю оладьев, Данила ушел.

Через час на улице загромыкала телега и к Леонарду ввалился возбужденный поручик Михайлов.

– Ого! Выглядишь молодцом! – громогласно заявил он, – Поправляешься?

– Поправляюсь, Саня! Думаю, завтра уже на службу выйду! – встал ему навстречу больной.

– Ну, и отлично! А я тут все разузнал насчет мечей! – Михайлов плюхнулся в жалобно заскрипевшее кресло.

– Рассказывай все! – предложил Леонард, и товарищ, энтузиастически жестикулируя, поведал, что встречался со знатоком холодного оружия, бароном фон Теофельсом.

– Я ему описал наиболее интересные клинки, он аж позеленел от зависти. У него таких нету! Один древнеримский меч, сказал, две тысячи стоит! Насчет других смотрели в книге, там история холодного оружия прописана от греков до наших дней.

– И, что?

– Большой ценности ножики! Барон меня умолял один сарацинский клинок ему уступить, за консультацию. Хорошо, что их два!

– Ну, уж это, как ты себе знаешь, – пожал плечами хозяин коллекции, – Так сколько все вместе стоит?

– По справедливости – десять тысяч! – отер вспотевший лоб Михайлов, – У меня и деньги с собой!

Леонард впечатлился. Такая сумма его более, чем устраивала!

– Полагаюсь на твоё слово, Саня. Сам-то я, как говорится, ни уха, ни рыла не понимаю в этих железяках. Забирай!

Счастливый Михайлов брякнул на стол пачку денег и вышел за мужиками. Тут вернулся Данила с микстурой и рябчиками. Заботливо откупорил лекарство, поставил на стол.

Следя за погрузкой, Михайлов, не глядя, нашарил на столе бутылку и налил два стакана. Хозяин в этот момент отвлекся, закуривал.

– Давай, Лёня, всприснем куплю-продажу!

Оба чокнулись и выпили залпом. Вонючая безалкогольная жидкость полилась в глотки.

– Что это? – закашлялся гость с отвращением.

– Это микстура моя. От нервов, – сдавленно ответил Леонард, сдерживая позывы рвоты. Михайлов выпучил глаза и захохотал.

– Это ничего, мне тоже полезно! А то я последнее время какой-то дерганный стал!

Посмеявшись, они расстались, довольные друг-другом.

В эту ночь Орлов спал без снов. А утром, чувствуя себя, благодаря французскому горчичнику, практически здоровым, отправился на службу. До свидания с Вандой Леопольдовной оставалось два дня, и все мысли поручика были только об этом. Но служба есть служба! Поэтому время пролетело быстро, в трудах и заботах, ибо дел за отпуск накопилось немало.

В понедельник, прихватив подарок, Леонард припожаловал в гости. Полковник был трезв, только что из запоя, и это несколько осложняло общение с любимой женщиной. Чтобы выразить переполнявшие его чувства, пришлось прибегнуть к морганию глазами и шевелению

усами. Но через час Петр Иоганнович заскучал, ибо Ванда и Леонард вели беседу о слишком сложных для полковника материях, сиречь, о бельканто, акустике различных театров, о новой программе крепостного вокально-инструментального квартета графа Ржевского. Через ещё четверть часа он вышел и долго не возвращался. За это время любовники условились о полуночном свидании.

– Пьер все равно спит отдельно из-за своего противного храпа. А спит он, как камень, и ничего не заметит. Главное – вернуться до его пробуждения! – так объяснила баронесса ещё на заре их с Леонардом отношений.

За десять минут до полуночи закутанный в черный плащ поручик ждал свою даму в переулке у черного хода. Извозчик Емельян стал к этому времени его бессменным возницей. Леонард рассудил, что лучше иметь дело с одним сообщником, чем каждый раз договариваться с новым. В смысле конспирации, ву компренэ? Емельян теперь ждал сих ночных эскапад с восторгом и нетерпением, давно позабыв свои страхи и сомнения. Барин каждый раз платил щедро, на эти деньги Емеля уже и крышу перекрыл, и корову вторую купил, и лошадь сменил, и в кубышку отложил изрядно. Сильно огорчился, когда на целых два понедельника все прекратилось. Ещё бы: целых двадцать рубликов недозаработал! Когда богатый барин снова нашел его, не удержался и спросил укорчиво:

– Где ж Вы были, Ваше благородие? Я уж беспокоился, думал, не поедем более. Али служба государева?

– Нет, в отпуск ездил, в деревню, – пояснил офицер рассеянно.

«В отпуск он, вишь ты, ездил! За мои-то кровные денежки!» – злобился Емеля, понуро отправляясь мыть с мылом лошадь и экипаж. Тоже, между прочим, расход – от полуфунтового куска каждый раз лишь малый обмылочек остается в баню-то сходить! Так и чесался язык попросить у военного барина прибавки, хоть на мыло! Но вовремя опомнился и сдержался.

В полночь из калитки выпорхнула Ванда. Надо отдать ей должное – никогда не опаздывала! Поручик, как всегда, подхватил её на руки, поцеловал, посадил в коляску. Поехали. Но что-то было не так! Руки прекрасной баронессы обвивали его шею, губы волшебны и дразняще касались усов... Обычно это воспаляло пылкого молодого человека как порох! Но не сегодня. Маленький друг (вообще-то, не такой уж и маленький!), закаленный в сладких амурных битвах Красноголовый Воин спал где-то глубоко в подштанниках, аки пьяный сторож в лабазе на мешках! Странно...

На квартире, когда, напившись кофию с ликерами и пирожными, любовники перешли в спальню, и шелковая рубашка соблазнительно натянулась на божественных выпуклостях тела Ванды, одновременно намекая и на впуклости, ямочки и секретные складочки, Леонард опять ощутил полную индифферентность своего мужского начала. О, и умом и сердцем он вожаделел свою богиню, предвкушая блаженство, которого был лишен столь долгий срок! Но... г-м... не энтим местом, как выражалась бывало няня, купая своего маленького питомца.

Ванда, возбужденная марципанами, ликёрами и поцелуями, разметалась на постели и глубоко дышала. Изящно вырезанные ноздри её точеного носика раздувались от страсти. Волновалась умопомрачительная грудь. Глаза были томно затенены густыми ресницами. От сей живописной эротической картины можно было сойти с ума! Леонард чуть не плакал. Натура подстроила ему один из своих непредсказуемых подлых кунштюков! Ну, никак! Даже намека на боевую готовность не ощущалось!

Очаровательница-фея открыла глаза и вопросительно взглянула на красного и смущенного поручика.

– Кесь ке се, Леонард Федорович?

– Пардон, мон амур, – отвечал Леонард с невыразимой горестностью, – Я, судя по всему... Увы!

– Это бывает иногда, – прошептала Ванда ласково, – От излишнего волнения! Ну-ка, дайте его мне!

Прохладные нежные пальчики сомкнулись на забастовщике, погладили. Результат нулевой. Помяли. Снова ничего... Подергали! Виновник поручикова позора, ещё недавно гордый орел, совсем съёжился и прикинулся безобидным птенчиком. Целый час красавица старалась возродить к жизни бывшего бравого безобразника, устала сама и измучила Леонарда. Она даже, преодолев стыдливость и брезгливость, решилась поцеловать... ну, этого... Не помогло! Свидание было непоправимо испорчено.

В хмуром молчании они оделись и вышли на улицу, где на козлах похрапывал Емельян. От звука шагов тот проснулся, и удивившись про себя краткости сегодняшнего ожидания, шевельнул вожжами, готовясь тронуться. Леонард посадил баронессу в коляску, и вознамерился сесть сам, но она вдруг остановила его.

– Сударь (никогда прежде она не называла его так сухо!), не провожайте меня! Оревуар!

Ни улыбки, ни поцелуя на прощанье. Маленькая рука в перчатке хлопнула Емелю по спине:

– Пош-шел!

Зацокали копыта...

«Обиделась, наверное!» – догадался смешанный с грязью горе-любовник.

На подгибающихся ногах он вернулся домой. Жизнь без богини была невозможна, ясное дело. А ещё и без плотских утех – тем более. Сев в кабинете к письменному столу, переписал завещание, оставляя все свое достояние баронессе Ванде Леопольдовне фон Брауде (тут опомнился немного: разговоры пойдут, честное имя дамы может пострадать!). Продолжил так: дабы она по своему усмотрению употребила сии средства на благотворительные цели. Вот, теперь правильно! А уж употребит ли, и сколько – никого не касается. Запечатал конверт сургучной печатью, положил на видном месте. Достал из шкапа ящик с пистолетами. Хорошие пистолеты! Работы льежского мастера Лепаж! Зарядил оба, намереваясь выстрелить себе в виски одновременно. Но... никак не мог решиться. Очень хотелось увидеть рассвет. В последний раз. Положив пистолеты на столешницу, откинулся на спинку кресла и стал ждать утра. И не заметил, как уснул.

Прав был мудрый околоточный доктор Илья Игоревич! Сильное нервное возбуждение, возникшее в результате сокрушительного амурного фиаско, родило в мозгу несчастного поручика новый причудливый сон, несмотря на принимаемую микстуру.

Он оказался в гуще толпы, сгрудившейся на площади перед помпезным зданием с колоннами, похожем на виденное ранее. На фронтоне колыхался на легком ветерке огромный кумачовый транспарант. На нем Орлов с изумлением прочел: «Миллион пудов Атувайских ананасов засыпем в закрома Родины к празднику!» Около трехсаженной бронзовой скульптуры была возведена трибуна, также обтянутая кумачом. На трибуне была кучка людей – явно городское начальство. Сие определялось не платьем, состоявшим из одинаковых кургузов, не прикрывавших седалище сюртуков и мундиров, а уверенными спесивыми манерами и выражением лиц. Народ, с красными флагами и разноцветными каучуковыми надувными щарами в руках, одетый по праздничному, (мужчины, несмотря на изрядную жару, тоже в сюртуках и панталонах, женщины – в неприлично коротких платьях, открывавших ноги выше колен, и с цветами в волосах), внимал громовому голосу, исходившему, казалось, из ниоткуда:

– Товарищи! Ананасоводы Атувайщины, взявшие на себя повышенные социалистические обязательства и проводившие сев озимых с опережением графика, добились выдающегося рекордного урожая яровых: миллиона пудов! Это на три и четыре десятых процента превышает прошлогодние показатели! Банановоды и кокосоводы, наши, товарищи, земляки с острова Ниихау, также внесли весомый вклад в социалистическое соревнование народов нашей необъ-

ятной Советской Отчизны! Валовый продукт нашей республики превысил на конец финансового года два миллиарда рублей, что на сто восемьдесят тысяч рублей больше, чем у Аляскинской Советской Социалистической Республики! Таким образом, в нашей группе республик тихоокеанского региона мы заняли первое место!

Раздались бурные аплодисменты.

Человек на трибуне (Леонард уже догадался, что это говорил он, чудесным образом усиливая свой голос), поднял вверх руку, призывая к тишине:

– Сейчас мы вручим заслуженные награды Родины нашим знатным ананасоводам, банановодам и кокосоводам! Почетной грамотой ЦК Коммунистической Партии Атувайской ССР награждается товарищ Китенко Кирилл Борисович!

Раздвинув могучими плечами толпу, на трибуну поднялся немолодой коренастый дядька со смуглым морщинистым лицом. Военный духовой оркестр сыграл туш, и под сии бравурные звуки дядьке вручили большой красивый лист бумаги. Вручавший потряс ему руку и трижды облобызал в губы. Растроганный Китенко подошел к металлическому стержню с грушей на конце, вздел очки, и, откашлявшись, начал читать, запинаясь, по вынутой из кармана бумажке (тоже громовым голосом!):

– Высокая награда Родины – огромная честь для меня! Я заверяю вас всех и лично Генерального Секретаря Коммунистической Партии Советской Социалистической Республики Атувай товарища Берегморя Ивана Григорьевича, что не остановлюсь на достигнутом! Новые научные методы ананасоводчества, разработанные советскими учеными, позволят нам...

– Миллион-то пудиков собрали, да только все на корм свиньям опять! – сожалеюще вздохнула полная смуглая тетка рядом с Орловым, обращаясь ни к кому в отдельности.

– Это почему? – нешуточно удивился наш поручик, – Разве возможно свиней ананасами потчевать?

– Эх, *хаоле*! – вздохнула тетка, поправив алый цветок за ухом, – Ежели их на две недели раньше весенних пассатов посадили, они ж не вызреют нипочем! Да и собрали их раньше положенного, по приказу ЦК... Травя-травой, мелочь, кислятина. Только чтоб отчитаться: миллион, мол, пудов! И свиньи-то жрать будут неохотно.

– У тебя, тетя Серафима, небось, получше на даче растут! – засмеялся круглолицый чернявый парень, беззастенчиво обнимавший смазливую девицу с густо выкрашенными в сиреневый цвет веками и алыми пухлыми губами.

«Мода, наверное, такая – веки в разные цвета красить!» – подумал Леонард неприязненно.

– Знамо дело, получше! Сладкие, крупные! – подтвердила Серафима грустно, – Были. Своровали в пятницу, все, как есть. Что на зиму закатывать буду?

– Так это, наверное, маманя твои ананасики в субботу на базаре покупала! – хихикнул парень, – Прошла по рядам: у всех по два – два с полтиной, а у одного дядьки – по рублю. И глаза такие хитрые!

Вокруг засмеялись несколько человек. Ничего не понимавший в происходящем поручик наконец решился чуть-чуть прояснить ситуацию:

– Пардон, не имел чести быть Вам представленным, но, скажите пожалуйста, сударь! – обратился он к парню, – Как называется сей город?

Тот вытаращил глаза:

– Ты что, *хаоле*, не похмелился с утра? Или уже по новой принял? Ново-Мурманск!

В этот момент громко заиграла музыка и приятный баритон запел:

Утро красит нежным цветом

Стены древнего Кремля!

Просыпается с рассветом

Вся Советская земля!

Орлов открыл рот, чтобы спросить ещё что-нибудь, но бронзовая статуя лысого господина с бородкой и протянутой рукой вдруг шагнула с пьедестала вперед и стала трясти Леонарда за плечо огромной десницей, приговаривая:

– Барин! А, барин! Да что же это! Белый день уже!

Поручик проснулся. От неудобной позы все тело затекло и одеревенело. Над ним стоял встревоженный Данила. За окном робко шевелился серенький осенний день. Кленовый лист, наверное, последний, вцепился в стекло и жалобно трепетал там. Почему-то, его вдруг стало жалко и захотелось спасти... Но поздно: силы оставили листа, и он с отчаянным криком сорвался вниз, прежде, чем подоспела помощь.

– Завтрак прикажете, барин? – подал голос Данила, – А, чевой-то вы, пистолеты... дайте-ка я уберу от греха!

Проворно он утащил пистолеты. Леонарду сие было безразлично. Он все равно уйдет из жизни, так, или иначе... Внезапно подсадовал, что продал Михайлову клинки. Вот было бы здорово: броситься на меч! Как древний римский патриций! Мысленно перебрал ещё несколько способов самоубийства: повешение... фи! Крайне некрасиво! Зарезаться бритвою... Море крови, гадко. Яд, конечно, хорошо... Но где его взять? Пойдешь в аптеку, попросишь яду, а аптекарь яду тебе не даст! Можно спрыгнуть с высоты, только не лезть же специально для этого на колокольню Ивана Великого, да и стража не пустит...

Невеселые мысли прервал приход поручика Михайлова. Сразу после приобретения кол-лекции он укатил в командировку в Серпухов и только вчера вечером вернулся. Сейчас он был мрачнее тучи.

– Завтракать со мной будешь? – осведомился Леонард после обмена приветствиями.

– Буду! – обреченно махнул рукой Александр, – Я, правда, завтракал дома, но без аппетита.

– Что так, Саня? – удивленно выгнул бровь Орлов, – Ты не заболел?

У богатыря Михайлова обычно и аппетит был богатырский.

– Хуже! – с трагическим надрывом в голосе прогудел Александр, но тут Данила внес завтрак, и он отвлекся.

– Ты что, англоман? – с интересом обозрел Михайлов стол с кастрюлей овсянки, подносом с тостами, маслом и мармеладом.

– Нет, не то, чтобы... Это мне доктор диету присоветовал.

– А! Ну-ка, как тебя... Данила! Положи овсяночки, да побольше!

Тройную противу обычного дозу каши Александр посыпал колотым сахаром и щедро полил сливками. Несколько минут прошло в молчании. Слышно было только приглушенное чавканье. После еды друзья откушали кофию и закурили.

– Нет, не помогло! – вздохнул Михайлов горестно, – Все равно настроение паршивое!

– Да что случилось, Саня?

Тот исподлобья глянул на Леонарда:

– Ладно, тебе скажу! Только, чур не смеяться!

Орлов показал жестами, что смеяться у него и в мыслях нету.

– Приехал я, значит, вчера из Серпухова, и думаю: хорошо бы в баньке попариться! Дал команду, баню протопили, идём туда...

– погоди! С кем это?

– Ну... с Ненилой...

– Ну, ты и выдумщик! – удивился Леонард, – Экий шалун! Пикантно, слушай!

– Так, это... – смутился богатырь, – Беру её, чтоб спину мне потерла, попарила веничком... Удовольствие, однако!

– А потом ты Нениле спину трёшь тоже с удовольствием? И оно, небось, как бы затягивается? – съехидничал хозяин дома.

Градус настроения пополз вверх!

Александр опустил голову и покраснел:

– Понимаю, на что ты намекаешь... Да, грешен аз! Но ничего с собою поделать каждый раз не могу – соблазн зело велик! Отец Георгий всегда на меня епитимью за этот грех отдельную накладывает... Да, так вот: паримся мы, паримся, пора бы уже и согрешить, а я... а у меня...

– Не встал? – вполголоса спросил Леонард, наклонившись к товарищу.

– Да... – замирающим шепотом выдохнул тот, – Никак! И после, в спальне, значит, тоже. Ненила обиделась, решила, что я в командировке кого-то нашел, ну, и переусердствовал. Что делать, Лёня? Как жить дальше?

Леонард задумался. Совпадение их с Александром неудач на ложе любви показалось ему странным. Внезапно луч света, в смысле – догадка, прорезал тьму отчаяния: микстура! Они же по ошибке выпили аж по стакану! Правда, сие произошло три дня назад...

«Можно, конечно, прямо у Ильи Игоревича спросить: влияет ли, дескать, сия микстура на стояк... э-э... то-есть, на эту, как её... эрекцию? Но уж больно стыдно! А что, ежели...?»

– Данила! – крикнул он, и денщик явился.

– Чего изволите?

– Приведи Бобика!

Бобик был беспородный криволапый кабыздох, живший в будке и зарабатывающий себе пропитание охраною дома. Добродушный и безвредный, он, тем не менее, лаял очень устрашающе.

Данила, привыкший не удивляться причудам барина, молча вышел.

– Ты что задумал? – подозрительно спросил Михайлов.

– Мы микстуру пили? Пили! Думаю, что это от неё состояние нестояния, – доходчиво объяснил Леонард.

– Как, у тебя тоже?! – потрясенно воскликнул сраженный импотенцией товарищ.

– Ну... в общем... Да! И тоже вчера ночью, – признался наш герой.

– Вот это да-а! А Бобик тебе зачем?

– Поставим научный эксперимент! – важно заявил Леонард.

Простодушный Михайлов впечатлился.

Данила привел Бобика. Его быстро повалили на пол, и, удерживая за лапы, стали вливать в пасть остатки микстуры. Пес, не ожидавший от хозяев такого вероломства, сопротивлялся отчаянно, пытался кусаться и брыкаться, но силы были слишком неравны. Когда все кончилось, он, пошатываясь, встал на лапы.

«Не прощу! Никогда! Изверги!» – было написано у него на морде заглавными литерами.

– Теперь надо сучку, – деловито пояснил Леонард сообщникам по надругательству над животным, – Данила! Твоя подруга, ну, кухарка, говорила, что у её хозяйки болонка в охоте?

– Так точно! – подтвердил денщик.

– Принеси!

– Жужуньку, то-есть? – осторожно уточнил Данила.

– Ну, не кухарку же! Скажи, мол, на малое время.

– Не знаю, Ваше благородие, – с сомнением почесал в затылке служивый, – Забоится, поди, Ксюша. Барыня у ней сильно строгая! Прибить может.

– Дай ей три рубля! – раздраженно приказал Леонард, – Пусть, вроде как, погулять пойдет с собачкою! А сама – к нам!

Данила исчез, но через полчаса вернулся с хорошенькой беленькой болонкой с кокетливым красным бантиком на голове.

– Пускай! – скомандовал безжалостный экспериментатор, и Данила опустил собачку на пол.

У неё сделался вид весталки, отданной на растерзание толпе похотливых варваров. Все трое выжидательно уставились на Бобика, сидевшего в углу у печки.

А Бобику было хорошо. Нет, не так! Ему, выражаясь современным языком, конкретно торкнуло! Блаженная волна растекалась по его жилистому телу. Люди, сами того не подозревая, осчастливили животное. Как оно их сейчас за это любило!

По комнате разнесся пряный запах течной суки. Обычно это приводило пса в исступленный экстаз, заставляло часами подкарауливать самку, забыв обо всем на свете, и уж, конечно, совокупиться, ради продолжения рода. По научному называется – инстинкт! Но сейчас... Не торопясь, пёс вышел из угла и приблизился к обреченно дрожащей Жужу. Понюхал под хвостиком: действительно, к размножению готова! Но, ему это надо? Ведь и так хорошо, лучше не бывает! То, что он испытывал сейчас, было вкуснее, чем любая еда, упоительней победы над врагом, и приятнее, чем обладание самкой. Зевнув, он ещё раз ткнулся носом в болоночку, облизнулся с видом дегустатора, смакующего выдержанное вино, и улегся, свернувшись калачиком. Ну её! От добра добра не ищут...

Офицеры потрясенно переглянулись.

– Лёня! – проникновенно прижал руки к сердцу Михайлов, – Ты гений! Точно, от микстуры наша беда!

– Небось, скоро выветрится, и все будет, как раньше! – оптимистично предположил Леонард.

Жизнь снова заиграла всеми красками бытия!

– А с Ненилой как быть? – встрепенулся Александр, – Помириться, то-есть?

– Расскажи все, как есть. Мол, по ошибке лекарства хватанул вместо водки.

– Не, не поверит! Она ж неграмотная, да и докторов в глаза не видала, потому что не болела никогда. И слова-то такого «лекарство» не знает.

– Ну, тогда подарок ей надо дать!

– Да что ж подарить-то? Бельё уже дарил... Разве, опять пряников, полпудика? – мучительно задумался Михайлов.

– Саня! Наряды, украшения надо дарить! Купи ей кокошник красный, златом-серебром вышитый, с узорочьем и жемчугом! Она его наденет, в зеркало на себя залюбуется, разнежится, а тут ты её и... Ага?

Михайлов благодарно стиснул товарища в объятиях и троекратно облобызал в ланиты.

Глава пятая

Прошло два дня. Письма (все восемь!), отправленные Ванде Орловым, остались без ответа. Как объяснить ей, что он её по-прежнему любит, что не спит ночей, представляя её милый образ, что то досадное недоразумение было вызвано передозировкой брома?

Необходима была личная встреча. Чаепитие по понедельникам отменено баронессой не было, стало быть, можно будет прийти с достойным подарком и объясниться. Но до понедельника было ещё далеко, а поручик изнывал от нетерпения. Попытка присоединиться к группе конных поклонников результатов не дала: к баронессе было не пробиться, а она его как бы и не заметила – так, скользнула взглядом. Поговорить, таким образом, не удалось, так и плелся в конце кавалькады.

«Подарок, нужен подарок! Но, что подарить-то? Всякие картиночки-шкатулочки тут не подойдут, тут впору деревню с мужиками... Привезти красавицу в имение и объявить: сие все Ваше, Ванда Леопольдовна, сколь глаз окрест видит! М-да... Только сейчас осень, пейзаж не впечатлит даже купчиху, не то, что такую утонченную натуру, как Вандочка...»

Поручик глубоко вздохнул и задержал в груди воздух. Это помогало сосредоточиться. И, точно! Родилась мысль, достойная всестороннего рассмотрения.

Ванда все эти дни дулась на Орлова и нарочно не отвечала на его письма, хотя читать их было приятно. Решила помучить молодого человека, не прощать же сразу! Мало того, что не смог соответствовать, бессилие, понимаешь, навалилось, так ещё и домой не проводил, противный! Ночью одну отпустил, по темным улицам! А ежели б разбойники напали по дороге? Или, того хуже, насильники? Мало ли, что она не велела провожать себя! Мог бы сзади ехать тихонечко верхом, как бы незаметно. Насильники – прыг из темного переулка, а тут месье Орлов: ба-бах из пистолетов! А потом саблей – р-раз! И голову долой! ... Нет, ежели насильник, то лучше не голову, а...

Вспомнила, как в среду Леонард гарцевал на своём гнедом ахалтекинце, безуспешно пытаясь поймать её взгляд. Ничего, пусть потомится! Она уже знала, что будет дальше: притащится в понедельник, будет с видом побитой собаки заискивающе заглядывать в глаза, вилять хвостиком... Но она будет холодна, как мрамор! Да! А когда даст подарок (интересно, что он придумает? Уж наверное, что-нибудь посolidнее, чем картиночки-часики!), Ванда позволит поцеловать руку... самые пальчики!

Купец первой гильдии Севостьян сын Кондратьев Алтухов вернулся в пятницу домой на два часа ранее обычного. Жена Акулина, увидев его, встревожилась:

– Уж не захворали ли, Севостьян Кондратьевич? Али худое что приключилось?

– С чего ты взяла? – ухмыльнулся купец, проходя в горницу.

– Так ведь раненько сегодня Вы с конторы вернулись... – растерянно улыбнулась Акулина, уже понявшая, что наоборот, приключилось хорошее.

– Вот ты меня накорми, напои, в бане попарь... нет, в бане не надо сегодня, а потом и спрашивай! – Севостьян уселся в кресло и протянул ей ноги, чтобы сняла сапоги.

Сменив сапоги на ковриковые домашние туфли, а сюртук на уютный халат, пересел к столу, на который кухарка уже тащила закуски и самовар.

Алтухов был ювелиром, самым богатым на Москве. Учился в Амстердаме, куда послал его покойный папаша, тоже ювелир. Во время пожара 1812 года умудрился сохранить и дом, и магазин, и ценности – благодаря благочестию и щедрым пожертвованиям на церковь отвел Господь от беды. Сейчас, когда Москва отстраивалась заново, коммерция шла бойко, лучше прежнего.

Выпив стопку анисовой и закусив икоркой, принял от жены чашку чая. Заложил за щеку кусок сахара, и, шумно подув, отпил из блюдечка. Чай был отменный, и заварен, как положено. Акулина терпеливо ждала, когда супруг начнет рассказывать.

После третьей стопки и второй чашки, придя в окончательно гармоническое состояние, Севостьян начал:

– Приходит, значит, сегодня поутру в магазин офицер военный. Парамошка к нему: чего, мол, изволите, Ваше благородие? А он: покажи-ка мне, что из бриллиантов есть. Парамошка разложил, что было: серьги, брошки. Колье тоже. Покрутил военный носом, и говорит: а покрупнее сей мелочи есть что-нибудь? Парамошка тут понял, что покупатель серьезный, меня позвал. Я военному объясняю, мол есть несколько камней по пять каратов, два в перстнях, два в серьгах и один без оправы. Показал. А камни-то все отменные, воды чистейшей, голубой! Князю впору!

Акулина слушала, затаив дыхание, с восторгом предвкушая развитие интриги.

Севостьян налил себе третью чашку.

– Военный, значит, посмотрел, потрогал пальчиком, губу скривил – это на отборные-то пятикаратники! И веско так, значительно, заявляет: нужен бриллиант самолучший, для подарка! За ценой, стало быть, не постою! Ну, думаю, ежели так... Полез в сейф. А там у меня редчайший, фиалковый, в розу ограненный, – тут он поднял палец для значительности, – в пятнадцать карат адамант!

Акулина охнула и закрыла рот ладонью.

– В платиновой оправе, которая сама по себе три тысячи стоит! – продолжал Севостьян, – Кулон, значит. Для покойной (тут он перекрестился) княгини Долгорукой ещё до войны спецзаказ. Князь тогда аванс заплатил, а тут война, княгиня померла от горячки, и не выкупил он, стало быть, кулон-то. Достал я его, показываю военному. У того аж глаза замерцали, аки угли, и усы задергались! Беру, говорит! Под цвет глаз аккурат, дескать, подходит!

Акулина снова охнула.

– Не охай ты, с мысли сбиваешь! – строго попенял ей Севостьян, – Да, так значит, я ему цену объявляю: пятьдесят пять тыщ! Ну, конечное дело, торговаться приготовился. Тыщ на восемь опустил бы, коли стал бы офицер бороться. Только не стал он торговаться! Жди, говорит, твоё степенство, после обеда деньги принесу, а пока никому не продавай и не показывай даже! Вот и аванс, десять тысяч – и пачку ассигнаций на прилавок: шлёп!

Акулина только пискнула, но супруг не обратил на это внимания.

– И принес! Сполна денежки принес после обеда! – он радостно захохотал, – Раз в десять лет такая коммерция бывает! Закрыл я магазин и контору, Парамошке три рубли дал: гуляй, говорю!

– Да кто ж это был-то, Севостьян Кондратьевич? – тихонько спросила ошарашенная Акулина, – Такой подарок королевне заморской впору!

– А кто ж его знает! Не назвался, значит, – купец промокнул бороду салфеткой, – Только, сдается мне, что не простой это был офицер.

Но Акулина уже не слушала благоверного. От деверя свекрови, состоящего в свойстве с кумой шурина двоюродного брата булочницы Прасковьи, служившего в ресторации помощником соус-повара, она слыхала, что обедал у них наемный богатый усатый иностранец не то из Гишпании, не то из Персии! Точно, он это кулон купил, более некому! Баба уже предвкушала, как разинет рот кума, услышав сию новость. Стул под седалищем, казалось, раскалился, ноги зудели немедленно отправиться в путь. Акулина заёрзала от нетерпения. Ой! Скорей бы Севостьянушка чай пить заканчивал!

К вечеру уже вся Москва шушукалась о проданном синем адаманте величиною в кулак, нет, в два кулака! А купил, якобы, за целую телегу золота, заморский инкогнито (по русски – прынци) для полюбовницы своей, шамаханской царицы...

Поручик Орлов держал на ладони драгоценный камень, любясь искрами и радугами, вспыхивающими на гранях. Камень был густого сине-фиалкового цвета, в точности, как глаза богини. При одной мысли о том, как она улыбнется и простит его, в животе разлился восторженный холодок, как перед атакой французов на его батарею. Под огромные проценты Леонард заложил имение в банке за семьдесят тысяч, но не жалел об этом. Как-нибудь выкрутится, перезаймет у друзей, да и дядя поможет, ежели что.

Спрятав покупку в потайное отделение шкапа, решил проветриться – съездить в офицерское собрание. Давно не общался с товарищами!

Войдя в залу, он увидел Михайлова с Петровским, пивших вино в компании с каким-то господином в иноземном мундире.

– О, Лёня! Иди к нам! – позвал Петровский, подкрепляя приглашение взмахом руки.

Леонард приблизился.

– Знакомьтесь: поручик Орлов – Дон Педро ди Трастеверра, неаполитанский военный атташе.

Поручик щелкнул каблуками и пожал протянутую руку. Дон Педро был ненамного старше его самого. На бледном лице топорщились усы фасона «король Фердинанд». Он был уже изрядно пьян, язык заплетался. Говорили об отречении Буонапарта, о перекройке границ Европы. Орлов, как недавно вернувшийся с театра военных действий, рассказал про Францию, осаду Парижа, вручение наград государем-императором. Через полчаса дон Педро потребовал хересу. Херес принесли, но неаполитанец, попробовав, сморщился и заявил, что сей Кипрский херес слишком сладок. Возник небольшой переполох, но другой марки не нашлось.

Но дону Педро было уже все равно, он сломался и задремал.

– Богатейший человек! – кивнул на него Петровский, – Говорят, сегодня все бриллианты скупил на Москве! Целых пятнадцать фунтов!

– Да ну? – хором удивились Леонард с Александром.

– Говорят! – пожал плечами капитан и налил себе хересу, – Х-м! А на мой вкус – превосходное вино! И вовсе не сладкое!

– Да на что ему такая прорва бриллиантов?

– Ну, ясное дело: для подарка! У него тут зазноба, персидская княжна.

– Да ты што-о! А что же мы не знали? Где она остановилась-то? Давно приехала? – засыпали капитана вопросами поручики.

– Сие неведомо, – развел руками нетрезвый Петровский, – Княжна здесь инкогнито и на людях не бывает.

– Интересно бы с нею познакомиться! – задумчиво протянул Михайлов, подкручивая левый ус, – Красивая, наверное!

– А Ненила как же? – ехидно прищурился Орлов.

– Ну, Ненила, ну и что? – Михайлов залихватски осушил бокал, – Ненила... она, понимаешь, дома... А тут, может, персидская княжна! Сроду персидских княжнов... княжен не видал... Представьте, г-господа: на ней – пятнадцать фунтов бриллиантов сверкают!

– Наверняка субтильная! – снова подколот его Леонард.

Ответить Александр не успел.

Двери распахнулись, и, легко преодолев сопротивление лакеев, в залу вошла, нет, всплыла боевым фрегатом красавица-богатырка ростом с правофлангового гренадера и весом пудов на семь. В красном высоком кокошнике, узорно расшитом золотой и серебряной канителью, с жемчужинками по гребню. Красный же атласный сарафан выглядывал из под шикарного

лисьего салоп. На ногах были сапожки красного сафьяну. Белое нежное лицо, но на ланитах – яркий природный румянец. Густые насурмленные брови. При виде её в офицерском собрании воцарилась мертвая тишина, так все обалдели. Кто-то пролил вино, кто-то поперхнулся сигарным дымом, кто-то споткнулся о собственную саблю. Красавица, приблизившись к столику друзей, наклонилась и молча поцеловала Михайлова взасос таким долгим поцелуем, что поручик посинел от недостатка кислорода. Затем проворковала глубоким контральто:

– Премного благодарны за подарок, Александр Борисыч! А пойдемте уже домой, время то позднее!

При этом она так кокетливо изогнула свой мощный, но стройный стан, что ни у кого из присутствующих не осталось сомнений, что она сделает с поручиком, оказавшись с ним наедине.

Михайлов встал, и оказался самую чуточку пониже Ненилы (это была она, кто же ещё!).

– Прошу прощения, господа, вынужден Вас покинуть! – наклонил он голову, и смятенно добавил по французски:

– Она нашла кокошник и сарафан! Хотел подарить вечером... Ой, что будет! Зацелует до смерти! Изомнет, как цвет!

И, влекомый за руку, покинул залу.

Проснувшийся дон Педро развязно крикнул вслед по итальянски:

– Буона фортуна! – и заснул снова.

Капитан Петровский потряс головой, приходя в себя.

– Вот это, слушай, да-а! Куда там персидской княжне! Как думаешь, Лёня?

Леонард только промычал нечто нечленораздельное, ибо язык прилип к гортани от потрясения.

И наступил долгожданный понедельник. Мучимый любовным томлением, Леонард начал собираться в гости за два часа. Отпаренный и отглаженный мундир сидел на нем, как влитой. Усы, завитые и закрепленные воском, смотрелись багинетами. Сапоги иступленно сияли, как будто в них был собственный источник света. Смазанные специальной помадой волосы – тоже. Над пробором Данила колдовал минут сорок, укладывая волосок к волоску. А из носу волосы были, наоборот, безжалостно повыдерганы пинцетом! Сам нос, покрасневший после сей экзекуции, пришлось припудрить. Посмотревшись напоследок в зеркало, и оставшись довольным своей внешностью, поручик взял букет хризантем, потрогал коробочку с подарком в потайном кармане, перекрестился на икону Богородицы Всех Скорбящих Радость, и вышел на улицу, где поджидал его уже Емельян.

– На Тверскую! – скомандовал Леонард.

По дороге кобыла остановилась оправиться. Когда прибыли на место, седок сделал заявление, от которого Емелю бросило в дрожь:

– Ты, любезный, ближе к вечеру кобыле клизму поставь, дабы подобного конфуза перед дамою не приключилось!

– Дак, Ваше благородие... – попытался трепыхнуться извозчик, но Орлов, сверкнув очами, гаркнул:

– Не рассуждать!

Когда он покинул экипаж, Емельян заскрежетал зубами от возмущения. «Эксплуататор! Самодур! Угнетатель!» – кипел его разум возмущенный, – «Клизму кобыле – это не издевательство ли? Мало того, что с мылом её мою, ещё и клизму, за те же деньги! Да самому тебе клизму трехведерную!»

Но деваться было некуда, и он, вздыхая, поехал в аптеку покупать каучуковое чудо медицины.

Ванда Леопольдовна была холодна, как мрамор, и красива красотой снежной королевы: вся в серебре, как в иное. Вошедшему поручику она лишь слегка кивнула, руку для поцелуя не протянула, не улыбнулась. Букет чудных голубых хризантем велела принять горничной. Сердце влюбленного болезненно сжалось, ибо такого мороза он не ожидал. Полковник, наоборот, был сама любезность. Усадив Леонарда за стол, он завел разговор на служебные темы, скучные и неинтересные. Поручик вынужденно поддакивал, вставлял ремарки и междометия. Ванда с отрешенным видом молча пила чай.

Время шло, барон все говорил.

– Представляете, ономнясь некий неаполитанский дворянин, военный атташе, скупил все бриллианты на Москве! Целый пуд! Денег несколько возов заплатил! Для своей пассии, армянской княжны! Она, правда, на людях не бывает, живет затворницей.

– Пьер! От кого Вы сии глупости слыхали? – засмеялась Ванда.

Барон смутился:

– От... денщика. Я его с поручением в полк посылал.

– Врет Ваш денщик, как сивый мерин! – твердо заявила красавица, и Петр Иоганнович примолк, не рискуя спорить.

Леонард был в отчаянии: приличия требовали уже заканчивать чаепитие и откланиваться, а он так и не объяснился с любимой... и не вручил подарок! Что придумать, какой отвлекающий маневр?

На выручку пришла сама Ванда. Она чувствовала, что месье Орлов находится в последнем градусе нетерпения и вот-вот уйдет, так и не прояснив ситуацию. А это может привести к непредсказуемым последствиям! Стреляться ещё вздумает, или, того хуже, другую бабу заведет. И тогда все недоподаренные подарки достанутся не Ванде! А баронесса уже вычислила подарок: на левой стороне груди поручика, под мундиром, виднелись очертания маленькой коробочки. Сделав неловкое движение, она опрокинула чашку с чаем мужу на... г-м... интересное место. Ошпаренный полковник заорал и вскочил, суча от боли ногами. Горничная с салфеткой кинулась на помощь.

– О, Пьер! Я такая неловкая! – мелодичным голоском прожурчала Ванда, – Надеюсь, Вам не очень больно?

Муж только махнул рукой и удалился менять панталоны. Чай, к счастью, уже подостыл, и настоящего ожога причинному месту не причинил.

Леонард дрожащею рукою расстегнул пуговицу и достал заветную коробочку из кармана.

– Ванда Леопольдовна! Позвольте преподнести Вам сей скромный сувенир, знак моей к Вам любви! – произнес он непослушными прыгающими губами.

На миг вся жизнь повисла на волоске. Вдруг не возьмет? Тогда остается только пуля в висок!

Медленно протянув прекрасную обнаженную руку, Ванда приняла дар. Открыла. Ух, ты! Такого она не ожидала! Сине-фиалковый бриллиант заискрился, замерцал, рассыпался сотней радуг в колеблющемся свете люстры. Ничего красивее и шикарнее она до сих пор не видала даже на придворных балах, даже на самой государыне-императрице! Затеяливая платиновая оправа в виде мифической птицы придавала камню ещё больше очарования. Витая, платиновая же цепочка... Кулон, значит! Что ж, очень хорошо... Замечательно будет смотреться в ложбинке между грудей! Но, сколько же он стоит?

«Очень дорого!» – поняла красавица.

– Помогите же мне, Леонард Федорович! – обольстительно-лукаво улыбнулась Ванда, – Застегните замочек, должна же я посмотреться в зеркало!

Поручик был прощен. Поняв это, он, путаясь неуклюжими пальцами, замкнул цепочку на стройной длинной шейке. Восторг переполнял душу!

Ванда подошла к зеркалу, полюбовалась собой, ненаглядной. Изумительно! Какой мощный акцент на бюст!

– Я подобрал сей адамант под цвет Ваших божественных глаз, – счел нужным пояснить очевидное Леонард.

Богиня повернулась, вся лучась счастьем.

– По Вашему, мне идет?

«Идет! Бежит в припрыжку!» – подумал Леонард и, наклонившись, нахально поцеловал возвращенную любимую в декольтэ, рядом с драгоценностью.

Любимая не возражала: за большие-то деньги пусть целует, куда хочет!

Тут вернулся переодевшийся в сухое Петр Иоганнович, радостно сообщивший, что избежал ожога. Ванда с видом раскаявшейся грешницы чмокнула мужа в лысину, отчего тот совсем расцвел. Поручик ощутил муки ревности, но виду не подал. Во, какая сила воли! Чтобы даже по блеску очей полковник не догадался о шторме в душе, поспешно откланялся. Уходя, украдкой показал баронессе оттопыренный вверх средний палец – их тайный знак, обозначающий свидание в полночь. Опустив густые ресницы, та дала понять, что придет.

Ночное свидание прошло как нельзя лучше! Оборудование, давшее осечку из-за брома, работало бесперебойно, мощно и неумоимо. Оба остались довольны друг-другом. Грустил только извозчик Емельян, по неопытности не успевший уклониться после извлечения клизмы из кобылы, и угодивший под извержение навоза. Но горюнился он только до момента расплаты: военный барин дал не один золотой, как обычно, а два!

«Благодетель! Милостивец! Кормилец!» – восторженно думал он, едучи домой и трогая языком червонцы за щекой, – «Да за два-то десятка целковых я... что хошь!»

Приехав домой, велел жене поставить себе клизму. На всякий случай, чтобы загодя привыкать – вдруг барин потребует!

Глава шестая

Дни снова потекли безмятежной чередой. Свидания с Вандой восстановили регулярность, которая облегчалась периодическими запоями Петра Иоганновича. Прекрасно иметь любовницей самую красивую женщину в мире! Но и дорого, да! Ванда Леопольдовна уже через десять дней после примирения потребовала восемь тысяч на два вечерних платья, в которых собиралась блистать на балу «Встреча Зимы» у генерала-губернатора. Деньги таяли, и восполнить запас финансов до должного уровня не было никакой возможности.

В первых числах ноября вернулся из Карлсбада дядя. Нагрянул без предупреждения, как кое-что на голову. Леонард его появлению обрадовался: во-первых, он дядю любил и крепко по нему соскучился, во-вторых – надеялся выпросить денег за сверх установленного пособия. А может, то, что во-вторых, было во-первых!

Посидев с племянником за самоваром, Всеволод Никитич прямо, без экивоков, спросил:

– А что, Лёня, долгов-то, много наделал?

– Ну... есть долги, как не быть! – Леонард закурил, собираясь с духом, – Семьдесят тыщ. Пришлось имение заложить.

Дядя слегка оторопел от такой суммы.

– Играешь, что ли? – сурово насупил он седые брови.

– Нет... – племянник отвел взгляд, ибо было где-то как-то стыдно.

– Значит, бабы! – хлопнул ладонью по столу старик.

Леонард покивал, не поднимая глаз.

Орлов старший надолго замолчал, барабанил сухими пальцами по подлокотнику кресла.

– Вот, что, Лёня, – вымолвил он твердо и как-то неласково, – Сорок тысяч я тебе, так и быть, дам. Ну, пособие твое, доход от имения, тоже при тебе останется. Но больше – не взыщи! Не смогу.

Он наклонился ближе:

– У меня большие перемены в личной жизни, племян! Женюсь законным браком!

Сказать, что наш поручик удивился, значит ничего не сказать! Всеволод Никитич за свои шестьдесят пять прожитых лет никогда не был женат. Мало того, он всю жизнь сторонился женщин (не подумай превратно, Читатель: мужчин – тоже!). Ходил слух, что, якобы, в юности постигла его неудача в стогу с дворовой девкой; она над барчуком посмеялась – и развился у парня стойкий комплекс неполноценности! С тех пор он повторных попыток не предпринимал, да! А тут вдруг – жениться задумал, надо же! Стало быть, получилось у старика в Карлсбаде! И понравилось! Не иначе, лечение водами помогло...

– П-поздравляю, – растерянно выдавил из себя Орлов младший, – А позвольте узнать, кто... э-э... ваша счастливая избранница?

Дядюшка надул щеки для значительности:

– Вдова надворного советника Майера, Матильда Людвиговна, из Риги.

«Во, ещё и немка!» – уныло сообразил Леонард, а вслух спросил:

– Лютеранка?

– Да, но согласна принять православие.

«Ещё бы! Без этого не повенчают!»

Помолчали.

– А когда свадьба? – догадался поинтересоваться поручик.

– Хотим до рождественского поста успеть! – скромно поведал Всеволод Никитич.

До начала упомянутого поста оставалось три недели.

«Что за спешка? Прямо не терпится ему! Седина в бороде, а бес в ребро?»

Отвечая на невысказанный вслух, но ясно читаемый во взоре племянника вопрос, Орлов старший застенчиво пояснил:

– Мотенька в тягостях. Два месяца уже.

Сие заявление поразило Леонарда, как громом, как обухом по голове, как залпом шрапнели из бронзового жерла каронады! До него, наконец, дошел весь ужас обрушившейся на него катастрофы! Ежели ранее он был единственным наследником (а на дядино наследство наш герой, что греха таить, рассчитывал!), то теперь в завещание лихим кавалерийским наскоком врывается законная жена и будущий наследник! Или – наследница, неважно. Ясно, что доля племянника будет очень мала, ежели не вовсе символическая. И через суд не оттягаешь! Подобные тяжбы о наследстве по двадцать лет тянутся... И родственной помощи теперь ждать не приходится. Сорок тысяч, конечно, хорошо, но до конца месяца надо пятнадцать отдать, в уплату по процентам. А потом ещё, и ещё!

После ужина Всеволод Никитич уехал, обещав познакомить племянника со своею невестою на днях. И действительно, познакомил в ближайшее воскресенье, пригласив на обед в ресторации «Европейская» после свершения таинства святого крещения. Крестили фрау Майер Матрёной.

«Вот не было печали, так черти накачали мне сию... тётю Мотю!» – горевал Леонард, делая вид, что целует руку новоявленной тетушки. Она не понравилась поручику с первого взгляда: под тридцать, длинноногая, плоская, как доска, с узкими, недобро поджатыми губами, с белыми поросычыми ресницами – чем только она дядю завлекла? Но виду, конечно не подал – зачем приличия нарушать? Кроме него, на обеде присутствовали несколько дядиных друзей – соседи-помещики и однополчане (Орлов старший был майором от артиллерии в отставке). За все время Матильда-Матрена открывала рот только дважды: первый раз, чтобы ответить, как ей нравится первопрестольная:

– О да! Москва-матушка мне очень-очень нравится сильно! Много красивых церквей, красивых дворцов, добрых магазинов – как совсем в Риге! Но мало порядка очень совсем, русские мужики валяются по самой середине белого дня на улицах совсем-совсем пьяные, пфуй!

И второй раз – чтобы подробно объяснить присутствующим, как она поведет хозяйство в имении после замужества:

– Я буду делать в имении самый новый правильный порядок! Никто не пьяный, никто не бездельник. Смутьяны будут пороться кнутами об спину. Под бой барабанный все крепостные мужики будут идти на барщину нога в ногу, распевая веселую самую песню.

Говорила она по русски с заметным немецким акцентом, и голос у неё был бесцветный, под стать внешности.

От огорчения и уныния, а также жалости к самому себе Леонард крепко напился. То есть, стоял на ногах с трудом – покачивало. Новообетенная тетушка косилась неодобрительно, но племяннику в кавычках было на её мнение наплевать. Приехавши домой, разделся с помощью верного Данилы и рухнул в постель. Уснул тяжелым пьяным сном.

Домовой под печкой досадливо поморщился: опять всю ночь перегаром дышать! У него аж глаза заслезились. Осторожно подкрался к окну, приоткрыл форточку. За окном падали реденькие снежинки, подмораживало. На другой стороне улицы, рядом с фонарем стояла до сих пор не облетевшая тоненькая березка. «Стесняется, наверное, раздеться-то! Молодая ещё!» – подумал про неё домовый Зиновий.

Ты угадал, Читатель! Нашему герою снова было необыкновенное сновидение.

Он шел через уже знакомый тропический лес, отводя руками ветви, лианы и какие-то гибкие лозы, ступая босыми ногами по мягкому перегною. Огромные радужные бабочки,

потревоженные движением человека, взлетали и беспорядочно кружились над головой, чтобы малое время спустя снова опуститься на яркие цветы. Одна села на протянутую руку, и Леонард улыбнулся. Бабочка выпустила хоботок, пытаясь выпить капельку пота, но вкус сей влаги ей не понравился. Возмущенно затрепетав крыльями, она сорвалась на поиски чего-нибудь поприятнее.

Среди деревьев показался просвет, стало видно лазурную гладь моря-океана. Выйдя на полукруглый пляж, окаймленный высокими кокосовыми пальмами, Леонард присел в тени, облокотившись спиной на ствол одной из них. В двадцати саженях от него волны ритмично накатывали на песок, влача за собой пучки водорослей, пальмовые листья, а иногда – рыбку или морскую звезду. Натура пребывала в гармонии стихий, сиречь, погода была прекрасная. И ни души вокруг. «Эх, зачем я не живописец!» – отрешенно пожалел Леонард, – «Такая красота!»

Вдруг до него донесся странный звук, более всего похожий на медленный барабанный бой. Звук этот сопровождался песнею на незнакомом языке, ритмичной и несколько заунывной. Через минуту из-за мыса появились четыре огромные лодки, длиной в дюжину саженей каждая. Богатая резьба украшала борта, и на носу сих плавсредств виднелись раскрашенные деревянные идолы. Лодки были попарно соединены настилом, а на настилах виднелись шалашы. Невысокие мачты со свернутыми парусами из циновки дополняли картину. Множество полуголых, смуглых людей уже знакомого облика слаженно гребли длинными узкими веслами. С разгону лодки вынеслись на берег. Соскочившие в неглубокую прозрачную воду мужики, распевая нечто вроде: «Эх, дубинушка, ухнем!» вытащили их на песок на всю длину. Высокий мужчина в плаще из перьев и странном шипастом шлеме гордой поступью вышел на середину пляжа, сопровождаемый лишь гибкой и стройной девушкой в травяной юбочке. На гладко выбритом лице у него было торжественное выражение.

«Вождь, наверное!» – догадался Леонард и невольно засмотрелся на девушку. Несмотря на коричневую кожу, вид у неё был вполне европейский, как, впрочем, и у мужчины. Легкий ветерок шевелил стебли травяной юбочки и кокетливые шнурочки, свисавшие с чашек лифа, едва прикрывавшего очень хорошо развитую грудь. Вождь в шлеме тем временем воздел руки к небу и начал вещать ритмическою прозой:

– О духи предков! Вам я благодарен, что вы сподобили народ мой достичь сей берег островов далеких! Здесь отныне мы будем жить в согласьи и довольстве, не зная тягот, бед и утеснений! И в жертву принесем мы вам немало свиней, плодов отборных, яйценосных кур, а также деву, собой прекрасную, как океан рассветный!

Народ, выстроившийся у кромки прибоя, усердно внимал.

Леонард с изумлением осознал, что сей благородный муж говорит по русски! Мало того, с выраженным московским выговором! Странно...

Девушка, заламывая руки и рыдая, грациозно опустилась на колени. В руке вождя откуда ни возьмись появилась здоровенная резная палица. Не прерывая монолога, он занес её над склоненной головой жертвы.

– Грядущий пир для воинов моих сей славной жертвой освящен пребудет!

Ого! Неужели он её сейчас...? Додумать поручик не успел. Тело само рванулось вперед! В несколько прыжков он оказался рядом с вождем и толкнул его плечом. Тот выронил палицу и с воплем рухнул на песок...

– Стоп! – загремел откуда-то громовой жестяной голос, – Убрать постороннего из кадра!

Из леса выскочили голоногие люди в разноцветных рубахах с короткими рукавами, подбежали к Леонарду, загалдели, размахивая руками. Вождь встал, держась за ушибленный бок.

– Хулиганство какое! – крикнул он фальцетом, злобно сверкая глазами, – Куда помреж смотрит! Этот псих меня чуть не убил!

– Вячеслав Васильич, успокойтесь! – вопил, подпрыгивая от возбуждения, какой-то толстяк, – Сейчас все исправим, и ещё дубль снимем! А хулигана уберем!

– А Вам я официально заявляю, что вообще отказываюсь сниматься в таких условиях! У меня монолог на пятнадцать минут, это на такой-то жаре! Глотка пересохла, а пива не дают! – бушевал вождь в кавычках, трясущимися руками пытаюсь водрузить на голову шлем, – Я, батенька, в Берлине Штирлица играл, так там на съемочной площадке, несмотря на бомбежки, гестапо и руины, пиво все-таки было! А у Вас не допросишься!

– Ну, товарищ Тихонов! Ведь я же объяснял: катер сломался, завтра только в город поплывут! – плачущим голосом оправдывался толстяк, – Да и как бы Вы во время съёмки стали бы пиво пить? Пожалуйста, вернитесь на каноэ, солнце же уйдет, через полчаса камеру придется переносить на новую точку!

– Но я же весь в песке! – брюзгливо возразил ушибленный понарошечный вождь, пытаюсь стереть песчинки, густо налипшие на лицо, – И дайте, в конце концов, пива, или я прямо сейчас от жажды сдохну! Да внесите изменение в сценарий, типа, мне подносят ритуальную чашу и я пью её... ну, не знаю... За приезд, во!

Вместе с песком стирался и загар, обнажая бледную кожу!

«Актер, стало быть! Но, где же сцена? И зрителей не видно...» – разинул рот виновник сего переполоха.

– Юля! Юля! Грим поправь Вячеславу Васильичу, срочно! – страстно воззвал толстяк, со вздохом протягивая актеру зеленую бутылку.

Совершенно голая (у Леонарда аж уши запылали от стыда!) загорелая дама, прикрытая лишь двумя символическими полосками ткани шириной в ладонь на бедрах и на груди, подбежала рысью и стала чем-то мазать лицо лицедея.

Все отвлеклись на них и про Леонарда забыли. Все, кроме симпатичной жертвы. Она, накинув нечто вроде плаща, взяла поручика за руку и потихоньку отвела в тень.

– Тебя как зовут, спаситель? – улыбнулась девушка ровными белыми зубами.

Спаситель попытался по привычке щелкнуть каблуками, но не получилось из-за песка, да и был он бос.

– Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича, Тверского Инженерного Полка поручик Орлов Леонард Федорович! – отчеканил он, почему-то, свой полный титул.

Девушка несколько не удивилась.

– А я – Лена. Курить будешь?

Орлов кивнул, и она достала откуда-то две пахитосы без мундштуков, но с ватными цилиндриками на кончиках. Закурили.

– Ты у кого снимаешься? – спросила Лена, по мужски выпустив дым через ноздри, – В каком фильме?

Вопрос Леонард абсолютно не понял, но решил схитрить, и ответил вопросом на вопрос:

– А ты? – и внутренне содрогнулся, ибо тыкать даме было совершенно ужасно.

– Я у Гурина, «Океанское Каноэ», историческая лента про первопоселенцев. Атувай в начале времен!

Атувай! Снова это странное слово! Он уже слышал его в прежних снах! Но все остальное пониманию не поддавалось.

– А ты, наверное, из «Мятежа под пальмами»? Белогвардейского офицера играешь? – ошарашила поручика новым вопросом бывшая жертва.

Тот растерянно промолчал, не зная что отвечать. Оглянувшись через плечо на по-прежнему вопящую кучку людей, Лена придвинулась ближе, и погладила Леонарда по щеке.

– Приходи сегодня вечером в лагерь! Споём под гитару, потанцуем у костра...

Он автоматически чмокнул руку. Рука отдернулась:

– Что уж Вы так-то, барин! Незачем Вам мне руки целовать!

Над ним стоял Данила, а в небе, и уже довольно высоко, стояло солнце!

Резкий переход от сна к бодрствованию был неприятен, тем более, что Леонард уже собрался принять приглашение Лены. Обозвал Данилу всякими словами, в том числе, почему-то, «антисоветчиком». Что значило сие слово и откуда взялось, он не ведал. Денщик на «анти-советчика» обиделся.

Придя в себя и похмелившись, поручик тщательно, стараясь нечего не упустить, записал сон и перечитал предыдущие записи. Становилось все более интересно. Несомненно, фантазия создала совершенно иной, странный мир, живущий по собственным законам, действующий согласно непознанной логике. Жаль только, что вызвать сей сон нарочно не представлялось возможным. Большею частью Леонарду если и снились сны, то обычные, бессвязные и не запоминающиеся. А часто и вовсе ничего не снилось.

Снова потянулась череда дней, заполненных службой, свиданиями с Вандой Леопольдовной и изысканием средств, чтобы соответствовать достойному образу жизни.

С наступлением холодов конные прогулки баронессы прекратились, и Леонард не без сожаления продал коня. Пытался он поправить финансовые дела игрой, но не преуспел. Кому в любви везет – не везет в карты! Под Рождество, чтобы внести очередной взнос за проценты по закладной, впервые пришлось занять у капитана Петровского пять тысяч. Дал, конечно, но посмотрел странно, как на больного. Доходов с имения, присылаемых дядей ежемесячно, хватало, в лучшем случае, на две недели, ибо он по прежнему покупал любимой женщине дорогие подарки. Долги росли, как снежный ком...

В конце января Леонард прибыл на свидание с мадам фон Брауде имея в кармане перстень с изумрудом – последнее, что нашлось в шкатулке с маменькиными драгоценностями. Не сравнить, конечно, с приснопамятным кулоном, но все же... Ванда Леопольдовна подарком осталась довольна.

Привезя её ночью к себе на верном извозчике Емельяне, снял шубку, сапожки, умудрившись при этом игриво погладить круглую коленку. Дама сердца была в хорошем настроении, и не возражала против вольностей. Наоборот, наклонилась и поцеловала в губы, дразня остреньким языком.

Пили кофий, ели халву с фисташками и засахаренный миндаль. Леонарду миндаль не понравился: крошки застревают в зубах. К тому же этот, почему-то, горчил. Гостя же хрупала сей деликатес от души. От морозца и нескольких выпитых рюмок ликера Ванда стала ещё прекраснее, и поручик начал намекать, что пора, дескать, уже переместиться в спальню.

– Подождите, Леонард Федорович! – увернулась от его объятий красавица, – Знаете что? Мне ужасно захотелось коньяку!

Коньяк был принесен и выпит на брудершафт.

– Теперь мы на «ты»! – засмеялась баронесса несколько более громким, чем обычно, смехом.

И закусила ещё пригоршней миндаля.

В спальне, раздев её до рубашки, а сам оставшись в одном презерватифе, Леонард начал приставать с глупостями. Надо сказать, что все их соития до сих пор происходили в так называемой «миссионерской» позе, сиречь, женщина лежит на спине, а мужчина сверху. Ванда категорически не признавала никаких других позиций, ссылаясь на католическую церковь, официально запретившую всё богатое разнообразие секса. А Леонарду хотелось вариантов, да!

Но и сегодня партнерша была тверда в своих убеждениях, как камень. Даже несмотря на выпитый коньяк!

– Замечательный изумруд! – вдруг мурлыкнула она между поцелуями, любуясь затейливым перстнем, – Ты подаришь мне к нему серьги, милый?

Поручик не успел ответить. Перстень, который был немного великоват, вдруг соскользнул с пальца и закатился под ночной столик. Ванда соскочила с постели, и, встав на колени, стала его там искать. Её круглая попка, обтянутая шелковой голубой рубашкой, свела любовника с ума! Резким движением он задрал подол рубашки и ухватил любимую женщину за бёдра обеими руками, чтобы...

Ванда отчаянно вскрикнула и попыталась вырваться. Но было поздно! С ужасом, от которого потемнело в глазах, пылкий влюбленный увидел... хвост! Ну, скорее, хвостик. Небольшой, вершков шесть в длину. Бывает, Читатель, такое явление анатомии. По научному называется «атавизм». Хвостик, как продолжение копчика. И, ладно бы, ежели белый и пушистый! Нет, он был покрыт редкими жесткими щетинками, а на кончике, как бы, сломан, вроде бульдожьего. Да ещё и дергался от напряжения туда-сюда. Короче, выглядел преотвратно! Молнией сверкнула мысль: «Ведьма!»

– Чур меня! – хрипло каркнул внезапно пересохшим горлом Орлов и отшатнулся, борясь с позывами рвоты.

Ноги подкосились, и он неловко сел на пол. Баронесса, змеёй вывернувшись из-под стола, распрямилась как пружина. Её глаза были широко распахнуты, в них плескалось отчаяние. До сих пор о её тайне знала только покойная мать. Нечего было и думать, что, увидев сие уродство, поручик будет молчать. Не сейчас, так позже обязательно проговорится... И прощай тогда светская жизнь, поклонники, мечты блистать при дворе! Муж тоже бросит, конечно. В монастырь – и то не возьмут... Осознав эту несложную теорему, Ванда, сжав кулаки, шагнула к бывшему любовнику, а глаза её полыхнули такой запредельной яростью и злобой, что Леонард закрылся рукой и забился в угол.

«Говорила гадалка про любовников: восьмой – роковой, да не поверила, дура! Что же теперь делать-то? Убить его? Заманил, дескать, насильничать пытался... Оправдает суд! А может и не оправдать: денщик молчать не станет, да и извозчик тоже. Покажут на суде, что я сюда много раз приезжала... Ясно, что не песни петь! И – каторга... Да и убить-то, чем?» – все сии мысли вихрем пронесли в мозгу.

К горлу внезапно подступила тошнота, заболела голова. Красавица открыла рот, пытаясь что-то сказать, но вдруг лицо её побледнело и стало синюшным, струйка слюны потекла из уголка рта. По стройному телу прошла судорога. Упав поперек постели, она прерывисто задышала, как будто не хватало воздуха. Неистово, часто-часто билась синяя жилка на горле. Потом началась рвота, прерываемая жуткими стонами. Леонард ничего не понимал, трясся от ужаса в своем углу. Происходило нечто кошмарное! Руки Ванды бестолково шарили по простыне ещё несколько минут. Затем она хрипло выдохнула и замерла.

Домовой Зиновий видел, как прилетел хмурый и заспанный Ангел Смерти и забрал душу красавицы.

В наступившей тишине Леонард слышал только биение собственного сердца. Ему было жутко, он боялся взглянуть на кровать, на Ванду. Собравшись с духом, встал на подгибающихся ногах. Перекрестившись, заставил себя взглянуть. Остановившийся взгляд мертвых тускнеющих глаз вперился в его зрачки, и поручик, получивший из рук государя Георгиевский крест за храбрость, не выдержал и закричал.

Прибежал Данила. Увидев, что произошло, тоже содрогнулся. Но собрал волю в кулак, и помог барину одеться. Дотронуться до мертвой не решился, только накрыл простыней. Почти насильно выволок Леонарда из спальни, заставил выпить воды.

– Что делать прикажете, Ваше благородие? – спросил он, когда хозяин немного успокоился и прекратил лязгать зубами, – В околоток надо бы сообщить...

– Да, да... – автоматически согласился Леонард.

Накинув шинель, он в сопровождении денщика дошел до околотка и сделал заявление о скоропостижной смерти баронессы фон Брауде, Ванды Леопольдовны.

Придя со следственной командой на место происшествия, пристав, оценив всю недвусмысленность ситуации, подверг поручика подробному допросу. Леонарду было все равно, любовь его испарилась, аки воск от лица огня, от предсмертного взгляда Ванды. Равнодушно глядя в пол, он признался, что сожительствовавал с мадам фон Брауде, дарил ей подарки. На вопрос, виновен ли он в её смерти, так же безучастно сказал: нет. Пристав, осмотрев труп, следов насилия не нашел, но заподозрил отравление. В столовой обнаружил остатки пиршества, попробовал миндаль и сморщился. Подозрение с поручика решил пока не снимать, и поместил Леонарда под домашний арест. До выяснения обстоятельств смерти. Подумав, пристав изъясил на всякий случай пистолеты: молодой, горячий, ещё застрелится офицерик! Затем тело Ванды увезли в судебный морг.

Мрачная новость о смерти при крайне пикантных обстоятельствах первой на Москве красавицы облетела город со скоростью, с коей обычно распространяются слухи, сиречь, мгновенно.

– Ой, бабоньки-и! Энта краля, что на вороном-то по Тверской гарцевала, ведьма оказалась! Померла утресь под полюбовником, ан, глядь – хвост у ней!

– Да я сразу, как её впервой увидела, поняла, что она с нечистой силою хороводится!

– Да как?

– Как, как... Да, по очам ейным, наглым!

– Господа, господа! Послушайте, чего скажу! Мадам фон Брауде найдена мертвой в постели поручика Орлова!

– Ого! Силен поручик! Зае.. г-м, пардон... Заласкал, значит, до смерти!

– Но это ещё не всё! Она оказалась с хвостом! Мохнатым, господа!

– Ась? Мохнатка у баб – место препикантное, хе-хе!

– Вы не расслышали, князь! Возьмите свой слуховой рожок. Хвост, говорю, мохнатый!

– О! Сие экстраординарно, не так ли, господа офицеры? У меня ни разу бабы с хвостом не было!

– Гадость какая! А Орлов-то, стало быть, извращенец!

– Г-м, а глядя на него, никогда не подумаешь...

– Удавил он её, точно Вам говорю: удавил!

– Но, за что, Биби? Ведь у них был такой... гранд амур! Весь город знал!

– Увлёкся, наверное, во время амурных ласк. Я своему Коко, ну, тому, чернявому, когда приезжает, всегда говорю: на шею – не дави! А он все равно помучить норовит. Правда, всегда платит втрое.

– А хвост?

– Ой, ежели б у меня был хвост, я бы только радовалась! Клиенты бы валом валили!

– Да нет, отравилась она! Поручик-голубчик её бросить хотел!

– Ага, а яд в изумрудном перстне был спрятан!

– Ой, девки! Как в романах!

– Барышни! Обедать! Что вы все в одних рубашках до сих пор разгуливаете нечесанные!

В среду в кабинет Московского генерала-губернатора, князя Барятинского, секретарь проводил начальника Внутренней Стражи, полковника Иловайского.

– Располагайтесь, Михаил Витальевич! – пригласил хозяин после обмена рукопожатиями.

Присев к столу, полковник положил принесенную с собой папку и пригладил отсыревшие от снега усы.

Лакей принес чай. Какой может быть серьёзный разговор без самовара!

– Чай не пьешь – откуда силу берешь! – пошутил князь, позвякивая серебряной ложечкой в стакане.

Читатель! Внакладку в те времена чай пили только очень обеспеченные люди!

В стакане, кроме заварки и сахара, плескался тоненький ломтик лимона – новейшая московская мода. Сие был русский ответ англичанам, пившим чай со сливками или молоком.

Гость вилочкой поддел ломтик лимона с тарелки и опустил в свой стакан. Надобно привыкать, раз начальство одобряет!

– Чай не пьешь – откуда сила? Чай попил – опять ослаб! – пошутил он в ответ, и Барятинский рассмеялся.

Некоторое время оба старательно притворялись, что просто так чай пьют, и других дел нет. Этого требовал этикет, ибо встреча была неофициальная. Помнишь, Читатель, русские народные сказки? Сначала гостя положено накормить, напоить, в бане попарить, а потом уж и спрашивать! Затем генерал-губернатор небрежно спросил:

– Что новенького на Москве слышно, Михаил Витальевич?

На самом деле он умирал от любопытства. Скандальное дело о смерти прекрасной баронессы фон Брауде было в ведении судебных, кои официально ему не подчинялись. Прямо у них спросить не позволяла гордость. Но начальник Внутренней Стражи, получив приглашение посетить главного начальника Москвы для приватной беседы, конечно же, прекрасно понял, что интересуется князя.

– Да вот, Аркадий Апполинарьевич, хотя бы насчет баронессы фон Брауде. Во вторник утром поручик Орлов заявил о ее скоропостижной смерти в его постели. Из его показаний следует, что они состояли в любовной связи несколько месяцев, и причин убивать Ванду Леопольдовну у него не было. Тело было взято в морг для судебно-медицинского розыска, сиречь, вскрытия. На оном вскрытии было исследовано содержимое желудка. Признано отравление горьким миндалём, ву компренэ? Синильная кислота, содержащаяся в сих орешках, развелась в алкоголе, ну, коньяке, и из-за этого всосалась в кровь чрезвычайно быстро, что и привело к трагическому исходу. Анатом подчеркнул, что миндаля баронесса скушала много, г-м. Несчастный случай! – полковник развел руками.

– Ай-яй-яй! Такая молодая, здоровая, цветущая дама! – сокрушенно покачал головой князь, – Красавица писаная!

– Красавица-то красавица, но анатом отметил уродство: хвост! Оный хвост оказался длиною в шесть с четвертью вершков и покрыт жесткой щетиною. Муж, полковник фон Брауде, на допросе показал, что о сем, равно, как и о супружеской измене, ему было неизвестно.

– Да-а, муж всегда последним узнает... – пробормотал потрясенный Аркадий Апполинарьевич, – Хвост! Господи, спаси нас и помилуй! А что поручик... как его... Орлов?

– Не виноват, стало быть. Сейчас под домашним арестом, завтра освободим.

Князь встал и прошелся по кабинету.

– Сидите, сидите, – остановил он попытавшегося встать полковника, – Вы, вот что, Михаил Витальевич... Не могли бы с этим... Орловым поговорить... лично? Пусть напишет рапорт об отставке, да и уезжает из города побыстрее. Нет человека – нет и проблемы. Так всё быстрее успокоится, а? И фон Брауде тоже: в отставку – и прочь из города. А то ещё дуэль устроят! Скандал, сами понимаете, и так грандиозный, ни к чему его... э-э... усугублять. Ладно бы, просто адюльтер и отравление – бывало и будет такое, но хвост! В народе брожение: ведьма, говорят. Не было бы бунта! Сами посудите: побить могут и мужа, в смысле вдовца, и любовника, раз... э-э... с нечистой силой знали! Народ-то у нас темный, поди-ка, объясни, что сие – просто уродство, и никакого волшебства! Дело до Святейшего Синода дой-

дет, не сомневаюсь. И до Государя! Спросят нас: какие меры приняты? А мы и отрапортуем, что народному гневу не на кого излиться!

– Так точно, Аркадий Апполинарьевич! Поговорю с обоими! – заверил полковник и отхлебнул чаю, ибо во рту пересохло.

Подслушивавшая под дверью княгиня Елена Валерьяновна отошла на цыпочках с чувством глубочайшего удовлетворения. Информационный голод был утолен сполна! Теперь есть, о чем рассказать подругам, при этом ссылаясь на самый достоверный источник! Она не любила покойную баронессу за красоту, дерзость и богатство, и считала её циничной развратницей и стяжательницей. Наверное, просто завидовала, ибо самой любовника завести никак не получалось!

Глава седьмая

В четверг после завтрака Орлов сидел в кабинете, подперев голову обеими руками, и, бессмысленно таращась в окно, думал, как жить дальше. Старая жизнь разбилась в мелкие дребезги. Умерла Большая Любовь, образовав в душе саднящую пустоту. Все остальное теперь казалось незначительным, мелким. Отсутствие денег... да перебьется он как-нибудь! Шепотки и ухмылки за спиной? Плевать! Со службы придется уйти, и доживать свой век в деревне... Хотя и деревни он, скорее всего, скоро лишится. За неуплату по закладной пойдет имение с молотка. Ну, и пес с ним! Почему-то, было жаль Петра Иоганновича, которому наверняка было ещё хуже. Леонард просто так дома сидит, хотя бы и под домашним арестом, а полковнику – хлопот полон рот: похороны, и вообще...

У дверей позвонили и вошел Данила.

– К Вам пришли, Ваше благородие! – подал он визитную карточку.

– Проти! – не глядя приказал поручик.

Вошел Иловайский. Орлов с ним лично знаком не был, но в лицо знал.

После взаимных приветствий, полковник начал:

– Визит мой, Леонард Федорович, совершенно неофициальный, но, тем не менее, имею сообщить, что арест с Вас решено снять. Мадам фон Брауде отравилась горьким миндалем. Несчастный случай.

Леонард кивнул: мол, понял, продолжайте. Полковник поерзал в кресле: щекотливое, все-таки дело!

– Не думаете ли Вы, что в сложившейся ситуации наилучшим выходом было бы уехать из Москвы? Уйти в отставку и... – он изобразил руками нечто вроде полета шмеля.

– Мне некуда ехать, – грустно ответил Леонард, – Куда бы я не поехал, всюду обо мне будут сплетничать.

«Он прав!» – подумал Иловайский, – «Такой эпохальный скандал не скоро забудут. Даже в Европе не скроешься, даже в Сибири.»

Вслух же сказал:

– Вы человек молодой, энергичный. Я постараюсь Вам помочь. А рапорт об отставке всё-таки напишите.

– Что, прямо сейчас? – вяло удивился поручик.

– Да-с, сейчас. Зачем оттягивать? Кстати, барон фон Брауде тоже предпочел в отставку уйти. Уезжает в Лифляндию сразу после похорон. У него там имение.

Леонард взял лист и перо, придвинул чернильницу, и быстро написал рапорт. Расписавшись, подал бумагу Иловайскому.

– Вот и отлично! – пробормотал тот, дуя на чернильные строчки, – За сим, разрешите откланяться!

Поручение генерала-губернатора было выполнено.

Вот он и отставник с пустяковым пенсионом! Нет, право слово, куда деваться-то? Можно, конечно, пожить у дяди, он примет, но тётя Мотя... Да и положение приживала претит.

Леонард представил, как целыми днями он бесцельно слоняется по дому и от безысходности пьянствует. Б-пр!

Невеселые мысли прервал новый визит. На сей раз это был поручик Михайлов.

– Лёня! Ты, говорят, в отставку подал? – с порога загремел он.

«Быстро же слухи распространяются!» – с досадой подумал Леонард, – «И часа не прошло!»

– Да, вот, решил, что хватит с меня воинской службы.

Михайлов уселся в кресло.

– Понимаю... А что делать собираешься?

– Не знаю пока. Но из Москвы уеду. Начну новую жизнь.

Александр сочувственно кивнул. Посопев, вытащил конверт.

– Я, это... Мы с фон Теофельсом с мечами разобрались хорошенько... Получилось, что не доплатил я тебе. Вот, возьми. Здесь пять тыщ, – краснея и отводя глаза, он протянул конверт, – Пригодятся.

Леонард понял его и деньги взял.

– Спасибо, Саня! Ты настоящий друг!

Михайлов сконфуженно улыбнулся. Помолчали. Разговор не клеился.

– Как Ненила поживает? – спросил, чтобы сказать хоть что-нибудь, Леонард

– Ты знаешь, Лёня, Ненила-то у меня в тягостях! – выпалил Михайлов радостно.

– Ну да?! Поздравляю! А как же презерватиф?

– Порвался в первую же ночь, – развел руками будущий отец, и, помявшись, добавил:

– Ну его! Не понравилось нам обоим.

– С дитём-то, как решишь? – поинтересовался, улыбаясь, Леонард.

Вопрос был деликатный. Дети, рожденные от крепостных, обычно официально не признавались, и считались также крепостными.

– Признаю своим! – твердо заявил Александр, – Моё будет отчество и фамилия! Воспитаю, образование дам, и вообще...

– А жениться на Нениле будешь?

– Зачем? Нам и так хорошо! Она в доме хозяйка, ключница. Я с ней при всех радостях женатой жизни, а сам холостой! Чего же лучше? А жениться – это эпатаж! – рассудительно ответил помнящий о своем дворянстве и месте в обществе Михайлов.

Посидев ещё немного, товарищ ушел.

Вечером припожаловал нетрезвый капитан Петровский.

– Вы нас не ждали? А мы припёрлись! – громогласно объявил он с порога.

Крепко стиснув Леонарда в объятиях, предложил:

– Выпьем, Лёня? Душа горит!

– Выпьем, конечно. А что с душой?

– Ну, так ты же нас покидаешь, в отставку вышел! А я к тебе привязался!

Данила принес коньяк и закуски. Выпили молча.

– Представляешь, Лёня, я наследство получил! – похвастался Петровский, вытирая усы, – Двоюродная тетюшка преставилась две недели назад. Сорок две тыщи капиталу и имение в Тамбовской губернии: семь тысяч душ! Только вчера от стряпчего письмо получил. Хочу отпуск взять, да съездить, посмотреть, что там и как.

– Г-м, а у меня на наследство видов никаких! Дядюшка женился недавно, и потомство уже намечается.

– Да ты што-о? В его-то годы? – сделал вид, что поразился Петровский (о свадьбе Орлова старшего знавший) и налил по второй, – За молодых!

Выпили за молодых. В голове слегка зашумело.

– Вася... Я тебе должен... – собравшись с духом начал Леонард немного погодя.

– О! Точно! – воодушевился капитан, – Давай на долг в картишки сыграем? Красное-черное?

– Я не могу... – растерялся поручик, но товарищ уже достал из кармана колоду.

– Глупости! Фортуна, знаешь... Выиграешь – и ничего не должен! Давай, твои красные! Он тщательно стасовал колоду и протянул Леонарду.

Тот, поколебавшись, взял карту. Десятка червей!

– Ну-ка, теперь я! – сосредоточенно сдвинул брови капитан и потащил карту из середины. Если выпадет черная масть, то все придется повторить сначала. Если красная – то он проиграл. Выпала бубновая дама.

– Везет тебе! – с завистью пристукнул по столу Петровский, – Ещё разок, на отмазку!

Снова Леонард вытянул красную карту – туза червей. Капитан – тройку червей.

– Вася, ей-Богу... – начал наш герой смущенно.

– Да, – согласился тот горестно, и выпил ещё коньяку, – Не прет мне сегодня!

Он достал из кармана толстенный бумажник и отсчитал пять тысяч пятисотенными.

– На третий раз не рискну, Лёня. Не мой сегодня день!

Бутылка скоро опустела и друзья расстались, ибо было уже поздно. Проводив Петровского, Леонард отправился в спальню: добрый коньяк расслабил тело и душу, сгладил острые углы бытия, наваял дремоту. Лекарство, однако!

Убирая со стола, Данила взял колоду, забытую гостем. Странно: карты в ней были, почему-то, только красных мастей...

Вечером полковник Иловайский отправился в ресторацию. Ему было одиноко и скучно кушать дома. Жена ещё на Рождество уехала в имение со старшей дочерью и зятем. Дочь Катерина ожидала первенца и не хотела рожать нигде, кроме родной деревни Передолье, где жила повивальная бабка, принимавшая и её, и сестру Полину, и брата Аркашу. Жена и дочь регулярно писали Михаилу Витальевичу письма, заверяя его в полном своем благополучии, но он все равно немножко волновался. И скучал.

В зале он, к своей радости и удивлению, увидел старинного своего друга – графа Резанова, сидевшего за столиком с монументального вида купцом. Несколько лет назад его назначили служить в Иркутск начальником гарнизона. Деликатно сплывили из столицы как бы в ссылку за дуэль с неким августейшим лицом. Никто в той дуэли не пострадал, но, тем не менее, пришлось уехать. Писал друг Сережа редко, только на Рождество, Пасху, ну, и день ангела.

Улыбаясь, Иловайский подошел к столику:

– Позвольте присесть, господа?

– Ба! Кого мы лицезреем! Мишель! – вскричал Резанов, вскакивая и тиская полковника в объятиях, – Садись, садись! Познакомьтесь, Михаил Матвееч: полковник Иловайский, Михаил Витальевич.

Пожав руку купцу, Иловайский занял место за столом.

– Какими судьбами к нам, в первопрестольную? – осведомился он.

– Проездом, из Санкт-Петербурга. Хлопотал о переводе обратно в полк, но... – Резанов скорчил рожу, – Говорят, рановато! Придется ещё пару годиков в Иркутске посидеть! А заодно с господином Булдаковым, – кивок на купца, – о делах поговорить.

Он налил, не спрашивая, водки всем троим. Метрдотель, узнавший высокое начальство, уже почтительно ожидал заказа с тремя лакеями.

– Любезный! – повернулся к нему Резанов, – Распорядись там... – он изящно покрутил в воздухе ладонями.

– Понимаем-с! – согнулся в поклоне мэтр, и через минуту стол был уставлен всякими вкусняшками и батареей бутылок.

– Да зачем столько-то! – смутился Иловайский, – Я только покушать зашел!

– Вот и кушай, что хочешь! – ободрил его граф и выпил, не дожидаясь тоста.

Булдаков извинился и вышел в ватерклозет.

– Что за дела у тебя с сим купчиной? – спросил полковник, прожевывая ломтик буженины с хреном.

– Да, понимаешь, покойный брат Николаша долю имел в Российско-Американской Компании, а я унаследовал. Вот Булдаков – он один из совладельцев, самого Шелехова зять, и хочет эту самую долю у меня выкупить. Уговаривает, обхаживает, как красну девицу! – Резанов хохотнул.

– А ты?

– А я пока ломаюсь, как пряник копеечный! Единоновременно деньги-то выйдут небольшие, а каждый год с прибылей капает неплохо. И ещё больше прибыли будут, лет через несколько. Сам Государь заинтересован!

Иловайский пожал плечами.

– Для меня это все китайская грамота: паи, прибыли, проценты всякие...

– Э-э, не скажи, Мишель! На одно жалованье да доходы с имения нынче жить скучно: жизнь-то, дорожает! А предпринимательство денежки приносит немалые. За этим будущее – капитализм называется!

Вернулся Булдаков и принялся за поросенка с кашей.

– Расскажите, тезка, как у вас в Аляске дела обстоят? Индейцы не досаждают? – поинтересовался полковник.

И Булдаков, уже подогретый водочкой, стал рассказывать. О недавней постройке городка Ново-Архангельска и Форта Росс, о промысле морского зверя, о золотых россыпях где-то на реке Клондайк, о которых, правда, знали только индейцы, приносившие иногда фунт-другой золотого песка и самородков. Рассказывал он и о торговле с Китаем и Северо-Американскими Соединенными Штатами, о пограничных спорах с гишпанцами в Калифорнии. Язык у купца был подвешен прекрасно, и вечер затянулся.

– Делов, проектов – не счесть! Ежели всё правильно организовать, деньги рекою потекут! – гудел он в бороду, – А людей толковых не хватает! По строительству, по фортификации особенно. Оно, конечно: не каждый в такую даль поедет, хотя бы и за большие деньги! Тратить-то их особо негде!

В глубине уже слегка замутненного сознания начальника Внутренней Стражи зашевелилась мысль.

– Кажется, я могу помочь Вашей нужде, компании, то-есть. Куда для разговора человека прислать? Инженер, артиллерист-фортификатор.

– Благотель! – экспансивно воскликнул Булдаков, роняя тарелку на пол, – Век за Вас Бога молить буду! Образованный инженер вот так нужен! – он чиркнул ребром ладони по горлу, – А пришлите его ко мне в гостиницу «Европейская», я там остановился в семнадцатом номере. Как его фамилия-то? Звать-величать?

– Орлов, Леонард Федорович, – коротко ответил Иловайский.

Посидев ещё немного, купец, извинившись – мол, рано вставать утром, дела! – покинул компанию.

– Нет, ты слышал, Мишель? Промысел морского зверя, торговля... Чтобы я такую дойную корову продал? – ухмыльнулся Резанов, – Ни за что!

Михаил Витальевич хохотнул. Потом разговор зашел о семье, о детях. Резанов рассказал о сыне Алексее, проходившем обучение в Морском Корпусе.

– Пишет мне: мол, жениться хочу! Это за два-то года до окончания! Всю карьеру погубить, ведь, по уставу, гардемарин должен быть холостой и жить в казарме. Я ему пишу: отчисляй тебя, дурака! А он: и пусть! У меня любовь! Ву компренэ?

– У меня с Аркашей тоже была такая история, – кивнул Иловайский, – Так я ему написал: сынок, чтобы спать с девицею, не обязательно на ней жениться! А ежели она не даёт, значит, ты плохо просишь! Не бывает девиц, которые не дают, бывает мало шампанского! Представляешь, подействовало!

Резанов восхищенно заржал, и, отсмеявшись, спросил:

– Не возражаешь, ежели я тебя в письме Алёшке процитирую? Очень уж крепко сказано: не в бровь, а в глаз!

– Валяй! – махнул рукой полковник.

Разошлись друзья-циники только за полночь.

А поручику в отставке Орлову снилась война. С огромного, дымящего черным дымом из труб, корабля на пляж уже знакомого острова взвод за взводом высаживались солдаты, держа над головой ружья с примкнутыми багинетами. Флаг на корабле был незнакомый: красный круг на белом фоне. Офицеры, командующие десантом, стояли с саблями, нет, мечами необычной формы наголо, и яркое солнце дробилось на полированной стали. Ещё один корабль, поменьше, стоял поодаль, наведя жерла пушек прямо на Орлова. Прикрывал своих. Лес на много сажень был искорежен, там и сям виднелись поваленные пальмы, огромные ямы. Тухло воняло порохом и ещё какой-то химией, незнакомой поручику.

«Был артобстрел!» – понял он, – «Но, однако, какой же мощности пушки должны быть, чтобы так все разнести?»

Справа и слева от него цепью лежали солдаты в зелено-бурых мундирах и картузах. Странного вида устройство на колесиках и с толстым дулом, похожее отдаленно на пушечку, стояло в обложенном мешками с песком небольшом редуте. Только калибр, насколько мог разглядеть Леонард, был не пушечный, а смехотворно малый: менее ружейного. Так, на глаз – линии три. Впрочем, ружья солдат были того же калибра. Сажень в пятидесяти вправо виднелся ещё один, такой же загадочный агрегат. Сзади петляла через лес дорога, по которой, переваливаясь на ухабах, удалялось в сторону видневшегося в версте города несколько телег с ранеными. Ещё несколько раненых не оставили позицию, их перевязывали две сестры милосердия в белых косынках с красным крестом. Офицер в картузе с кокардой и португее, на которой висела сабля и пистолет в кобуре, командовал:

– Без приказа не стрелять! Пулеметы начинают по моей команде, остальные ведут беглый огонь!

Десант, тем временем, построился на пляже в колонну. Вражеский офицер отдал неслышимую на расстоянии команду, и отряд, силою батальона в четыре, двинулся к просвету в деревьях, где было начало дороги.

– Ну, ребята... За Веру, Царя и Отечество! – сняв картуз, перекрестился офицер, и взмахнув саблей, командовал:

– Огонь!

Словно палкой провели по забору – звук, совершенно странный и непонятый поручику, сопровождался фонтанчиками песка на пляже аккурат перед колонной наступающих, до которых было сажень сто. Скорость стрельбы была фантастическая!

«Сие, значит, и есть пулемет!» – смекнул Леонард, вытягивая шею, чтобы рассмотреть действие грозной машины получше.

Солдаты принялись палить из ружей, да не залпами, а вразнобой, как Бог на душу положит. Поручик подивился такой тактике.

– Прапорщик! Выше прицел, растудыть твою едрить! – отчаянно крикнул офицер, но десант, проворно рассыпавшись цепями, уже резво бежал к лесу с криком «Банзай!»

Многие падали от ружейного огня, другие сами, приостановившись, стреляли на ходу. Орлов обнаружил, что в руке у него сабля.

Когда изрядно поредевший противник был уже сажень в десяти, офицер командовал:

– Вперед, в атаку! Покажем им русский штык!

И все бросились вперед под крики «Ура!»

Леонард побежал, держа саблю наперевес. Вот низенький солдат во вражеской форме, с раскосыми азиатскими глазами, попытался пырнуть его багинетом, длинным и кинжалом.

подобным. Леонард увернулся и махнул саблей, ранив солдата в бедро. Не останавливаясь, побежал дальше. Зарубил ещё одного. О, вот и вражеский офицер! Выписывает клинком восьмерки! Лицо с жесткой щетиной усов грозное, глаза-щелочки внимательно ловят каждое движение Орлова. Выпад! Ушел, уклонился... Разящая молния справа и сверху! Леонард упал, чувствуя, что умирает. С моря донесся пушечный грохот, потом ещё, и ещё. Повернув голову, поручик увидел, как загорелся корабль, тот, что поменьше, а из-за мыса выдвигается огромный, больше двух вражеских вместе взятых, пароход с четырьмя трубами. И флаг на нем русского флота, андреевский! Снова рывкнули его пушки, загудел воздух, оглушили разрывы. Из леса вынеслись казаки, окружая врагов и рубя их в капусту. Лежащий рядом пожилой солдат с распоротым животом, из которого вываливался сизый ком кишок, криво улыбнулся Орлову щербатым ртом:

– Наша берет, Ваше благородие! Всыпали, японцам-то!

Чьи-то руки схватили Леонарда за плечи и повернули на бок.

– А Вы, барин, рыгайте, рыгайте в тазик! Ишь, мало не захлебнулись!

Сон кончился. Он снова был в своей спальне, болело плечо и тошнило. Данила подсовывал таз.

Проблевавшись и попив водички, Леонард ощупал плечо, куда его рубанул японский офицер. Плечо сильно болело, но, поерзав, и найдя удобное положение, удалось обмануть боль и уснуть.

И сон вернулся!

На этот раз Леонард оказался в госпитальной палате. Плечо и грудь были стянуты повязками. Проведя рукой по подбородку, обнаружил по меньшей мере трехдневную щетину. Однако! Огляделся: в палате было человек двадцать, из них ходячих пятеро. Две молоденькие сестры милосердия что-то делали с лежащим в углу человеком, не то поили чем-то, не то ставили клизму – не разглядеть. Тот кряхтел и ругался вполголоса. Сосед слева, весь в бинтах и с каучуковой трубкой, вставленной в живот, встретив взгляд Орлова, попросил:

– Не будете ли так добры, Леонард Федорович, прикурить мне папиросу? – и показал глазами на тумбочку, где лежал портсигар.

Приглядевшись, Леонард с содроганием понял, что у этого человека нет обеих рук! Дотянувшись левой, здоровой рукой до портсигара и спичек, он прикурил папиросу с длинным картонным мундштуком и вставил в рот соседу.

– Себе возьмите! – предложил тот уголком рта. Губы были синие, лицо бледное и заострившееся, в мелких капельках пота.

– Мерси! – поблагодарил наш герой и закурил.

От крепкого табаку приятно закружилась голова. Безрукий же, сделав несколько жадных затяжек, ловко выплюнул окурочек в жестяную банку и позвал:

– Сестричка! Татьяна Романовна! Укольник бы!

Одна из сестер милосердия подошла к нему, вздохнула, и сказала жалобно:

– Это же третий за день шприц морфия будет, Дмитрий Аркадьевич! У Вас уже зависимость! Доктор будет ругаться!

– Плевать! – отозвался безрукий, – Делайте, княжна! Все равно подохну к утру, так хоть в хорошем настроении!

Сестра вышла и вскоре вернулась с накрытым салфеткой лотком. Ловко повернула офицера на бок и вонзила иглу в заголенную ягодицу. Нажала на поршень. Раненый на глазах обмяк и порозовел. Девушка сморгнула слезу.

«Сильное лекарство!» – уважительно подумал Леонард, но поёжился, представивши иглу в собственной жо... пardon, корме.

В палату приковывал на костылях один из ходячих, совсем молоденький, лет восемнадцати. На правой кисти у него синела наколка – якорь, обвитый лентой с девизом.

– Господа офицеры! – провозгласил он громко, и все обернулись к нему, – Свежая газета! Про нас пишут!

– Читайте, Никола, читайте! – раздался нетерпеливый хор голосов.

Развернув газетный лист, тот пробежал его глазами:

– Вот! «Получено от нашего собственного корреспондента по беспроволочному телеграфу: ...Совместными усилиями броненосного линейного корабля тихоокеанской эскадры „Великий Князь Сергей“ и Н-скаго пехотного полка с двумя сотнями донских казаков успешно отражена попытка японской императорской армии высадить десант на Атувае с целью захвата Ново-Мурманска! После кровопролитного боя враг был окружен и почти полностью истреблен! Оставшиеся в живых самураи, видя своё положение проигранным, вспороли собственные животы, совершив так называемый „хара-кири“. Пленных нет! Уничтожено до четырех батальонов пехоты, а также крейсер „Итииро“ и транспорт „Мицуи“! Благодаря заступничеству Пресвятыя Богородицы Земля Русская очищена от азиатских орд! Молись, народ православный, за героев, заслонивших грудью...»

Справа от Орлова раздался стон, переходящий в вой. Чтение прервалось, сестры милосердия устремились к койке, на которой в судорогах бился черноусый офицер. Кто-то крикнул:

– Врача! Скорее! У князя припадок!

Через минуту в палату быстрым шагом вошел доктор в белом глухом халате, к изумлению Леонарда в точности похожий на Илью Игоревича, только моложе. Глянув на бившегося в падучей, он рывкнул:

– Хлорал-гидрат Шахназарову, живо!

«Контузия... Посттравматическая эпилепсия...» – уловил поручик обрывки разговора сестер милосердия.

Через несколько минут контуженный уснул. В палате воцарилась тишина.

Безрукий сосед слева спросил громким шопотом:

– Никола! От какого числа сия газета?

– От 2 февраля сего 1904 года! – ответил тот, подойдя поближе, тоже шопотом, – Тут ещё пишут про крейсер Варяг... Сейчас, сейчас найду... Вот! «В бухте Чемульпо...»

Но сон оборвался на полуслове.

Некоторое время Леонард лежал не шевелясь, пытаясь осмыслить виденное. Бог ты мой! Война с Японией! Через девяносто лет!? Возможно ли? Он на карте видел: Япония – ма-ахонькая, пальцем накрыть можно! А Россия-то – больша-ая!

Как был, в ночной рубашке сел к столу в кабинете и яростно заскрипел пером, записывая все в подробностях. Нет, надо же! Атувай, о котором он и слыхом не слыхал – Русская Земля, сиречь, часть Российской Империи!

Закончив писать, вернулся в спальню, оголил торс и погляделся в зеркало. Наискось от правого плеча на грудь тянулся сабельный шрам вершков в семь длиною с точками от снятых швов! Но плечо не болело...

После завтрака отправился к доктору. Илья Игоревич выслушал жалобу на неизвестно откуда появившийся шрам серьезно. Осмотрел внимательно, покачал головой.

– Сами-то, как думаете, откуда? – спросил он Леонарда.

– Сон я опять видел, доктор! Про войну, – несколько смущенно поведал тот, – Шрам наутро появился, с вечера не было!

– Г-м, я же Вам микстуру прописал! Неужто, не подействовала?

– Действовала, пока принимал. Только, скажем так, побочный эффект был неприятный, я и бросил.

– Это, какой же? – поднял брови эскулап.

Леонард покраснел:

– Э-э... Детородный орган... не функционировал...

– А-а! Понятно. Да, сие возможно... Но, Вы же не женаты, зачем Вам? – поправив пенснэ, врач строго посмотрел на пациента, – Неужели во внебрачные интимные отношения вступали?!

В глазах доктора было удивление, смешанное с неодобрением. Такой, значит, коктейль.

Пациент опустил голову. Было очень стыдно.

– Ладно, сей грех на Вашей совести. Я подумаю, что выписать, дабы...

– Илья Игоревич! – перебил его Леонард нетерпеливо, – Не надо лекарств! Вы мне помогите разобраться со шрамом! Вот, пожалуйста, запись последнего сна!

Врач взял листы и, шевеля губами, стал разбирать прыгающий почерк.

– Феноменально! – воскликнул он, дочитав, – В Ваших сновидениях Вы живете в выдуманном мире, как я уже говорил. Война с Японией через девяносто лет, конечно, нонсенс, равно как и бессмысленные слова и выражения: хлорал-гидрат, пулемет, броненосец. А уж введение лекарства через иглу в ягодицу! – он хихикнул, – Сие непременно привело бы к воспалению, флегмоне, сиречь, здоровенному гнойнику, как любое инородное тело! Но, тем не менее, – он снова посерьезнел, – Вы во сне убеждены в реальности происходящего, и в этом все дело. Слышали о таком явлении: стигмы?

– Н-нет-с... – обескураженно признался Леонард.

– Иногда, у фанатиков веры, под влиянием образа Христа, возникают на ладонях и стопах, а иногда и на челе кровавые раны – подобие ран Спасителя. Потом проходят, заживают бесследно. Иногда открываются вновь. Сие и есть стигмы! В Вашем, Леонард Федорович, случае, в результате полной уверенности в том, что Вас рубанули саблею...

– Мечом! – поправил Леонард.

– Ну, мечом, неважно... Сформировалась стигма, выглядящая, как заживший рубец. Вам же в госпитале обработку раны сделали, зашили, как полагается, верно?

– Верно... Но, что же делать, доктор? А ежели меня во сне... э-э... прострелят насквозь? Могут до смерти?

– Могут! – твердо ответил светоч медицинской науки, – Но Вы этого избегайте! Ну, ведите себя поосторожнее, на рожон не лезьте. Ву компренэ?

Леонард вспомнил, как он сражался на пляже врукопашную, и содрогнулся.

– Гран мерси за совет, Илья Игоревич! – он встал, чтобы попрощаться.

– Пожалуйста, пожалуйста! – покивал врач, – Интереснейший для науки случай, однако! Вы, батенька, продолжайте сны записывать, буде снова увидите. Не возражаете, ежели я себе копию Ваших записок сделаю? Соберу побольше материалу, статью напишу!

– Не возражаю, – пожал плечами поручик в отставке.

– Вот и отличненько! Сегодня же вечером верну!

Дома нашего героя ждало письмо от полковника Иловайского. Он сообщал, что прошение Леонарда об отставке удовлетворено, и рекомендовал встретиться с купцом первой гильдии Булдаковым в гостинице «Европейская», имеющего к поручику деловое предложение. Прилагалась также визитная карточка упомянутого купца, на которой было нацарапано приглашение посетить его в любое удобное время.

Покрутив карточку в руках, Леонард хмыкнул:

– Деловое предложение! Что ж, сходим, хуже не будет...

В гостиницу «Европейская» решил отправиться ближе к вечеру, справедливо рассудив, что купец, закончив дневные дела, будет уже у себя. В гостинице Леонард прежде ни разу

не был, и потому замешкался. Проводить его в семнадцатый номер к господину Булдакову, портье позвал коридорного.

– Сюды пожалуйте, Ваше благородие! – показал пальцем малый, и затопал чуть впереди, – Осмелюсь спросить: Вы к господину купцу по своему делу или по ихнему?

– По обоюдному, – ответил Орлов рассеянно, – А что, есть разница?

– А как же-с! Давеча приходил к ним один господин насчет пожертвований на настройку колокольного звона, так они их с лестницы спустили! И ругались при сем по матерному, фармазоном обозвали!

Насчет колоколов Леонард не понял, но переспрашивать не стал, ибо уже пришли. Дав коридорному гривенник за услугу, решительно постучался в высокую дверь. Створка вскоре отворилась. На пороге стоял бородатый и косматый человек в расстегнутом сюртуке и развязанном галстуке. Ростом он был на голову выше поручика.

– Ну? – вежливо спросил человек.

– Поручик от артиллерии... в отставке... Орлов, к господину Булдакову, – несколько запнувшись, отрекомендовался Леонард.

– А! Леонард Федорович! Ждем с нетерпением! Проходите в номер! – засиял улыбкой косматый бородач. Или бородатый космач, г-м!

Приглашаемый вошел. Хозяин крикнул в коридор, чтобы принесли самовар и повернулся к гостю:

– Булдаков, стало быть, это я и есть! Михаил Матвеич!

Они обменялись рукопожатием. Рука у Булдакова была крепкая и широкая, как лопата.

– Располагайтесь, пожалуйста, Леонард Федорович! Сейчас чайку принесут, сядем рядом, да поговорим ладком!

Через минуту уже знакомый коридорный втащил самовар и всё, что положено к чаю. Подав Орлову красивую чашку, Булдаков, покосившись, налил и себе, но, почему-то, в деревянную расписную пиалу, явно китайскую.

– Привычка-с! – пояснил он, – Ни пальцы, ни губу не обожтёшь. Рому не желаете?

Выпили по рюмке рому. За Государя. Леонард взял с подноса свежий бублик.

– Так, что за деловое предложение, Михаил Матвеич?

Купец не спешил с ответом, налил по второй:

– За удачу!

Выпили за удачу.

– Я, однако, хочу Вам службу предложить, Леонард Федорович, – задушевно начал сибиряк, крутя пальцами, – По Вашей специальности: фортификации и прочим инженерным материям. Сам я из Иркутска, но все почти дела веду на Аляске. Про Российско-Американскую компанию слышали? Так я один из совладельцев. Забот полон рот, работы не в проворот! Сейчас Форт-Росс строим-расширяем, да и Ново-Архангельск в укреплениях нуждается. Причал, пристань позарез нужно. Как без инженера?

– Просите, Форт... Росс? – переспросил Леонард.

– Ай не слышали? – удивился Булдаков, – Хотя, конечно... Далеконько Калифорния от первопрестольной! Сие – поселение наше. Его в 1812 году лейтенант Иван Кусков основал. Территорию у местных индейцев племени Кашайя-помо купил за три одеяла, три пары штанов, два топора, три мотыги и несколько ниток бус, – он захохотал.

– Недорого! – согласился собеседник, отхлебывая чай.

– Именно, именно! А место очень перспективное: и пушнину индейцы тащат на продажу, и камни самоцветные, и... – тут купец понизил голос, – и золотишко! Да и в рассуждении торговли с Северо-Американскими Соединенными Штатами удобно, и с Калифорнией гишпанской, и с Китаем. Стратегическое место! А земля – палка воткнутая растет! Там сейчас такие огороды развели, что любо-дорого! Всю Аляску овощами снабжают.

Он ещё довольно долго, на протяжении трёх чашек, рассказывал об Америке.

– Ну, как? – спросил он, наливая четвертую и утирая пот со лба полотенцем, – Интересно ли? Везде сами побываете, все сами увидите. Идёте компании на службу?

Леонард задумался. Почему бы и нет? Так сказать, а пуркуа бы и не па бы? В Москве, да и вообще в России жить ему невозможно из-за позора: уже ославили и извращенцем, и ведьминым любовником. Куда ни пойдешь, шепчутся за спиной и пальцами показывают! Денег, фактически, кот наплакал, имение выкупить не удастся, пойдет с молотка. Дядя женился, ему не до племянника. Наследства ждать не приходится...

– Какие же кондиции, Михаил Матвеевич? – поинтересовался он, и закурил, чтобы скрыть смущение, ибо это был его первый опыт трудоустройства.

– Кондиции, Леонард Федорович, такие, – Булдаков достал из бумажника лист и стал читать.

Выходило очень даже неплохо. Да, что там, неплохо! Совсем даже хорошо! Жалованье вдвое противу армейского, с надбавкой за выслугу лет каждый год. Большие подъёмные. Проезд к месту службы за счёт компании. Оплачиваемый ежегодный отпуск – месяц! Бесплатная квартира и прислуга! Пенсия по выслуге двадцати лет в размере семидесяти процентов жалованья. Предусматривались также наградные за успешно выполненную в срок работу.

– Меня устраивает, – кивнул Леонард, когда перечисление благ закончилось, – Но нужно подумать.

– Думайте, сколько Вам потребно, – покладисто согласился работодатель, – Я здесь ещё неделю пробуду. А пока думаете, я контракт составлю. Надумаете – подпишете.

Выпили ещё по рюмке.

– А что у вас за история вышла с настройкой колокольного звона, Михаил Матвеевич? Коридорный рассказал, гневались вы, – расслабившись, спросил поручик.

– Да ну, глупость одна, – поморщился купец, – Пришел какой-то жулик, знаете, из тех, что нас, провинциалов, за круглых дураков считают, и заявил, что собирает пожертвования на настройку колокольного звона по всей первопрестольной. Чтобы, значит, колокола на всех звонницах одинаково звонили. Дескать, он некую машину, синхронизатор, изобрел, и на постройку средства нужны! Звон, говорит, будет не в пример красивше нынешнего и благолепнее! Я сразу его плутню понял, ну и дал ему в ухо. Слышишь, спрашиваю, звон? Он кивает: мол, да! А, спрашиваю, знаешь, где он? Говорит: нет! Ну, я его с лестницы и наладил, звон искать!

«Да, не прост, ох, не прост, сей первой гильдии купчина!» – думал Леонард, смеясь над незадачливым жуликом.

Расставшись с Булдаковым, подумав, велел извозчику ехать на Калужскую заставу, к Михайлову.

Тот встретил его с распростертыми объятиями и сразу же повлек ужинать. За ужином, меню которого Автор описывать не будет, чтобы не захлебнуться слюной, Леонард поинтересовался, что знает Александр о японских мечах.

Александр вытер губы салфеткой и призадумался.

– Японский меч есть одно из важнейших достояний дворянина-самурая. По форме напоминает казачью шашку. Клинок длиной в аршин без двух-трёх вершков, изогнутый, но незначительно. Рукоять прямая, длинная, позволяет двуручный хват. Сталь особенная: сердечник вязкий, а режущий край – твердый. Говорят, лучше дамасской. Острота необычайная! Можно рубить кирпичи, дерево, черепицу, а потом – рассечь волос, плавающий в пруду. Секретковки и полировки-заточки – величайшая тайна. Представь, один меч шесть недель делают!

– Так у тебя такой есть? – напрямик спросил Леонард.

– Нет, только описание да рисунок в книге... Они шибко дорогие, Лёня. Да и купить-то негде – Япония страна секретная, закрыта для европейцев. А в самурайском роду меч переходит по наследству, как самое ценное имение. Читал я ещё, что техника фехтования у японцев наособицу от европейской. Удар наносят не рубящий, а режущий, скользящий! Колющий, впрочем, тоже. Могут человека распластать напополам запросто, даже в броне!

– А у фон Теофельса есть?

– Нет, и у него нету. Он за такой меч все, что угодно отдал бы, а человек он не бедный. Слушай, да пойдем в библиотеку, я тебе рисунок покажу!

Он быстро нашел нужную книгу и продемонстрировал рисунок Леонарду. Тот вздрогнул: именно такой меч он видел во сне! Вот тебе и воображение! Нет, тут что-то другое...

Они перешли обратно в столовую и принялись за кофе с мороженым.

– Отличное мороженное, слушай! – похвалил Леонард, – Где покупаешь?

– Это своё. Дело несложное: сливки, яйца, сахар, ваниль в мороженицу заправляешь, вставляешь в бак со льдом и солью – и знай, ручку крути! Я сладкое люблю, ты же знаешь. Такие, между прочим, рецепты есть: с шоколадом, с ягодами, с лимоном! – несколько самодовольно объяснил Александр.

Поболтав ещё с полчаса о всяких пустяках, друзья расстались.

Остаток вечера Леонард раздумывал над предложением Булдакова.

«Надо соглашаться! В самом деле: деньги хорошие, новые места увижу... Америка далеко, меня там никто не знает. Даже ежели и дойдут слухи – наплевать, переживу. А там видно будет: вернусь лет через несколько, куплю деревеньку, да и буду жить помаленьку!»

Глава восьмая

На следующий день наш поручик в отставке поехал к Булдакову. Тот встретил его по деловому.

– Вот-с, Леонард Федорович, контракт. Прочитайте внимательно, спрашивайте, ежели что не ясно.

Леонард взял стопку листов, исписанных каллиграфическим почерком писца. Вчитался. Все было, как купец и обещал накануне. Вот только...

– Здесь написано, что сей контракт заключается на двадцать лет, – отчеркнул он ногтем нужное место.

– Да. На двадцать лет. Отслужите – получите пенсион, – кивнул купец косматой головой.

– Но, ежели я пожелаю уволиться ранее? – спросил нанимаемый.

– Тогда пенсион не будет. И, вообще, увольнение ранее двадцати лет только на усмотрение компании.

– Но это же... кабала! – неуверенно заметил Леонард, почесывая кончик носа.

– Ой, Леонард Федорович! Ну, какая «кабала»? Коли не захотите служить, насильно никто Вас держать не будет. Только тогда уж проезд в Россию за свой счет. И неустойку заплатить придется. Там все расписано, господин Орлов! – толстым пальцем купчина указал на контракт.

Господин Орлов задумался. На усмотрение компании... То-есть, могут уволить, а могут и нет. Неустойка... Он плохо разбирался, точнее, никак не разбирался в сих юридических тонкостях, но чувствовал, что подвох есть.

– Сами посудите, – снова заговорил Булдаков, – Мы Вас нанимаем на ответственную службу, оплачиваем проезд, подъёмные, квартиру, прислугу. Надо же нам быть уверену, что Вы на другой день не передумаете и лыжи обратно не наострите!

В его словах был резон. Леонард вздохнул, умакнул перо и размашисто расписался на обоих экземплярах.

Булдаков со своим секретарем также расписались, свидетельствуя подпись Орлова. Секретарь приложил печать.

– Ну, милейший Леонард Федорович, дело сделано! Ей-Богу, не пожалеете! – радостно пробасил новый хозяин, – Теперь поехали праздновать! Я ресторан одну знаю, там сегодня цыгане приедут! Эх, погуляем!

Леонард приглашение принял.

Гуляли долго, обстоятельно и весело. С широким размахом, но в отдельном кабинете! Стол ломился от яств и напитков. Щедро оплаченные Булдаковым цыгане пели: «К нам приехал, к нам приехал Леонард Федорович дорогой!» и «Лёня, Лёня, Лёня! Лёня, Лёня, Лёня! Лёня, Лёня, Лёня, Лёня! Лёня, пей до дна! Пей до дна, пей до дна, пей до дна...» И Лёня пил. Шампанское, водку, коньяк – все подряд. Прощался со старой жизнью и праздновал наступление новой эры.

Скрипки пели то сладко и вкрадчиво, то разухабисто-бесшабашно. Слышался гитарный звон, слышался со всех сторон! Цыганки самозабвенно плясали, трясая плечами, монистами и грудями, цыгане выделяли немыслимые коленца, хлопая ладонями по сапогам, полу и коленкам, иногда даже попукивая от усердия. Раздавались крики: «Жги! Ходи шибчей, черноголовый! Ромалэ!» Под бряканье бубнов взметались цветастые юбки, обдавая пирующих интригующей смесью запахов возбужденной женской промежности и едкого пота. Стук каблучков грозил паркету повреждениями. На коленях у купца сидели, кокетливо дрыгая ногами, сразу две красотки, отнюдь не цыганки. Блондинки!

На нравственность Леонарда также посягала какая-то особа женского полу. Притиснув его к могучему напудренному бюсту, она страстно шептала в ухо:

– Красивый муш-щина! Поедем в номера!

Но Леонард был уже за гранью реальности и неадекватно воспринимал окружающую среду. А вскоре и вовсе отключился, упав лицом в миску с солеными рыжиками.

Булдаков стряхнул с колен блондинок, подошел к бесчувственной тушке, оттянул веко:

– Угу! Дошел до точки! Жаль, я только-только в раж начал входить... Стешка! Поедешь с господином Орловым! Ночуешь у них, значит.

– Да они же не могут ничего! – надув губы, возразила та.

– Уплочено! – веско прогудел купец.

И господина Орлова в сопровождении Стешки отправили домой на извозчике. По дороге сидок слегка очнулся и в резкой форме сделал замечание вознице по спине кулаком, что транспортное средство не вымыто с мылом.

– И кобыле клизму поставь! – потребовал пассажир, тыкая пальцем в Стешкин ядреный бюст.

Извозчик заржал. Стешка обиделась.

С помощью Данилы его перенесли в спальню и раздели. Стешка, справедливо рассудив, что, раз гонорар все равно получен, можно неплохо выспаться, прикорнула рядом. Данила погрозил ей кулаком, чтоб не баловалась, и ушел к себе. Зиновий под печкой неодобрительно вздохнул: опять человек назююкался. Алкоголь он не одобрял, у пьяного человека эмоции становились тусклые и малоприятные.

Сон, приснившийся Леонарду в ту ночь, был снова цветным, ярким, объёмным – полное подобие реальности.

Снова сверкало солнце, клонясь к заходу, синело море и золотилась в отдалении кромка пляжа. Но город был другой: двух-трехэтажные деревянные дома, улицы, мощенные булыжником, с чахлыми пыльными пальмами вдоль тротуаров. Кабы не пальмы, город был похож на любой русский – Коломну, или, скажем, Боровск. Церковь без креста на куполе имела на себе вывеску: «Кинотеатр «Октябрь». На стене висела афиша, анонсирующая, что на сеансах в 14.00 и 18.00 демонстрируется художественная кинокартина «Трактористы» с орденоносцем Н. Крючковым в главной роли. К окошку с надписью «Касса» стояла очередь. Все это не представляло для Леонарда никакого смысла. Пожав плечами, он, тем не менее, привычно перекрестился на купол и подошел ближе, оказавшись в конце очереди. По дороге с тархтением, испуская зловонный дым, проехала странная самодвижущаяся повозка, нагруженная бочками. Леонард шарахнулся. Паровоз? Колеса широкие, толстые, упругие, рельсов не видно. Однако! Какое достижение прогресса и техники! Почти сразу же проехал другой странный аппарат: двухколесный, и наездник сидел на нем верхом, держась за блестящие рога. Тархтел и вонял он ещё сильнее.

«Железный конь!» – мысленно ахнул от восторга Орлов, – «Вот бы прокатиться!»

– Мущина, Вы крайний? – раздался голос сзади.

Странное обращение и слово «крайний» резануло слух. Леонард обернулся: спрашивающей оказалась смуглая местная женщина средних лет с цветком за ухом. В руках у неё были бесформенные сумки с картофелем, в одной поверх клубней лежал небольшой кошелек.

– Нет, сударыня... Я просто так стою, – ответил он смущенно.

– А, понятно! А я, вот, карточки на картошку отоварила, дай думаю, схожу со своим в кино. На восемнадцать билеты ещё есть, не подскажите? – словоохотливо вступила в процесс общения тетка.

По русски она говорила как-то странно. И дело было даже не в непонятных словах, а в употреблении знакомых: «не подскажите?» вместо привычного «не скажете ли». И что такое «восемнадцать»? Не говоря уже о «карточках на картошку»!

Пока Леонард думал, что ответить, двое парней протиснулись мимо них, чувствительно толкнув женщину, хотя места, чтобы пройти, было достаточно.

– Хулиганы! – крикнула она им вслед, одергивая платье.

Парни удалялись быстрым шагом. Когда они были уже в двадцати саженях, тетка вдруг отчаянно завизжала:

– Кошелек! Ой, люди! Кошелек вытянули!

Очередь оживилась и завертела головами. Парни прибавили ходу, теперь они бежали рысью, и вот-вот должны были скрыться за углом. Не раздумывая, Леонард рванулся за ними. Парни были коренастые, полноватые, как и большинство местных, поэтому догнать их было не очень трудно. Они остановились, поджидая преследователя. У одного в руке сверкнуло лезвие ножа.

– Не рыпайся, *хаоле*! Кишки выпущу! – угрожающе заявил он, пятясь к лазу в заборе.

Другой сжал здоровенные кулаки и тоже попятился.

Леонард шагнул вперед и провел свинг в голову тому, что с ножом. Бокс – спорт английских джентльменов, он освоил во время командировки на Британские острова ещё в 1810 году, равно, как и язык. Ворюга охнул и выронил нож. Второй, размахивая кулачищами как попало, двинулся на нашего героя. Тот, несмотря на различие весовых категорий, не отступил, и апперкотом нокаутировал оппонента. Падая, тот зацепил скрюченными пальцами за рубаху и порвал оную до самого пояса. Раздалась трель свистка, и из-за угла выскочил немолодой человек в белой рубахе, перетянутой ремнями, и картузе – страж порядка, ярыга. За ним следовала давешняя тетка и несколько мужчин.

– Вот! Вот, товарищ милиционер! Эти у меня кошелек стырили! – истошно вопила обворованная.

– Разберемся, – одышливо просипел тот, вытирая тыльной стороной ладони обильный пот со лба, – Ну-ка, – он вытащил из кобуры на животе пистолет, – Шагом марш в отделение!

Преступники понуро поплелись вдоль по улице.

– А Вы, товарищ, тоже пройдите, свидетелем будете! – кивнул страж Леонарду.

Обращение «товарищ» резануло слух едва ли не сильнее, чем «мущина»! Но приглашение пришлось принять – против власти не попрешь.

В околотке, который здесь назывался непонятно: «Отделение Народной Милиции №2 гор. Ново-Мурманска» Леонарду было велено сидеть и ждать, пока вызовут. Ждать пришлось с четверть часа. Все это время он с любопытством рассматривал стены коридора. На одной доске размером два на полтора аршина под заголовком «Их разыскивает милиция» было приклеено несколько портретов – мерзкого вида рожи с подписанными ниже именами. Были там и цифры, но Леонард в них не разобрался. На другой такой же доске с заголовком «На Страже Правопорядка и Соцзаконности» висело несколько листов бумаги, исписанных печатными мелкими буквами. Леонард попытался разобрать, что там написано, но освещение было плохое, да и после яркого солнца глаза ещё не привыкли – зрение застилалось плавающими цветными пятнами. Было тихо, только жужжала неподалеку здоровенная заблудившаяся муха.

Тут Леонарда позвали, и он вошел в комнату, где за столом сидел уже знакомый страж, а на стуле сбоку – пострадавшая. Склонив голову набок, она писала что-то карандашом на листе бумаги. Ворюг не было, видимо, уже отправили в острог. Или в темницу, неважно. На стенах висели портреты сепией в скромных деревянных рамах. Особое внимание привлекал самый большой, в центре стены, изображающий усатого немолодого кавказца с трубкой в руке. Живописец замечательно передал властный характер: лицо волевое, жесткая складка у губ,

сразу видно – вождь! Взгляд строгий, магнетизирующий. Так и подмывает встать по стойке «смирно»!

– От имени органов охраны правопорядка выражаю вам благодарность за помощь в задержании преступников, товарищ! Как вас звать-величать? – спросил человек в мундире и ремнях.

На столе лежала газета под названием «Правда».

– Орлов, Леонард Федорович, – наклонил голову поручик в отставке, пытаясь рассмотреть число.

– Рубаху они Вам, смотрю, порвали, гады! – сочувственно покачал головой околоточный, и, указывая пальцем на шрам, спросил:

– Где ранение-то получили?

– Японец мечом рубанул – ответил Леонард чистую правду, но уклоняясь от ответа на вопрос «где».

Он наконец разглядел: газета была от 19 июня 1941 года! Вот это да!

– Ой, мущина, рубаху я Вам зашью, не беспокойтесь! – подала голос женщина.

– Халхин-Гол? – полуутвердительно, вроде как уточнил стражник под названием «милиционер».

Леонард не понял, но на всякий случай кивнул.

– Да, мы им там вломили в тридцать девятом! – лицо околоточного ярыги затвердело, глаза сузились, – Товарищ Сталин тогда сказал: «Если враг не сдается, его уничтожают!»

При этом он кивнул на портрет за спиной.

Слова «Товарищ Сталин» он произнес, как во времена Орлова произносили «Государь Император». Даже, пожалуй, с ещё большим пиететом.

Женщина закончила писать и передала лист милиционеру. Тот внимательно прочитал.

– Теперь, товарищ Орлов, напишите и Вы, как преступников помогали задерживать...

Но тут за окном на деревянном столбе захрипело, забулькало странное устройство, и из далекого далека донесся торжественный голос:

...Сегодня, в четыре часа утра... без объявления войны Германия напала на... бомбили Киев... перешли государственную границу от Балтийского до Черного моря...

Речь то и дело прерывалась помехами, но смысл был ясен: война!

Милиционер побледнел. Женщина закрыла рот руками, как бы сдерживая рвущийся наружу крик. На площади стала собираться толпа. Трясущимися руками околоточный застегнул верхнюю пуговицу форменной рубахи и надел картуз. Матово блеснула красная пятиконечная звезда с серпом и молотом, скрещенными посередине.

– Пошли! – скомандовал он.

И Леонард вышел с ним на площадь.

«Война с Германией! Но, мы же союзники? Или в 1941 году уже нет? Всякое может быть... Без объявления войны! Это... неправильно!» – мелькали в голове сумбурные мысли. В животе ворочался тугой комок страха.

Речь закончилась и устройство на столбе замолчало, но люди не расходились, ждали чего-то. Женщины плакали навзрыд, мужчины негромко переговаривались. Машина на столбе снова ожила, раздалась суровая песня:

Вставай, страна огромная!

Вставай на смертный бой!

С фашистской силой темною,

С проклятою ордой!

Подумав, Леонард решился хоть немного прояснить ситуацию. Осторожно тронув за рукав стоящего рядом седого человека в очках и с тростью, похожего на учителя, спросил:

– Извините, сударь... А какие, собственно, у Германии к нам претензии?

– Претензии! – горько усмехнулся тот, – Да завоевать фашисты нас хотят! Поработить! Первое в мире государство рабочих и крестьян им как кость в горле!

«Опять ничего не понятно!» – с отчаянием подумал Леонард.

– Шрам-то откуда, товарищ? Вид у Вас военный, – поинтересовался в свою очередь похожий на учителя дядька.

– Японец мечом рубанул, – охотно объяснил поручик, присматриваясь к собеседнику, казавшемуся странно знакомым.

И тут вспомнилось: Николя! Тот самый, молоденький, что читал в госпитале газету о японском десанте! Вот и якорь, обвитый лентой с девизом, на правой кисти!

– А! Халхин-Гол! – криво улыбнулся постаревший на тридцать шесть лет ветеран Русско-Японской войны, – Значит, воевать Вам дело знакомое. Командиром, наверное, были? Что ж, винтовку в руки – и на фронт, бить гадов. Я бы тоже пошел, да не возьмут... Мне в девятьсот четвертом ногу японским осколком перебило, здесь, под Ново-Мурманском. Хромаю с тех пор, – он показал трость.

– Да-с, ушел в отставку поручиком, но за Веру, Царя и Отечество повоевать ещё раз сочту за честь! Постою за Русь-матушку! – выпятил грудь Орлов, улыбаясь.

Собеседник побледнел и отшатнулся. Несколько голов повернулось в их сторону.

– Парень, да ты кто? – ужасным, свистящим шепотом спросил, сузив недобро глаза Николя.

Леонард растерялся. Кажется, он сказал что-то не так? Толпа угрожающе надвинулась.

– Товарищи! Это враг! Белогвардеец!!! Шпион и диверсант! – отчаянно взвизгнул бывший офицер флота Российской Империи и замахнулся тростью.

Кинулись скопом, повалили. Чьё-то грузное тело придавило к земле. Больно вонзился в лопатку камешек. Свет померк, кремешная тьма заполнила все вокруг. В следующий момент жаркие липкие губы впились в рот Леонарда, целуя взасос, а чужие проворные пальцы уже расстегивали ширинку, норовя сграбастать самое дорогое.

Леонард запаниковал, не в силах понять, что происходит. В ушах ещё слышался рев толпы, болела спина от острого камня. Тело, плюившее его, было обнаженное, и, на ощупь, женское.

– Ты кто? – булькнул он пересохшей глоткой, прервав на миг настойчивое лобзание.

– Я – Стеша! Стеша Мерзлякова, – ответила женщина, утробно хохотнув, – Мы с Вами, барин, в ресторации вчор гуляли. Ай, запаматовали?

В совершенно кривой голове (странное дело, не болевшей ни капельки!) начало разливаться понимание. Банкет, цыгане, Булдаков, наливающий коньяк в чайный стакан... И бабы, г-м! В смысле – блудницы. Купец и за них заплатил.

– А где мы сейчас?

– Да у Вас на квартире! – был ответ, и приставания возобновились.

Степанида знала свое ремесло, и Красноголовый Воин Леонарда гордо расправил могучие плечи. Сил сопротивляться у поручика не было. «Да и зачем сопротивляться? Пусть делает, что хочет...» – такая мелькнула в мозгу пораженческая мысль. Стешка ловко села на него верхом и взяла инициативу в свои... свою... ну, в лоно, в общем. Леонард лежал не шевелясь, закинув руки за голову, пока невидимая в темноте партнерша отработывала гонорар. Когда сей процесс закончился, не было ни удовольствия, ни радости. Только огромная, гнетущая пустота...

Утром, рассмотрев случайную подругу – так, ничего особенного, встретишь – не узнаешь, – выдал ей червонец за труды и полтинник на извозчика. Похмелившись рассолом, подробно записал сон. Перечитал. Подумав, стал рисовать по памяти безлошадную повозку и «железного коня». Рисовал Леонард неплохо, творческий процесс увлек. Попутно он осмысливал увиденное. Итак: на этот раз снова удалось увидеть будущее – 1941 год. То, что он именно *видит* будущее, а не *воображает* его, поручику было уже ясно. Никакого воображения не хватит выдумать все детали окружающей реальности! Он помнил всё: одежду людей, странный пистолет стражника-милиционера, газету... Прикрыв на миг веки и сосредоточившись, удалось даже прочесть напечатанный без еров и ятей заголовок: «Выступление товарища И. В. Сталина на заседании Центрального Комитета ВКП (б)»

Разве такое вообразишь? Потрогал лопатку, встал, посмотрелся в зеркало через плечо: синяк! Вернулся к столу. И повозка, и железный конь получились очень похоже. Так, сие круглое, между рогами, несомненно, фонарь... Колеса явно каучуковые, ибо не гремели по булыжнику... И вонь от аппарата шла, как от сгоревшей нефти! Устройство паровой машины Леонард себе представлял хорошо, но оставалось совершенно неясным, как она скомпонована на раме. Да и трубы не было, а без трубы какая ж тяга в топке! Выругавшись от бессилия, он закурил.

Домовой под печкой пригорюнился: мало того, что на руках ночью пьяного принесли, так ещё и натошак курит человек! Нет, надо с этим бороться!

Леонард, оставив бесполезные попытки разобраться с техникой будущего, а также с геополитикой (война с Германией!), крикнул Даниле, чтобы подавал завтрак.

После завтрака была запланирована поездка к дяде. Усевшись в сани, одолженные у хозяйственного Михайлова, и нагруженные всякими мелкими предметами, которые Леонард намеревался оставить Орлову старшему для сбережения, поручик велел Даниле трогать. Денщик, одетый в тулуп поверх шинели и обутый в валяные сапоги, чмокнул губами, и лошадка – сытенький буланый мерин, не спеша повлекла их по утренней Москве. Поскрипывал снег под полозьями, пахло дымом из многочисленных труб. На замерзших Патриарших прудах, расчищенных от снега, несколько человек каталось на коньках. Дурачина Бобик увязался следом, и бежал за санями до самой Калужской заставы. Потом понял, что хозяева едут дальше, чем он сможет осилить своими короткими кривоватыми лапами, и отстал.

Погода была благоприятствующая, дорога укатанная. Мерин шел ровной рысью, не особенно и напрягаясь, ибо груз был лёгкий. На всякий случай под медвежьей шкурой у Леонарда содержались два заряженных пистолета и был он при сабле, а у Данилы под сиденьем лежал драгунский короткий карабин. Приходилось предпринимать сии меры предосторожности, ибо на дорогах, особенно лесных, пошаливали разбойнички. Однако, обошлось. Пообедав в сельском придорожном трактире (село называлось Алабино), продолжили путь, дав отдохнуть животному пару часиков. Да и сами придремнули, по обычаю.

Ночевать остановились в Наро-Фоминске. Трактир был довольно большой и относительно чистый. Объяснялось это его новизной:

– Только год, как отстроились, Ваше благородие, – пояснил хозяин, раздувая для постояльцев угли в здоровенном самоваре.

Леонард с Данилой с интересом огляделись: стены трактира были украшены великолепной живописью. Собор Василия Блаженного и Красная Площадь, панорама большой реки с церковкой на высоком берегу и плывущими в небе облаками, золотой фонтан «Самсон» в Петергофе с бриллиантово искрящимися струями и гуляющей рядом нарядной публикой.

Красиво и очень реалистично!

День был постный, поэтому поужинали гречневой кашей с жареным луком и солеными огурчиками. Ну, водочки выпили, конечно – с морозу-то! Потом гоняли чай с баранками. При-

служивал сын хозяина, худенький парень лет шестнадцати, с льяными волосами, стриженными под горшок и курносый носом. Отчего-то он был хмур и в глаза не смотрел.

– Почто такой мрачный? – спросил Данила, сам под влиянием обильной еды и водочки находившийся в прекрасном настроении.

Парень промолчал. За него ответил трактирщик:

– Да вот, поучил его сегодня отецким ремешком, а то вожжа моему малому под хвост попала: бродягою захотел стать! Желаю, говорит, весь мир обойти-объехать, море-окиян увидеть да горы огнедышащие. Во сне, говорит, видит! А увиденное в тех снах на парсунах рисует. Я-то, сперва, ругался: зряшное занятие, расход один, но, как проезжающая барыня купила две доски аж за пятьдесят рублей, а через неделю – барин немецкий ещё одну, за тридцать, так перестал. Пушай малюет, хоть и небольшой, а прибыль! А шляться по миру – блажь!

– Правда, живописец? – с интересом спросил парня Леонард, – Как звать?

– Владимиром, – коротко буркнул тот, переминаясь с ноги на ногу.

– Что ж, Володя, покажешь свои парсуны? – улыбнулся Орлов поощряюще.

Владимир пожал плечами:

– Поглядите, коли охота!

В небольшой задней комнате, судя по всему, служившей жилищем и мастерской одновременно, он, зажгя свечи в самодельных деревянных подсвечниках, сдернул мешковину с доски размером примерно аршин на восемь вершков.

Леонард ахнул: яркими красками на доске был изображен тропический остров! Волны набегали на широкий золотой пляж, окаймленный пальмами, в отдалении возвышалась конусообразная гора со снежной вершиной. Два небольших парусника в бухте великолепно передавали масштаб. Остров из его, Леонарда, сновидений! Та самая бухта, где лицедеи высаживались из длинных спаренных лодок, украшенных резьбой!

– Вот ещё, барин, – потеплевшим голосом, видя интерес поручика, сказал Владимир, поворачивая к свету новую доску.

На ней была праздничная толпа украшенных цветами и каучуковыми прозрачными шарами людей, охватывающая полукругом знакомую статую лысого господина в кургузом сюртуке. Частично виднелось и здание с колоннами при красном флаге на крыше. Ново-Мурманск! Детали были выписаны великолепно! Люди были смуглые, женщины с цветами в волосах. Леонард живо вспомнил свой сон про награждение ананасоводов.

Имелось ещё три картины, но изображали они места, незнакомые поручику: мрачные, острые скалы, о которые разбивался прибой; барханы песка, над которыми виднелись яркие купола и минареты города-крепости; озеро, с отражающимся в нем утесом и двумя львами, скрадывавшими на берегу небольшое стадо зебр. Все реалистично и мастерски исполнено.

– Вот... ты все это... во сне? И в зале тоже? – потрясенно поинтересовался Леонард, – А рисовать где учился?

– Самоучка я, – в серых глазах живописца блеснула гордость.

– Ты не самоучка, ты, брат, самородок! – строго сказал поручик, – Вот, эти две парсуны, продашь? Сто рублей даю, серебром!

– Согласен! – кивнул Владимир, вроде даже равнодушно, как будто деньги не интересовали его.

– Тогда подпиши свою фамилию и год обозначь, в уголке. Так положено.

– А какую фамилию писать? По пачпорту мы Обнинские, поелику из крепостных батя выкупился у князя, а по уличному – Смахтины! – наморщил лоб Владимир.

– Пиши обе! – подумав, решил Орлов, – Смахтин-Обнинский!

И парень, окунув малую кисточку в горшочек с черной краской вывел в уголках картин свой автограф.

– Я в Аляску еду, – после недолгого молчания сказал Леонард, – Через всю Россию и Сибирь. В Америку. Хочешь мне послужить? Полмира точно увидишь! А мешать твоим художествам я не стану.

– Я бы поехал! Служить я могу. И стряпать, и... – страстно ответил Володя, но в глазах его плеснула тоска, – Да батя непустит.

– А я с ним договорюсь! – весело воскликнул Леонард.

Слуга был так и так нужен, а этот парень ему сразу приглянулся, да и сны он видел те же самые, можно и обсудить иногда.

С трактирщиком удалось договориться довольно быстро. Сначала он уперся:

– Никак невозможно, Ваше благородие! Кто ж, как не Вовка, мне в трактире помогать будет? Да и прибыль от его малевания ощутимый! – он позвенел десятком империалов, полученных только что за две парсуны, – Две дочери у меня, его моложе, на них надежды мало: замуж выйдут – и нету их. А хозяйка моя едва по дому управляется: коровы, свиньи, огород... Хозяйство большое!

– Я тебе его жалование за три года вперед выплачу, – настойчиво предложил Леонард, – А потом высылать будет, сколь договоритесь. Насчет же девок... Выдай их за подходящих мужиков, да и прими зятёв в дело!

Трактирщик зачесал в затылке, активизируя сим массажем скальпа мыслительный процесс.

– Сколько же Вы ему жалованья положите? – спросил он, начесавшись досыта, – Вовка парень расторопный, смысленный да грамотный! Даже и дробь знает. В руках все так и горит!

Сговорились на семи рублях в месяц (да, Читатель, такие были ставки тогда!) на всем готовом. Леонард тут же отсчитал триста рублей золотом и ассигнациями (ассигнации шли дешевле серебра). Корявыми буквами трактирщик написал расписку.

– К сему Елпидифор Смахтин руку приложил, – шевеля губами прочел он последнюю строку, и старательно расписался.

Ударили по рукам.

– Вовка! – мощно воззвал Елпидифор, – Поди сюды!

Сын появился мгновенно.

– Вот, поедешь, значит, с их благородием господином Орловым. Служи им на совесть! – внушительно напустился его папаша.

Встав на колени, Владимир поцеловал отцу руку. Тот в ответ перекрестил юношу.

Переночевав, тронулись в путь ещё до рассвета. Владимир взял с собой только сменную рубаху и портки, ну, ещё портянки. Остальной его багаж составляли краски и кисти. Он смиренно сидел рядом с Орловым, с любопытством вертя головой.

– Я ведь, барин, нигде допреж не бывал, окромя нашей деревни-то! – рассказывал он застенчиво, – В 1812 её француз разорил да пожег. Князь с княгиней опосля приезжали, охали, мол, где деньги взять, имение восстанавливать? А батя и подкатился к ним, дескать: выкупиться на волю желаю! За три тыщи серебром князь вольную-то нам и подписал. Батя-то давно трактир держал, на оброке. Ну, сюда перебрались, место бойкое, аккурат четверть пути от Москвы до Калуги, многие ночевать остаются. Трактир – дело прибыльное. Батя, может, даже в купцы запишется!

Данила, тоже внимательно слушавший парня, грустил. После стольких приятных лет необременительной службы денщиком ему теперь придется возвращаться в полк... А до оставки ещё долгонько!

– Часто ты сны-то видишь? – негромко задал самый интересующий его вопрос Орлов.

– Да не так, чтобы... Когда в неделю раз, когда и реже. Иногда и так бывает: как узнаю от проезжающих про красивое место: ну, там, Санкт-Петербург, али Саратов, так молюсь

на ночь Пресвятыя Богородице, чтобы хоть на краткий миг сие место увидеть. Получалось несколько раз!

– А как ты знаешь, что именно то самое место видишь? Санкт-Петербург или Москва – города приметные, а, скажем, Саратов? Откуда ты знаешь, что не Нижний Новгород? – каверзно прищурился Леонард.

– Ну, у людей же спросить всегда можно... – наивно похлопал белесыми ресницами Володя.

– Э-хм... Да, действительно! – смутился Леонард, и перевел разговор на другую тему:

– Водку пьешь?

– Нет, барин, не люблю я её!

Данила хмыкнул.

– Молодой ты ещё! Подрастешь – полюбишь...

Глава девятая

К обеду доехали до дядиногo сельца Балабаново. Одним концом оно выходило прямо к тракту и длинной улицей тянулось версты три на восток, переходя в липовую аллею. Барская усадьба стояла на небольшом холме, у подножия которого раскинулся пруд, живописно окаймленный ивами – целое озерцо, населенное любимыми дядей карпами и карасями. Сейчас, зимой, пруд был расчищен от снега, и на нем катались на коньках деревенские мальчишки. Один из них, издавeка увидев приближающиеся сани, рванул к подъезду – предупредить о прибытии гостей. За это полагалась награда: грошик или пряник. Так что, подъехав, поручик обнаружил на крыльце дворецкого Нафанаила и трёх лакеев. Кухаркина дочь, Агриппина, держала на подносе хлеб-соль.

– С приездом, батюшка Леонард Федорович, – тепло поздоровался Нафанаил, спускаясь с крыльца.

Агриппина с поклоном поднесла хлеб-соль. Леонард отломил корочку, окунул в солонку, положил в рот. Вкус родного дома! На секунду стало немного грустно. Проглотив хлеб под внимательными взглядами дворни, поцеловал девушку в сочные губы.

– Ух, ты, симпатичная! – и погладил по голове.

Агриппина тихонько вздохнула и на миг приникла к молодому барину всем телом.

– Здорово, молодцы! – гаркнул Орлов-младший по военному.

– Здра-жла-ваш-бродь! – весело отозвались мужики.

Леонард прошел в дом.

– Что дядя? Матрена Людвиговна? – спросил он, раздеваясь.

Один из лакеев, опустившись на колени, переобул молодого барина в коворые домашние туфли.

– В добром здравии-с, Леонард Федорович, – отвечал дворецкий, – Сейчас как раз обед, переодеваются они.

Проведя его в столовую, где срочно ставили на стол ещё один куверт, Нафанаил деликатно встал в сторонке, у столика с напитками.

Леонард огляделся. Он не был у дяди несколько лет: то командировка в Великобританию, то война... Ничего вокруг не изменилось. Вот портреты родителей в тяжелых золоченых рамах, вот портрет самого Всеволода Никитича в парадном мундире... Ан, нет! Вот и новое! Сверкающий свежими красками портрет тёти Моти! Живописец явно польстил ей, несколько сгладив острые черты лица и добавив бюста.

За спиной раздались шаги, и Леонард обернулся. В столовую рука об руку входили дядя и его жена.

После взаимных приветствий и поцелуев сели за стол.

– Нафаня! Налей-ка нам ржаной! – распорядился Всеволод Никитич.

Мужчинам проворно налили водочки из запотевшего графинчика. Даме – белого вина.

– Ну, за государя! – поднял обязательный тост хозяин.

Опорожненные рюмки тотчас наполнили снова, ибо между первой и второй перерывчик небольшой. Не закусывая, Орлов старший чокнулся с племянником и женой:

– Со свиданьем!

На этот раз закусили обстоятельно.

– Какие новости привез, Лёня? – вытер усы салфеткой дядюшка.

Вопрошаемый помедлил, собираясь с духом.

– Я, дядя, вышел в отставку.

– Вот это да! – выкатил на племянника глаза Орлов старший, – Ну, рцы далее!

– Это... Поступил на службу в Российско-Американскую Компанию, уезжаю в Аляску. Собственно, приехал попрощаться...

– А имение? На Мюллера оставляешь? – подался вперед Всеволод Никитич.

– Имение, увы, продадут скоро... за долги. Я хотел Вас просить: возьмите к себе все, что можно из скарба, до моего возвращения!

Новость была ошеломительная, и дядя выпил перцовки, чтобы активизировать скрытые резервы мозга.

– Однако! Ну, имение твое я куплю... наверное. Негоже в чужие руки-то отдавать! А в Аляску ты надолго ли?

– На двадцать лет...

– Н-да-а... Навряд ли увидимся... – покачал головой Всеволод Никитич.

Не проронившая до сей поры ни слова Матрена Людвиговна тихо радовалась про себя: двадцать лет – срок большой. Племянничек убывает на край Земли, когда ещё вернется, ежели вернется вообще, а значит, проблем с ним не будет в смысле наследства!

В дальнейшем разговоре Леонард изворотливо уклонился от объяснения причин, подвигших его на столь радикальные перемены в жизни. Про Ванду не рассказал – стыдно было. Поедет дядюшка в Москву и сам все узнает. А он, Леонард, будет уже далеко...

Вечером, после ужина, Володя впервые прислуживал новому хозяину: стелил постель, не доверив это горничной, согревал простыни грелкой с углями, помогал переодеваться в ночную рубаху. Свечу поместил в блюдечко с водой – на случай, если барин уснет, не загасив. На ночной столик положил книгу, указанную поручиком, и поставил чашку с водой.

– Чтонибудь ещё прикажете, барин? – осведомился он деловито.

– Нет, все отлично... А впрочем... Постарайся сегодня Лондон во сне увидеть! – полушутливо посоветовал Леонард, умащаясь на мягкой перине.

– А это чего, Лондон? Земля такая? – серьезно спросил Володя.

– Это, брат, город в Англии. Самый, слышь, большой на Земле. Река через него течет, Темз. Я там был.

– Постараюсь, барин, – коротко пообещал Володя и вышел, притворив за собой дверь.

Дворовой девушке Агриппине не спалось. Перед внутренним взором стоял статный молодой барин. Последний раз он был здесь пять лет назад, и запал в сердце девичье! Ни тогда, ни теперь он на неё, конечно, даже внимания не обратил, но сегодняшний поцелуй жег губы. Как же так, уезжает аж на двадцать лет! Оттуда даже и в отпуск не приедешь! Говорят, когда солнышко встает, в той земле, Америке, оно уже садится, во, как далеко!

Агриппине летошний год сравнялось девятнадцать. Барин уж и жениха подыскал, кузнецова сына Леонтия. На следующую осень свадьба... Но Леонард Федорович был ей мил, несмотря на свою полнейшую недоступность, а Леонтий – нет. Конечно, говорят: стерпится – слюбится... А может, удастся Леонарда Федорыча уговорить с собой взять? Стряпухой, али, там, горничной... Лишь бы рядом быть!

Не раздумывая долее, она тихонько, чтоб не разбудить мать, встала, и босиком пошла, стараясь не наступать на скрипучие половицы, в покои гостя.

Морфей уже мягкими крылами навевал Леонарду приятную дремоту. Зевнув, он отложил книгу и задул свечу. В спальне было немного душновато, перестарались, печку топивши. Откинув одеяло так, чтобы были прикрыты только ноги, он закинул руки за голову и смежил веки. Но скрипнула дверь, лёгкие шаги босых ног прошлепали по полу, и в следующий миг он обнаружил себя в объятиях крепких девичьих рук! Солёные слезы упали на его лицо. Вот это да!

– Эй! – негромко позвал он, – Ты кто такая, а?

– Агриппина я, барин! – был ответ сквозь сдерживаемые рыдания.

Леонард растерялся. Агриппина... Ну, да! Кухаркина дочь!

– Люблю я Вас, Леонард Федорович! – страстным шепотом продолжала меж тем девушка, щекоча своим жарким дыханием ухо молодого барина, – Как жить без Вас буду – не ведаю! Возьмите меня скорее, а я молиться буду Пресвятыя Богородице, чтоб дитё Ваше понести... – она принялась неумело, громко чмокая, целовать губы и щеки Леонарда.

Он осторожно обнял её. Крепкое тело округлилось под руками, но не вызвало никаких ответных чувств, кроме жалости к бедняжке. Угораздило же её влюбиться в него, бестолкового!

– Да погоди ты, Агриппина! Не надо, грех это! Да и день постный... Ничего у нас с тобою быть не может, уезжаю я... наовсе, значит. На двадцать лет!

– Ой, барин! Хоть миг, да мой! – руки девушки жадно зашарили по телу поручика, трогая за самые заветные места, но тот оставался индифферентен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.